

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ  
**«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ  
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**  
( Н И У « Б е л Г У » )

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ  
ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ  
КАФЕДРА РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ И ДОКУМЕНТОВЕДЕНИЯ

**ВКЛАД АКАДЕМИКА Д.С. ЛИХАЧЁВА В ИЗУЧЕНИЕ И  
ПУБЛИКАЦИИ ПАМЯТНИКОВ ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

Выпускная квалификационная работа  
обучающейся по направлению подготовки 46.04.01 История  
заочной формы обучения, группы 02031555  
Надежкиной Юлии Александровны

Научный руководитель:  
кандидат исторических наук,  
доцент Кулабухов В.С.

Рецензент:  
заместитель начальника  
кафедры психологии и  
педагогике Белгородского  
юридического института  
МВД России имени И.Д.  
Путилина, майор полиции,  
к.и.н. Шахов В.В.

БЕЛГОРОД 2018

## Содержание

Введение.....	3
Глава I. Этапы становления научно-исследовательской деятельности Д.С. Лихачева.....	12
I.1. Биографические данные об ученом.....	12
I.2. Начало и этапы научно-профессиональной деятельности ученого.....	19
I.3. Оценка деятельности ученого советскими и российскими властями.....	34
Глава II. ....	40
II.1. Основные жанры древнерусской литературы.....	40
II.2. Научные публикации академика по исследованию древнерусской литературы.....	49
II.3. Вклад ученого в освещение спорных вопросов одного из памятников древнерусской литературы «Слова о полку Игореве.....	63
II.4. Этапы становление научной школы историка и его последователи.....	96
Глава III. Вклад ученого в развитие исторического краеведения в России..	101
III.1. Работа академика в семинарах и конференциях, посвященных вопросам краеведения в России.....	102
III.2. Деятельность академика в определении даты происхождения города Белгорода Белгородской области .....	105
Заключение.....	110
Библиография.....	114
Приложения.....	126

## Введение

**Актуальность темы исследования.** Вопрос о том, как нужно писать историю, в какой степени может быть свободен тот, кто размышляет и повествует о прошлом, как именно нужно оценивать степень достоверности исторического повествования – постоянно волнуют как историков и авторов исторических сочинений, так и тех, кто их читает. При этом они сходятся на том, что личность самого автора, его умения и навыки, личные качества, мировоззрение играют значительную роль в характере и качестве повествования. В настоящей работе мы обратимся к творчеству одного из замечательных исследователей и авторов исторических работ – Дмитрия Сергеевича Лихачева. Актуальность данного диссертационного исследования определяется следующими фактами:

Во-первых, труды академика Д. С. Лихачева составляют духовное богатство России, исследование его работ позволяет определить значимость отечественной культуры в мировом процессе развития человечества, осмыслить культурно-историческую ситуацию в стране. О высокой оценке вклада ученого в развитие русской культуры является то, что он стал первым кавалером ордена Андрея Первозванного. Современники отмечали и его замечательные человеческие качества – честность, прямота, твердость характера, умение понятно и четко донести свою мысль, решительность, добросовестность.

Во-вторых, Дмитрий Сергеевич Лихачев внес огромный вклад в развитие отечественного источниковедения. Он выработал методику изучения древнерусской литературы в том числе и как исторического источника, которую затем использовали и используют его последователи. Его работы уникальны, поскольку соединяют в себе подходы и методы сразу нескольких наук.

В-третьих, исследуя широкий спектр гуманитарных наук, таких как филология, история, искусствоведение, Д. С. Лихачев, сумел соединить их методы и средства и внести значительный вклад в развитие каждой из них.

В-четвертых, значителен вклад академика Лихачева в развитие отечественного краеведения, которое приобрело совершенно новое развитие во второй половине XX века именно благодаря Дмитрию Сергеевичу.

**Предметом изучения** выступает научная и творческая деятельность Дмитрия Сергеевича Лихачева

**Объектом изучения** является вклад Д.С. Лихачева в развитие исторической науки.

**Цель исследования:** изучить научно-исследовательскую деятельности Д.С. Лихачева и проанализировать его вклад в изучении истории древнерусской литературы и Древней Руси в целом.

**Задачи исследования:**

- рассмотреть биографию ученого;
- определить этапы его профессионального становления;
- сравнить оценку деятельности академика советскими и российскими властями;
- оценить вклад Д.С. Лихачева в изучение различных древнерусских литературно-исторических жанров;
- рассмотреть основные публикации Лихачева по исследованию древнерусской литературы;
- вклад академика в изучение «Слова о полку Игореве»;
- изучить становление научной школы Д.С. Лихачева;
- проанализировать деятельность академика по развитию краеведения в России;
- выяснить степень его участия в дискуссии по вопросу основания города Белгорода.

**Степень разработанности теме.** В изучении биографии и творческой деятельности академика Лихачева можно выделить несколько периодов,

каждый из которых характеризуется определенными особенностями. А именно характером работ, объектом интереса, причинами их написания.

К первому периоду, отразившему интерес к его творчеству, относится написание рецензий на научные и научно-популярные издания Лихачева, выходившие при его жизни. В частности в конце 1940-х начале 1950-х гг выходит целый ряд рецензий. На книгу «Культура Руси эпохи образования Русского национального государства» вышли рецензии трех авторов – Н.Н. Воронина, М.Н. Тихомирова и Н. Васильева<sup>1</sup>. «История культуры Древней Руси» вызвала интерес у В.П. Андриановой-Перетц, В.А. Александрова, А. Монгайта, А.П. Смирнова, Г. Федорова, М.Н. Тихомирова<sup>2</sup>.

В 1960-е гг на книгу «Культура Руси времени Андрея Рублева и Епифания Премудрого» написал рецензию Ю. Кашкаров. Особо следует выделить имя Д. Молдавского, написавшего очерк о творчестве Д.С. Лихачева и ряд отзывов на его книги по развитию русской литературы в 1960-70-е гг<sup>3</sup>. В 1980-е гг вновь выходит большое число рецензий. Книгу «Письма о добром и прекрасном» рецензировала И.Н. Баженова; «Земля родная» – Б. Казанков, А.П. Любимов; «Заметки о русском» - А. Пистунова, «Прошлое – будущему» – В. Акимов, Н. Тюльпинов<sup>4</sup>.

---

<sup>1</sup> Тихомиров М.Н. Еще несколько замечаний о "Культуре Руси эпохи образования Русского национального государства" // Вопросы истории. - 1947. - № 11. - С. 158-159. - Рец. на кн.: Лихачев Д. С. Культура Руси эпохи образования Русского национального государства. - М., 1946; Воронин Н.Н. [Рецензия] // Вестник АН СССР. - 1947. - № 5. - С. 124-128. - Рец. на кн.: Лихачев Д. С. Культура Руси эпохи образования Русского национального государства. (Конец XIV - начало XVI в.). - Л., 1946.; Васильев Н. [Рецензия] // Вечерняя Москва. - 1947. - 8 янв. - Рец. на кн.: Лихачев Д. С. Культура Руси эпохи образования Русского национального государства. (Конец XIV - начало XVI в.). - Л., 1946.

<sup>2</sup> Андрианова-Перетц В.П. [Рецензия] // Литературная газета. - 1951. - 20 окт. - Рец. на кн.: История культуры Древней Руси. [Т. 1-2. - 1951]; Александров В.А. [Рецензия] // Преподавание истории в школе. - 1952. - № 6. - С. 106-107. - Рец. на кн.: История культуры Древней Руси. - М.; Л., 1951. - Т. 2.; Монгайт А. [Рецензия] // Вопросы истории. - 1951. - № 11. - С. 139. - Рец. на кн.: История культуры Древней Руси. - М.; Л., 1951. - Т. 2.; Смирнов А.П. Новый труд по истории культуры Древней Руси // Вестник АН СССР. - 1951. - № 11. - С. 99. - Рец. на кн.: История культуры Древней Руси. - М.; Л., 1951.; Федоров Г. Исследование истории культуры Древней Руси // Славяне. - 1952. - № 6. - С. 56-61. - Рец. на кн.: История культуры Древней Руси. - Т. 1-2. Тихомиров М.Н. Древнейшая культура русского народа // Новый мир. - 1952. - № 8. - С. 280. - Рец. на кн.: История культуры Древней Руси. - Т. 1-2.

<sup>3</sup> Молдавский Д. В грядущее: [очерк о творчестве Д. С. Лихачева] // Звезда. - 1986. - № 11. - С. 185-190; Молдавский Д. Книга о начале русской литературы // Вечерний Ленинград. - 1953. - 18 февр. - Рец. на кн.: Лихачев Д. С. Возникновение русской литературы. - М.; Л., 1952; Молдавский Д. Экскурсия в древность или марш в будущее // Звезда. - 1967. - № 10. - С. 211-213. - Рец. на кн.: Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. - Л., 1967.

<sup>4</sup> Кашкаров Ю. Культура Древней Руси // Вопросы литературы. - 1963. - № 4. - С. 214-217. - Рец. на кн.: Лихачев Д. С. Культура Руси времени Андрея Рублева и Епифания Премудрого (конец XIV - начало XV в.).

К этому же периоду мы отнесли и журнальные публикации, посвященные юбилеям Дмитрия Сергеевича, прежде всего посвященные 70-летию, 75-летию, 80-летию и вышедшие, соответственно в 1970 – 1980-х гг. В них отмечалось профессиональное мастерство ученого, талант организатора такими авторами как Л.А. Дмитриев, Я.С. Лурье, А.С. Демин, О.А. Державина, А.Н. Робинсон, А.М. Панченко, А.С. Елеонская, К. Канева, О.А. Князевская, Н.И. Толстой, В.А. Мануйлов<sup>5</sup>. Краткое освещение трудов Лихачева без анализа его представлений было предпринято Е. Дорошом в 70-е годы<sup>6</sup>.

Ко второму периоду мы относим воспоминания о Д.С. Лихачеве как о человеке высокой души, «совести нации», чья фигура способствовала национально-культурному самоопределению страны. Подобные работы начали выходить уже в 1970-х гг, затем более активно публиковались в 1990-х годах, продолжился выход воспоминаний и после смерти ученого. Ученики Лихачева – Г.М. Прохоров, Л.Д. Опульская, И.А. Лобакова, Р.П. Дмитриева, М.А. Салмина написали воспоминания о личных качествах их учителя, его воспитанности, интеллигентности но также они рассматривали и его открытия, сделанные в филологии, текстологии, средневековой литературе, поэтому данные работы занимают важное место в историографии вопроса<sup>7</sup>.

---

- М.; Л., 1962.; Слово к молодым // В мире книг. - 1984. - № 12. - С. 83. - Рец. на кн.: Лихачев Д. С. Земля родная. - Л., 1983; Баженова И.Н. Пути добра и красоты // Русский язык в национальной школе. - 1986. - № 1. - С. 57-58. - Рец. на кн.: Лихачев Д. С. Письма о добром и прекрасном. - М., 1985; Пистунова А. Благородное слово: [о кн. Д. С. Лихачева "Заметки о русском". М., 1981] // В мире книг. - 1984. - № 11. - С. 72-73; Тюльпинов Н. Проповедник культуры // Лит. обозрение. - 1986. - № 9. - С. 64-67. - Рец. на кн.: Лихачев Д. С. Прошлое - будущему: ст. и очерки. - Л., 1985.

<sup>5</sup> Демин А.С. Дмитрий Сергеевич Лихачев: [к 70-летию со дня рождения] / А. С. Демин, О. А. Державина, А. Н. Робинсон [и др.]. // Науч. докл. высш. шк. филол. науки. - 1976. - № 5. - С. 123-125; Дмитриев Л.А. 80-летие академика Д. С. Лихачева / Л. А. Дмитриев, В. Л. Янин, С. О. Шмидт // Вопросы истории. - 1986. - № 11. - С. 116-121; . Канева К. Государство духа: [к 80-летию со дня рождения Д. С. Лихачева] // Нева. - 1986. - № 11. - С. 160-163; Князевская О.А. Вопросы палеографии и кодикологии в трудах академика Д. С. Лихачева: (к 80-летию со дня рождения)// Археографический ежегодник за 1986 год. - М., 1987. - С. 143-147; Мануйлов В.А. Историзм, точность, увлекательность: к 75-летию академика Д. С. Лихачева // Нева. - 1981. - № 11. - С. 174-176.

<sup>6</sup> Дорош Е. Живое дерево искусства: [о трудах Д. С. Лихачева]. - 2-е изд., доп. - М.: Искусство, 1970. - С. 317-330.

<sup>7</sup> Дмитриева Р.П. Дмитрий Сергеевич Лихачев - преподаватель исторического факультета Ленинградского университета (1946-1953) / Р. П. Дмитриева, М. А. Салмина // Труды Отдела древнерусской литературы / РАН, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). - СПб., 1997. - Т. 50. - С. 27-31; Краткий очерк научной,

Третий этап освоения культурного наследия Д.С. Лихачева был направлен на постижение его идей во время Лихачевских чтений в 2000-х годах. Первые Лихачевские чтения «Христианство и древнерусская литература» (название было в свое время предложено сами же Д.С. Лихачевым) прошли с 29 сентября по 3 октября 2000 г. В них были представлены различные аспекты анализа древнерусской литературы: сравнение древнерусских образов, смеховая культура, развитие текстологической школы Д.С. Лихачева. С докладами выступили А.М. Панченко, М.В. Рождественская, И.З. Серман, С.О. Шмидт, Ацуо Накадзави (восприятие японцами книг Д.С. Лихачева), В.П. Бударрагин, А.А. Алексеев и другие, продолжавшие развивать идеи Лихачева.

Вторые Лихачевские чтения состоялись 23–24 мая 2002 года. На них был озвучен Указ президента РФ «Об увековечении памяти Д.С. Лихачева», было представлено пять секций, названных по проблемам, которыми занимался Лихачев – правовые основы сохранения культуры, судьба книг, российский интеллигент, древнерусская литература, искусство и современность. На этих чтениях впервые была предпринята попытка не только развития идей ученого, но и установления основных научных положений его теории. К таким авторам относятся Т.Е. Шехтер, О.Ф. Петрова, Г.М. Бирженюк, А.Н. Кельчевский, В.В. Окрепилов, С.Н. Иконникова, Т.Г. Киселева, Д.Н. Альшиц, А.П. Марков, Н.Б. Иванова, А.С. Кушнер, Ю.В. Зобнин, Б.Д. Парыгин, Н.А. Сивова, И.А. Савкин, Т.Д. Дягилева, Г.А. Сащенко<sup>8</sup>. Кратким обзором творчество Лихачева

---

педагогической и общественной деятельности [Д. С. Лихачева] / В. П. Адрианова-Перетц, М. А. Салмина // Дмитрий Сергеевич Лихачев / библиогр. сост. М. А. Салминой и Г. Н. Финашиной. - 2-е изд., доп. - М., 1977. - С. 8-38; Прохоров Г.М. Памяти Дмитрия Сергеевича // Труды Отдела древнерусской литературы. - СПб., 2001. - Т. 52. - С. 3-5.

<sup>8</sup> Бирженюк Г.М. Д. С. Лихачев как просветитель // Мир гуманитарной культуры академика Д. С. Лихачева: Междунар. Лихачевские науч. чтения 23-24 мая 2002 г. /сост. и отв. ред. Г. М. Бирженюк. – СПб., 2003. – С. 23-27; Кушнер А.С. Лихачев - либерал тургеневско-чеховского типа / [беседу вела Т. Львова] // ОченьУМ. - 2006/2007. - № 1, спец. вып.: К 100-летию со дня рождения Д. С. Лихачева. - С. 42-47; Иконникова С.Н. Штрихи к портрету Д. С. Лихачева // Мир гуманитарной культуры академика Д. С. Лихачева: II Международные Лихачевские научные чтения 23-24 мая 2002 г. /сост. и отв. ред. Г. М. Бирженюк. – СПб., 2003. – С. 17–18; Марков А.П. Научные идеи академика Д. С. Лихачева как ресурс национально-культурного самосознания России в XXI веке // Мир гуманитарной культуры академика Д. С. Лихачева: II Международные Лихачевские научные чтения 23-24 мая 2002 г. /сост. и отв. ред. Г. М. Бирженюк. – СПб.:

упоминалось в статьях Н.Е. Выжлецовой, относившей представления ученого об образовании культуры к социокультурному типу. И.А. Бокачев, проводя обзор категории духовности в социальной философии, включил имя Лихачева.

Таким образом, представленная литература во многом фрагментарна и не завершена. Актуальность, сложность и недостаточная научная разработанность творческого наследия Д.С. Лихачева определили выбор темы, объекта, предмета, цели и задачи исследования.

**Источниковую базу исследования** составили несколько групп источников. В первую очередь, это автобиографические работы ученого «Воспоминания»<sup>9</sup>, «Я вспоминаю»<sup>10</sup>, позволившие проследить этапы становления мировоззрения и научной и творческой деятельности Д. С. Лихачева.

Во-вторых, в процессе работы были исследованы академические монографии<sup>11</sup>. На основе таких работ как «Человек в литературе Древней

---

СПбГУП, 2003. – С. 27–30; Петрова О.Ф. Творческий коллектив Лихачевых // Мир гуманитарной культуры академика Д. С. Лихачева: II Международные Лихачевские научные чтения 23-24 мая 2002 г. /сост. и отв. ред. Г. М. Бирженюк. – СПб., 2003. – С. 179-180; Альшиц Д.Н. ...И свеча не погасла! К вопросу о масштабе и значении научного подвига Д. С. Лихачева в историко-культурной жизни эпохи // Труды Отдела древнерусской литературы / РАН, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом); под ред. А. А. Алексеева [и др.]. - СПб., 1997. - Т. 50. - С. 21-26; Зобнин Ю.В. Мы чувствуем себя крестниками Лихачева // Санкт-Петербургские ведомости. - 2006. - 21 февр. (№ 31). - С. 4; Дягилева Т.Д. Вопросы теории культуры в творческом наследии Д. С. Лихачева // Мир гуманитарной культуры академика Д. С. Лихачева: II Международные Лихачевские научные чтения 23-24 мая 2002 г./ сост. и отв. ред. Г. М. Бирженюк. – СПб., 2003. – С. 119–121;

<sup>9</sup> Лихачев, Д.С. Избранное: воспоминания 2-е изд., перераб. / Д.С. Лихачев. - СПб.: Logos, 1997. - 607 с

<sup>10</sup> Лихачев, Д.С. Я вспоминаю / Д.С. Лихачев. М.: Прогресс, 1991. -256 с.

<sup>11</sup> Лихачев, Д.С. Великий путь: Становление русской литературы XI XVII веков / Д.С. Лихачев. М.: Современник, 1987. - 299 с; Лихачев, Д.С. Возникновение русской литературы / Д.С. Лихачев. -М.: Изд-во АН СССР, 1952. 240 с.; Лихачев, Д.С. Древнерусские литературные памятники / Под ред. Д.С. Лихачева. Л.: Наука, 1979. - 469 с.; Лихачев, Д.С. Избранное: великое наследие: классические произведения литературы Древней Руси: Заметки о русском. // Д.С. Лихачев. СПб.: Logos, 1998. - 560 с.; Лихачев, Д.С. Историческая поэтика русской литературы: смех как мировоззрение и другие работы / Д.С. Лихачев. СПб.: Алетейя, 1997. - 508 с.; Лихачев, Д.С. Куликовская битва и подъем национального самосознания: сб. ст. / Под ред. Д.С. Лихачева. Л.: Наука, 1979. - 413 с.; Лихачев, Д.С. Культура Руси эпохи образования русского национального государства (конец XIV начало XVI веков) / Д.С. Лихачев. -М.: ОГИЗ, 1946.- 164 с.; Лихачев, Д.С. Культура Русского народа X-XVII вв. / Д.С. Лихачев. - М; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. - 120 с; Лихачев, Д.С. Новгород Великий: Очерк истории культуры Новгорода XI XII вв / Д.С. Лихачев. - Л.; Госполит. изд., 1945. - 104 с.; Лихачев, Д.С. Поэтика древнерусской литературы / Д.С. Лихачев. -Л.: Наука, 1967.-372 с.; Лихачев, Д.С. Прошлое будущему / Д.С. Лихачев. - Л.: Наука, 1985.-575 с.; Лихачев, Д.С. Развитие русской литературы X-XVII веков / Д.С. Лихачев. СПб.: Наука, 1998. - 208 с.; Лихачев, Д.С. Сергей Радонежский и Франциск Ассизский / Д.С. Лихачев // Наука и религия. 1992. №1. - С. 8.; Лихачев, Д.С. Смех в Древней Руси / Д.С. Лихачев, А.М. Панченко. Л.: Наука, 1984. - 295 с.; Лихачев, Д.С. Текстология: на материале русской литературы X -XVII вв. / Д.С. Лихачев. М. Л., изд-во Акад. наук СССР, ленингр. отд-ние, 1962,- 605 с.;



Руси», «Культура времен Андрея Рублева и Епифания Премудрого», «Текстология» было выявлено основное содержание источниковедческой концепции Д. С. Лихачева, которое заключалось в особом отношении к источнику и включении его в контекст культуры, что будет подробно рассмотрено в работе.

Обращение к сборнику «Избранные труды по русской и мировой культуре»<sup>12</sup> способствовало изучению вопросов культурологической методологии Д. С. Лихачева, которыми ученый вплотную занимался в 80-е, 90-е годы.

Особо нужно выделить публицистические заметки Д. С. Лихачева, комментарии к литературным памятникам. Особенное место в его творчестве занимают работы, посвященные «Слово о полку Игореве»<sup>13</sup>.

Отдельно следует отметить такой тип источников, как воспоминания людей, лично знавших Д.С. Лихачева. Такие авторы, как О.В. Панченко, Д. Гранин, А. Рубашкин, Е.Г. Водолазкин, С.С. Аверинцев, Д.Н. Альшиц, Л.Д. Лихачева, М.П. Сотникова, О.В. Творогов, К.Х. Смит, Р. Милнер-Гулланд<sup>14</sup> опубликовали свои воспоминания в журналах о личных качествах Лихачева-интеллекта, ученого с большой буквы.

Еще одной группой источников являются изобразительные. К ним относятся фотографии с академиком. В 2002 году вышла книга «Дмитрий

---

Лихачев, Д.С. Текстология: на материале русской литературы X -XVII вв / Д.С. Лихачев. СПб.: Алетей, 2001. - 758 с.; Лихачев, Д.С. Человек в литературе Древней Руси / Д.С. Лихачев. -М.: Наука, 1970.- 180 с.

<sup>12</sup> Лихачев, Д.С. Избранные труды по русской и мировой культуре / Д.С. Лихачев. СПб.: СПбГУП, 2006. - 416 с.

<sup>13</sup> Лихачев, Д.С. «Слово о полку Игореве» героический пролог русской литературы / Д.С. Лихачев. - М.; Л.: Гос. изд. худ. лит., 1961. - 134 с. (2-е изд. - Л.: Худож. лит, 1967. - 119 с.); Лихачев, Д.С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени» / Д.С. Лихачев. Л.: Худож. лит., 1978. - 359 с; Лихачев, Д.С. Восстановление памятников культуры: Проблемы реставрации: сб. ст. / Под ред. Д.С. Лихачева. - М.: Искусство, 1981. 232 с; Лихачев, Д.С. Диалоги о вчерашнем, сегодняшнем и завтрашнем / Д.С. Лихачев, Н.Г. Самвелян. М.: Сов. Россия, 1998. - 142 с.; Лихачев, Д.С. К вопросу о «Слове о полку Игореве» как историческом источнике / Лихачев Д.С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. 2-е изд., доп. Л.: Сов. писатель, 1985. – 435 с.

<sup>14</sup> Гранин Д.А. Постоянство: [о феномене Д. С. Лихачева] // Труды Отдела древнерусской литературы / РАН, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). - СПб., 1997. - Т. 50. - С. 17-20.; Рубашкин, А. Великий гражданин [Текст] // Нева. — 1996. — № 11. - С. 177-180; Панченко, А.М. Дмитрий Сергеевич Лихачев [Текст]: к 80-летию со дня рождения // Рус. лит. — 1986. — № 8. - С. 218-222.

Лихачев и его эпоха»: Воспоминания. Эссе. Документы. Фотографии»<sup>15</sup>. В ней представлены воспоминания М. Горбачева, Д. Гранина, А. Кушнера, М. Шемякина об академике, собрано много фотографий и материалов из семейного архива. Кроме того изобразительным источником является и изображение юбилейной монеты «Тысячелетие Белгорода». Здесь же следует упомянуть и орден Андрея Первозанного и его статуй<sup>16</sup>.

Особая группа источников характеризует краеведческую деятельность ученого и его роль в решении одного из самых спорных вопросов белгородского краеведения – даты происхождения города Белгорода. Сюда следует отнести материалы собранные краеведом Ю.Н. Шмелевым в его книге, письмо А.И. Раздорского, выступившего против теории Шмелева, а также материалы переписки между различными заинтересованными лицами и органами<sup>17</sup>.

**Методологическая база** исследования представлена историко-сравнительным и историко-генетическим методами, которые позволили проследить развитие творческой и научной деятельности академика и определить его вклад в исследования древнерусской литературы. Использовались также общенаучные методы, такие как текстологический анализ, сравнение, обобщение, классификация.

**Научная новизна** заключается в том, что в работе подробно рассмотрена биография академика Д.С. Лихачева, изучены этапы становления его научной и творческой деятельности, проанализированы основные публикации по истории древнерусской литературе и его вклад в изучение данной темы, проанализирован вклад ученого в развитие краеведения.

---

<sup>15</sup> Дмитрий Лихачев и его эпоха: Воспоминания. Эссе. Документы. Фотографии / сост. и отв. ред. Е. Г. Водолазкин. - СПб.: Logos, 2002. - 420 с.: ил.

<sup>16</sup> Балязин В.Н., Кузнецов А.А., Соболева Н.А. Символы и награды Российской державы / В.Н. Балязин, А.А. Кузнецов, Н.А. Соболева, - М., 2006. – 529 с.

<sup>17</sup> Шмелев Ю.Н. Тайны Белгородского треугольника или страницы жизни из трех тысячелетий истории руссов. М.: Белгородское областное историко-родословное общество, 1995. – 304 с; Шмелев Ю.Н. Когда Москва Бел город строила и Валуйку с Осколом... Белгород, 1990; 112. Раздорский А.И. Письмо в редакцию по поводу «1000-летия» г. Белгорода // Отечественная история. 1997. №5. С. 192-199.

**Хронологические рамки** исследования охватывают период с рождения Д.С. Лихачева до наших дней, когда активно действует его научная школа.

**Теоретическая значимость** исследования заключается в том, что предпринята попытка анализа деятельности Д.С. Лихачева как историка и источникововеда с позиций его вклада в историческую науку, а также рассматривается его вклад в развитие краеведения.

**Практическая значимость** исследования состоит в том, что его результаты можно использовать в дальнейших исследованиях по данной теме, а также при подготовке материалов об академике Лихачеве и об источникововедении истории Древней Руси.

Работа состоит из введения, трех глав, заключения, библиографии и приложений.

## **Глава I. Этапы становления научно-исследовательской деятельности Д.С. Лихачева**

### **1.1. Биографические данные о Д.С. Лихачеве**

Дмитрий Сергеевич Лихачев родился 28 (15) ноября 1906 года в Петербурге. Его родители были, как он отмечал, «типичными петербуржцами»: отец Сергей Михайлович, сын церковного старосты, - инженер, работавший в Главном управлении почт и телеграфов, мать Вера Семеновна - из семьи купцов-единоверцев<sup>18</sup>.

По сведениям адресных книг, с осени 1904 и до лета 1906 года семья инженера Лихачева снимала жилье во флигеле между Галерной ул. (д. 48) и набережной Адмирал-тейского канала (д. 23). В это время Сергей Михайлович получил чин IX класса и стал "личным" дворянином. Осенью 1906 года он снял квартиру в доходном доме Гартман на Английском пр., 20, рядом с особняком знаменитой балерины Матильды Кшесинской. В одной из квартир этого дома 15(28) ноября 1906 года появился на свет Дмитрий Сергеевич Лихачев. В упомянутой автобиографии он писал, что «родился по странности судеб на Английском проспекте». Рассказывают, что мать перед его рождением была свидетельницей расстрела рабочей демонстрации во время беспорядков 1906 года. В конце ноября младенец Лихачевых был крещен и наречен в честь св. Димитрия Ростовского, именины которого справлялись 21 сентября. Сведений о месте его крещения пока не найдено. Вероятно, это произошло в ведомственной церкви Двенадцати Апостолов Главного управления почт и телеграфов, которую в то время посещал инженер Лихачев с семьей. Она размещалась на втором этаже здания

---

<sup>18</sup> Лихачев Д.С. Я вспоминаю./ Д.С. Лихачев. - М.: «Прогресс», 1991. - С.8

Главного управления (Почтамтская ул., д. 7/4) и занимала огромный зал. В 1905-1910 годах настоятелем храма был отличный проповедник и университетский профессор церковного права - протоиерей Михаил Иоаннович Горчаков<sup>19</sup>.

Д.С. Лихачев вспоминал: «На Страстной и к Пасхальной заутрене ходили мы на Почтамтскую улицу в домовую церковь Главного управления почт и телеграфов, где отец служил столоначальником. Пальто снимали в гардеробе, поднимались на 2-й этаж. Паркетные полы в церкви были хорошо натерты. Электричество спрятано за карнизы. Лампады горели электрические, и это некоторые ортодоксально настроенные прихожане осуждали. Но отец гордился этим нововведением - это была его инициатива. Когда входила семья (наша или другая), служитель сразу нес венские стулья и ставил позади, чтобы в дозволенных для этого местах службы можно было присесть отдохнуть. Позже я узнал, что в эту же церковь ходила и семья Набоковых. Значит, мы встречались с Владимиром. Но он был старше меня (на 7 лет)»<sup>20</sup>.

Детство Д.С. Лихачева пришлось на ту короткую, но блестящую пору в истории русской культуры, которую принято называть Серебряным веком. Родители Д.С. Лихачева не принадлежали к литературной или артистической среде, тем не менее, эта эпоха затронула и их семейство. Большим увлечением родителей Лихачева был балет. Ежегодно, несмотря на недостаток в средствах, они старались снять квартиру как можно ближе к Мариинскому театру, покупали два балетных абонементов в ложу третьего яруса и не пропускали почти ни одного представления. Вместе с родителями с четырехлетнего возраста театр посещал и маленький Дмитрий. Летом семья отправлялась на дачу в Куоккалу. Здесь отдыхали многие представители артистического и литературного мира Петербурга. На дорожках местного парка можно было встретить И.Е. Репина, К.И. Чуковского, Ф.И. Шаляпина,

---

<sup>19</sup> Боглачев С.В. Петербургские адреса юного Лихачева // Альманах Междунар. благотвор. фонда им. Д. С. Лихачева./ С.В. Боглачев. - СПб., 2005. - Вып. 1: Культура и общество. - С. 74

<sup>20</sup> Лихачев Д.С. Указ.соч. - С.11

Вс. Мейерхольда, М. Горького, Л. Андреева и других писателей, художников, артистов, музыкантов. Некоторые из них выступали в любительском дачном театре с чтением стихов, воспоминаний. «Люди искусства стали для нас всех если не знакомыми, то легко узнаваемыми, близкими, встречаемыми»<sup>21</sup>, — рассказывает Д.С. Лихачев.

Осенью 1907 года семья Лихачевых сняла уютную 5-комнатную квартиру на втором этаже обширного доходного дома на западном углу Офицерской ул. (д. 17/9) и Прачечного пер., недалеко от Львиного мостика<sup>22</sup>. С этим домом связаны все ранние детские воспоминания Д.С. Лихачева, прожившего здесь первые пять лет своей жизни. Он пишет: «Мои первые детские воспоминания восходят ко времени, когда я только начинал говорить. Помню, как в кабинете отца на Офицерской сел на подоконник голубь. Я побежал сообщить об этом огромном событии родителям и никак не мог объяснить им - зачем я их зову в кабинет... Когда ночью выпадал первый снег, комната, где я просыпался, оказывалась ярко освещенной снизу отраженным светом от снега на мостовой (мы жили на втором этаже). На светлом потолке двигались тени прохожих. По потолку я знал - наступила зима...»<sup>23</sup>

В 1908 году инженер Лихачев получил орден св. Анны 3-й степени и чин VIII класса. Кроме основной работы, он преподавал химию в Первом кадетском Николаевском корпусе, а также был секретарем Телеграфно-телефонного технического общества<sup>24</sup>.

Наибольшее влияние на Митю в раннем детстве оказали его мать, бабушка и няня. Лихачев вспоминал: «Моя няня Катеринушка много рассказывала, говорила, шутила, в сумерки пела со всем семейством старинные песни, вспоминала про старое. В доме с ней никогда не было скучно... Говорила она приговорками и поговорками»<sup>25</sup>. Мать Мити, Вера

---

<sup>21</sup> Лихачев Д.С. Указ.соч. - С.12

<sup>22</sup> Боглачев С.В. Указ. соч. - С. 77

<sup>23</sup> Лихачев Д.С. Указ.соч. - С.14

<sup>24</sup> Боглачев С.В. Указ. соч. - С. 80

<sup>25</sup> Лихачев Д.С. Избранное: воспоминания 2-е изд., перераб. / Д.С. Лихачев. - СПб.: Logos, 1997. – С.32

Семеновна, и его бабушка, Мария Николаевна Поспеева, были глубоко верующими. Они сумели привить это чувство, а также уважение к церковно-славянскому языку любимому сыну и внуку Дмитрию, что в дальнейшем и определило его судьбу.

В июне 1911 года из дома на Офицерской улице Лихачевы уехали в Одессу, где глава семейства получил должность помощника начальника почтового округа. Но уже следующей весной он добился обратного перевода в Петербург, став чиновником особых поручений при начальнике Главного управления. Лето 1912 года семья провела в Крыму. За работу на юге инженер Лихачев получил в Алушке от Императора Николая II подарок - золотой перстень с большим рубином, а затем и чин надворного советника (VII класс)<sup>26</sup>.

Вернувшись из Крыма осенью 1912 года, семья Лихачевых, согласно «Адресной книге на 1913 год», сняла квартиру в доходном доме Шлейферов на Измайловском пр., 7, у самого Свято-Троицкого (Измайловского) собора. Здесь Лихачевы прожили до лета 1913 года. Выбор этого жилья был связан с обучением их старшего сына Миши Лихачева во Втором Реальном училище, которое тогда находилось на углу 8-й роты Измайловского полка и Якобштадского переулка<sup>27</sup>.

В начале 1910-х годов среди петербуржцев началось массовое увлечение кинематографами, число которых быстро росло. Лихачев вспоминал: «...на узкой Офицерской против нашего дома был кинематограф «Мираж», который был сделан из нескольких магазинов, соединенных вместе. Но по субботам мы всей семьей ездили на Невский в кинематограф «Солейл». Он помещался в том же доме, что и «Пассаж», - около Садовой. Этот кинематограф был сделан из нескольких квартир, соединенных вместе.

---

<sup>26</sup> Зуев Г.И. Дома и люди Офицерской улицы./ Г.И. Зуев. - СПб, 2003 – С.88

<sup>27</sup> Боглачев С.В. Указ. соч. - С. 81

Кроме основной картины (хорошо помню фильмы «Сто дней Наполеона» и «Гибель "Титаника"»), обязательно давалась комическая и видовая»<sup>28</sup>.

Осенью 1913 года надворный советник С.М. Лихачев снял 5-комнатную квартиру в новом угловом доме Симонова (№ 16) по Тарасовскому переулку. Поблизости от этого дома жила семья Коняевых, а также находилось Второе Реальное училище, где продолжал учиться Миша Лихачев. С этой квартирой у Д.С. Лихачева связаны яркие воспоминания о няне Катеринушке, жившей с ним в одной комнате. Получив на шею орден св. Анны 2-й степени за ревизию Варшавского почтового округа, инженер Лихачев в мае 1914 года был с семьей в обзорном путешествии на пароходе по Волге, от Рыбинска до Саратова и обратно<sup>29</sup>.

Вернувшись с Волги, семья Лихачевых временно поселилась в пансионате "Юлия" на Церковной ул. в Келломяках (ныне - Комарово). Затем до конца дачного сезона сняла скромный домик на побережье залива в Оллиле (ныне - Солнечное) у Большой дороги (ныне - Приморское шоссе).

Летом началась война с Германией. Время было тревожное - говорили о возможной высадке вражеского десанта в Финляндии. С дачи Лихачевы возвратились в дождливую осеннюю погоду. Они поселились снова в Коломне, в просторной квартире доходного дома Мусселиуса на Торговой улице, 13. На этот раз выбор жилья был связан с началом обучения Мити Лихачева<sup>30</sup>.

Восьмилетним мальчиком Дмитрий Лихачев поступил в школу - гимназию Человеколюбивого общества, откуда родители его забрали через полгода. Следующей осенью он пошел уже в гимназию Карла Мая, которую всю жизнь вспоминал с большой теплотой и благодарностью. В 1917 году в связи с переездом на другую квартиру пришлось сменить и место учебы, и Лихачев продолжил образование в Советской трудовой школе имени Л. Д. Лентовской, или просто «Лентовке», где большое внимание уделялось

---

<sup>28</sup> Лихачев Д.С. Я вспоминаю./ Д.С. Лихачев. - М.: «Прогресс», 1991. - С.17

<sup>29</sup> Боглачев С.В. Указ. соч. - С. 83

<sup>30</sup> Тютюнник В. Неизвестный Лихачев./ В.Тютюнник. // Тамб. время. — 2002. — № 40 (2 окт.). - С. 15.



становлению личности учеников, их умению мыслить самостоятельно и независимо, вырабатывая собственное мировоззрение<sup>31</sup>.

Уже перешагнув восьмидесятилетний рубеж жизни, Д.С. Лихачев напишет: «...человека создает средняя школа, высшая дает специальность»<sup>32</sup>. Те учебные заведения, в которых он учился в детстве, действительно, «создавали человека». Особенно большое влияние на мальчика оказала учеба в школе Лентовской. Здесь Дмитрий Лихачев проучился 4 старших класса, в 1919-1923 годах. Время для учебы было тяжелое. Зимой школа не отапливалась, и ученики сидели за партами в теплых пальто и перчатках; часто занимались заготовкой дров. Не хватало новых учебников. Писали на газетах. За неимением листов бумаги рисовали на обратной стороне обоев. Но, тем не менее, летом 1921 года состоялась двухнедельная школьная экскурсия по Русскому Северу.

Среди преподавателей было много талантливых педагогов. Любимым преподавателем Д. Лихачева был учитель «словесности» Леонид Владимирович Георг, многогранный «идеальный педагог», которому академик посвятил целую главу в книге своих воспоминаний, заметив, что «более полувека помню я его так ясно, как никого из других своих учителей». Он привил Дмитрию Лихачеву интерес к литературоведению. Жил Л.В. Георг на ул. Полозова, 19.

В школе действовали кружки, на заседания которых приходили не только школьники и учителя, но и известные ученые и литераторы. Д.С. Лихачеву особенно нравилось участвовать в кружках литературы и философии<sup>33</sup>.

Часто бывал Лихачев в гостях у школьного преподавателя психологии и известного философа Сергея Алексеевича Алексеева-Аскольдова, жившего с сыном-поэтом в фешенебельном доме на Кронверкском проспекте, 21. В

---

<sup>31</sup> Лихачев Д.С., Благово Н.В., Белодубровский Е.Б. Школа на Васильевском. / Д.С. Лихачев, Н.В. Благово, Е.Б. Белодубровский. - М, 1990. – С.136

<sup>32</sup> Лихачев Д.С. Я вспоминаю./ Д.С. Лихачев. - М.: «Прогресс», 1991. - С.19

<sup>33</sup> Лихачев Д.С., Благово Н.В., Белодубровский Е.Б. Указ. соч. - С.138

1921 году Лихачев бывал на заседаниях литературно-философского кружка, проводимых на квартире доктора Р. Поля, на первом этаже главного здания Университета (Менделеевская линия, 2/7). В 1922 году в "Лентовке" появился новый учитель литературы - Иван Михайлович Андреевский, выпускник славяно-русского отделения историко-филологического факультета Петроградского университета. Он создал образовательный кружок «Хельфернак» (Художественно-литературная, философская и научная академия). В 1922-1923 годах собрания «академии» регулярно проводились по воскресеньям в «Лентовке» или в квартире врача Марка Исаевича Литвака, чей сын Александр был членом «Хельфернака». На заседаниях, где собирались старшеклассники, студенты, учителя и известные ученые, знакомые И.М. Андреевского, делались разнообразные доклады, главным образом, по литературе и философии. Школьный круг общения помог Дмитрию Лихачеву выработать мировоззрение и определиться в выборе жизненного пути<sup>34</sup>. В это время мальчик начинает серьезно размышлять над мировоззренческими вопросами и даже продумывает собственную философскую систему (в духе увлекавших его тогда А. Бергсона и Н.О. Лосского).

Он окончательно решает стать филологом и, невзирая на советы родителей избрать более доходную профессию инженера, в 1923 г. поступает на этнолого-лингвистическое отделение факультета общественных наук Петроградского университета.

Таким образом, необходимо отметить, что детство и юность Дмитрия Сергеевича Лихачева прошли в интеллигентном окружении, в среде, которая способствовала интеллектуальному и творческому развитию. Несмотря на все трудности и несколько переездов, его семья стремилась создать все необходимые условия для получения им образования. Ему повезло учиться в необычной школе, которая имела ярко выраженный гуманитарный уклон. В ней преподавали очень яркие и неординарные преподаватели, которые

---

<sup>34</sup> Лихачев Д.С. Я вспоминаю./ Д.С. Лихачев. - М.: «Прогресс», 1991. - С.32

стремились развивать в своих учениках интерес к творчеству и науке. Юный Лихачев увлекся литературой именно в это время.

## **1.2. Начало и этапы научно-профессиональной деятельности ученого**

Несмотря на начавшиеся уже репрессии против интеллигенции, 1920-е годы были временем расцвета гуманитарных наук в России. Д.С. Лихачев имел все основания говорить: «Ленинградский университет в 1920-е годы по гуманитарным наукам был лучшим университетом в мире. Такой профессуры, какой обладал тогда Ленинградский университет, не было ни в одном университете ни до того времени, ни после». Среди преподавателей было много выдающихся ученых. Достаточно назвать имена В.М. Жирмунского, Л.В. Щербы, Д.И. Абрамовича (у него Д.С. Лихачев писал дипломную работу по повестям о патриархе Никоне) и др.

Лекции, занятия в архивах и библиотеках, бесконечные разговоры на мировоззренческие темы в длинном университетском коридоре, посещение публичных выступлений и диспутов, философских кружков - все это увлекало, духовно и интеллектуально обогащало юношу. «Все кругом было интересно до чрезвычайности <...> единственное, в чем я испытывал острый недостаток, - это во времени», - вспоминает Дмитрий Сергеевич.

Он занимался одновременно в двух секциях отделения языкознания и литературы факультета общественных наук Ленинградского университета: романо-германской (по специальности английская литература) и славяно-русской. Участие Дмитрия Сергеевича в «Некрасовском семинаре» профессора В. Е. Евгеньева-Максимова послужило импульсом к углубленному изучению первоисточников, что определило весь его дальнейший путь в науке. Сам Дмитрий Сергеевич особо отмечает, что именно В. Е. Евгеньев-Максимов приучил его «не бояться рукописей», работать в архивах и рукописных собраниях. Так, уже в 1924 - 1927 гг. он

подготовил исследование о забытых текстах Некрасова: нашел около тридцати неизвестных ранее фельетонов, рецензий и статей, печатавшихся в ряде изданий 40-х годов XIX в., и установил их принадлежность Некрасову. По не зависящим от молодого исследователя обстоятельствам эта работа не была опубликована (ссылки на эту работу Д. С. Лихачева вошли в статью Н. Выводцева «Некрасов - критик и рецензент»<sup>35</sup>).

В те же годы Д. С. изучал древнерусскую литературу в семинаре у профессора Д. И. Абрамовича. Под руководством последнего он написал свою дипломную работу (неофициальную) о малоизученных «Повестях о патриархе Никоне». Официальной дипломной работой Д. С. по романо-германской специальности было исследование «Шекспир в России в XVIII веке».

Но эта культурно и интеллектуально насыщенная жизнь разворачивалась на все более и более мрачневшем общественном фоне. Усиливались преследования старой интеллигенции. Люди приучались жить в ожидании ареста. Не прекращались гонения на Церковь. Именно о них Д.С. Лихачев вспоминает с особой болью: «Молодость всегда вспоминаешь добром. Но есть у меня, да и у других моих товарищей по школе, университету и кружкам нечто, что вспоминать больно, что жалит мою память и что было самым тяжелым в мои молодые годы. Это разрушение России и русской Церкви, происходившее на наших глазах с убийственной жестокостью и не оставлявшее, казалось, никаких надежд на возрождение»<sup>36</sup>.

Однако гонения на Церковь, вопреки желанию властей, приводили не к уменьшению, а к усилению религиозности. В те годы, когда, по словам Д.С. Лихачева, «церкви закрывались и осквернялись, богослужения прерывались подъезжавшими к церквам грузовиками с игравшими на них духовыми оркестрами или самодеятельными хорами комсомольцев», в храмы пошла образованная молодежь. Литературно-философские кружки, во множестве

---

<sup>35</sup> Некрасов Н. А. Собр. соч. / Под ред. В. Е. Евгеньева-Максимова и К. Чуковского. / Н.А. Некрасов. - М.; Л., 1930. Т. 3. С. 369

<sup>36</sup> Лихачев Д.С. Я вспоминаю. / Д.С. Лихачев. - М.: «Прогресс», 1991. - С.43

существовавшие до 1927 г. в Ленинграде, стали приобретать преимущественно религиозно-философский или богословский характер. Д.С. Лихачев в двадцатые годы посещал один из них - кружок под названием Хельфернак («Художественно-литературная, философская и научная академия»), заседания проходили на квартире школьного преподавателя Лихачева И.М. Андреевского. 1 августа 1927 г. кружок по решению участников был преобразован в Братство святого Серафима Саровского. Кроме того, Д.С. Лихачев участвовал и в другом кружке, - Космической Академии Наук. Деятельность этой шуточной академии, состоявшая из написания и обсуждения полусерьезных научных докладов, прогулок в Царское Село и дружеских розыгрышей, привлекла внимание властей, и члены ее были арестованы. Вслед за тем были арестованы и участники Братства святого Серафима Саровского (следствие по обоим кружкам было объединено в одно дело)<sup>37</sup>. День ареста - 8 февраля 1928 г. - стал началом новой страницы в жизни Д.С. Лихачева. После полугодичного следствия он был приговорен к пяти годам лагерей. Через несколько месяцев после окончания Ленинградского университета (1927 г.) его отправили на Соловки, которые Лихачев назовет своим «вторым, и главным, университетом».<sup>38</sup>

Соловецкий монастырь, основанный преподобными Зосимой и Савватием в XIII в., в 1922 г. был закрыт и превращен в Соловецкий лагерь особого назначения. Он стал местом, где отбывали срок тысячи заключенных (на начало 1930-х годов их численность доходила до 650 тыс., из них 80% составляли так называемые «политические» и «контрреволюционеры»).

Навсегда Д.С. Лихачеву запомнился тот день, когда их этап выгрузили из вагонов на пересыльном пункте в Кеми. Истеричные вопли конвоиров, крики принимавшего этап Белоозерова: «Здесь власть не советская, а соловецкая», приказ всей уставшей и продрогшей на ветру колонне заключенных бегать вокруг столба, высоко поднимая ноги, - все это казалось

---

<sup>37</sup> Антонов В.В. Братство прп Серафима Саровского. / В.В. Антонов. - СПб, Епархиальные веомости, 1996. – С.98

<sup>38</sup> Лихачев, Д.С. Избранное: воспоминания 2-е изд., перераб. / Д.С. Лихачев. - СПб.: Logos, 1997. – С.48

настолько фантастическим в своей нелепой реальности, что Д.С. Лихачев не выдержал и рассмеялся. «Смеяться потом будем», - с угрозой закричал на него Белоозеров.

Действительно, в соловецкой жизни было мало смешного. Д.С. Лихачев испытал ее тяготы сполна. Он работал пильщиком, грузчиком, электромонтером, коровником, «вридлом» (вридло – временно исполняющий должность лошади, так на Соловках называли заключенных, которых впрягали в телеги и сани вместо лошадей), жил в бараке, где по ночам тела скрывались под ровным слоем копошащихся вшей, умирал от тифа. Перенести все это помогала молитва, поддержка друзей. Благодаря помощи епископа Виктора (Островидова) и протоиерея Николая Пискановского, ставшего на Соловках духовным отцом Д.С. Лихачева и его товарищей по Братству святого Серафима Саровского, будущему ученому удалось уйти с изнурительных общих работ в Криминологический кабинет, занимавшийся организацией детской колонии. На новой работе он получил возможность много сделать для спасения «вшивок» — подростков, проигравших с себя в карты всю одежду, живших в бараках под нарами и обреченных на голодную смерть. В Криминологическом кабинете Лихачев общался со многими замечательными людьми, из которых особенно сильное впечатление на него произвел известный религиозный философ А.А. Мейер<sup>39</sup>.

На Соловках же произошел случай, имевший большие последствия для внутреннего самосознания Д.С. Лихачева. В конце ноября 1928 г. в лагере начались массовые расстрелы. Лихачев, находившийся на свидании с родителями, узнав, что за ним приходили, не стал возвращаться в барак и всю ночь просидел за поленницей, прислушиваясь к выстрелам. События той страшной ночи произвели переворот в его душе. Позже он напишет: «Я понял следующее: каждый день - подарок Бога. Мне нужно жить насущным днем, быть довольным тем, что я живу еще лишним день. И быть благодарным за каждый день. Поэтому не надо бояться ничего на свете. И

---

<sup>39</sup> Антонов В.В. Указ. соч. - С.94

еще - так как расстрел и в этот раз производился для острастки, то, как я потом узнал: было расстреляно какое-то ровное число: не то триста, не то четыреста человек, вместе с последовавшими вскоре. Ясно, что вместо меня был «взят» кто-то другой. И жить мне надо за двоих. Чтобы перед тем, которого взяли за меня, не было стыдно!»<sup>40</sup>

В 1931 г. Д.С. Лихачева переводят с Соловков на Беломоро-Балтийский канал, а 8 августа 1932 г. он освобождается из заключения и возвращается в Ленинград. Заканчивается та эпоха в его биографии, о которой он позже сказал: «Пребывание на Соловках было для меня самым значительным периодом жизни»<sup>41</sup>.

Вернувшись в родной город, Д.С. Лихачев долго не мог устроиться на работу: мешала судимость. Здоровье его было подорвано Соловками. Открылась желудочная язва, болезнь сопровождалась сильными кровотечениями, месяцами Лихачев лежал в больнице. Наконец, ему удалось поступить научным корректором в издательство Академии Наук.

В это время он много читает, возвращается к научной деятельности. В 1935 г. Д.С. Лихачев женился на Зинаиде Александровне Макаровой, а в 1937 г. у них родились две девочки — близнецы Вера и Людмила. В 1938 г. Д.С. Лихачев поступил на работу в Институт русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР, где 11 июня 1941 г. защитил диссертацию на степень кандидата филологических наук по теме «Новгородские летописные своды XII века»<sup>42</sup>.

Через одиннадцать дней после защиты началась Великая Отечественная война. По состоянию здоровья Д.С. Лихачев не был призван на фронт и до июня 1942 г. оставался в блокадном Ленинграде. Он вспоминает, как проходил день в их семье. С утра топили книгами буржуйку, потом вместе с детьми молились, готовили скудную пищу (толченые кости,

---

<sup>40</sup> Лихачев Д.С. Избранное: воспоминания 2-е изд., перераб. / Д.С. Лихачев. - СПб.: Logos, 1997. – С.52

<sup>41</sup> Лихачев Д.С. Я вспоминаю./ Д.С. Лихачев. - М.: «Прогресс», 1991. - С.43

<sup>42</sup> Андрианова-Перетц В.П., Салмина М. А.. Дмитрий Сергеевич Лихачев.3-е изд., доп./ В.П. Андрианова-Перетц, М.А. Салмина. - М, 1989. – С.16.

вываренные на много раз, суп из столярного клея и т.п.). Уже в шесть часов вечера ложились, стараясь накидать на себя как можно больше всего теплого. Немного читали при свете коптилки и долго не могли уснуть из-за мыслей о еде и пронизывающего тело внутреннего холода. Поразительно, что в такой обстановке Д.С. Лихачев не оставлял занятий наукой. Пережив тяжелейшую блокадную зиму, весной 1942 г. он начал собирать материалы по поэтике древнерусской литературы и подготовил (в соавторстве с М.А. Тихановой) исследование «Оборона древнерусских городов». Эта вышедшая в 1942 г. книга стала первой книгой, изданной Д.С. Лихачевым.

Свой путь в Академии наук Д.С. Лихачев начал в 1934 г. с должности «ученого корректора» Издательства АН СССР. В этом качестве он значится в академическом юбилейном собрании сочинений Пушкина, которое вышло в 1937 г. Как корректор Д.С. участвовал в подготовке к печати второго тома "Трудов Отдела древнерусской литературы" (1935) - издания, много значащего для развития отечественной медиевистики и снискавшего мировую известность во многом благодаря тому, что с одиннадцатого тома и до пятидесят второго Д.С. Лихачев являлся (за редким исключением) его ответственным редактором. Здесь напечатан и ряд его важнейших трудов. Юбилейный пятидесятый том "Трудов" был посвящен его 90-летию<sup>43</sup>.

Работа Д.С. Лихачева над подготовкой к печати курса лекций по древнерусской литературе академика А.С. Орлова в значительной мере определила его дальнейшую судьбу. Участие президента Академии наук А.П. Карпинского помогло Д.С. снять судимость и остаться в Ленинграде. Научную работу Д.С. начал в Отделе древнерусской литературы Пушкинского Дома в 1938 г., когда во главе его стояли А.С. Орлов и В.П. Адрианова-Перетц, с которой у Д.С. установились тесные научные и дружеские отношения. И хотя еще до поступления в Отдел у Д.С. уже имелись первые научные опыты, он тем не менее считал, что годы,

---

<sup>43</sup> Иконникова С.Н. Штрихи к портрету Д. С. Лихачева // Мир гуманитарной культуры академика Д. С. Лихачева: II Международные Лихачевские научные чтения 23-24 мая 2002 г. /сост. и отв. ред. Г. М. Бирженюк./ С.Н. Иконникова. – СПб., 2003. – С. 17



проведенные в заключении, и до поступления в Отдел, были утрачены для науки: «У меня целиком пропало 10 лет жизни»<sup>44</sup>.

Как отмечал ученый, «первые свои статьи по вопросам русской культуры стал печатать в блокированном Ленинграде (статьи в "Звезде" и брошюра совместно с М.А. Тихановой "Оборона древнерусских городов")» (29 ноября 1962). Будучи еще литературным редактором, он принял участие в подготовке к печати посмертного издания труда академика А.А. Шахматова «Обозрение русских летописных сводов» (1937). Эта работа сыграла важную роль в формировании научных интересов Д.С. Лихачева, введя его в круг изучения летописания как одной из главнейших и труднейших комплексных проблем исследования древнерусской истории, литературы, культуры. И через десять лет Д.С. подготовил докторскую диссертацию по истории русского летописания, сокращенный вариант которой издан в виде книги «Русские летописи и их культурно-историческое значение» (1947).

Будучи последователем разработанных А.А. Шахматовым методов, он нашел свой путь в изучении летописания и впервые после академика М.И. Сухомлинова (1856) оценил летописи в целом как литературное и культурное явление. Более того - Д.С. Лихачев впервые рассмотрел всю историю русского летописания как историю литературного жанра, при этом постоянно изменявшегося в зависимости от историко-культурной ситуации.<sup>45</sup>

Из занятий летописанием выросли книги: "Повесть временных лет" - издание древнерусского текста с переводом и комментарием (1950. Т. 1-2; в серии "Литературные памятники") и монографии "Национальное самосознание Древней Руси" (1945), "Новгород Великий" (1954; 2-е изд. 1959).

Уже в ранних работах Д.С. Лихачева раскрылось его научное дарование, уже тогда он поразил специалистов своей необычной трактовкой древнерусской литературы, и поэтому крупнейшие ученые отзывались о его

---

<sup>44</sup> Лихачев, Д.С. Избранное: воспоминания 2-е изд., перераб. / Д.С. Лихачев. - СПб.: Logos, 1997. – С.52

<sup>45</sup> Дмитрий Сергеевич Лихачев [Текст] / Акад. наук СССР; сост. М.А. Салминой; Г.Н. Финашиной; вступ. ст. В.П. Андриановой-Перетц, М.А. Салминой. - 3-е изд., доп. - М.: Наука, 1989. – С.86

работах как о чрезвычайно свежих по мысли. Нетрадиционность и новизна исследовательских подходов ученого к древнерусской литературе состояли в том, что он рассматривал древнерусскую литературу прежде всего как явление художественное, эстетическое, как органическую часть культуры в целом. Д.С. настойчиво искал пути для новых обобщений в области литературной медиевистики, привлекая к изучению литературных памятников данные истории и археологии, архитектуры и живописи, фольклора и этнографии. Появилась серия его монографий: "Культура Руси эпохи образования русского национального государства" (1946); "Культура русского народа X-XVII вв." (1961); "Культура Руси времени Андрея Рублева и Епифания Премудрого" (1962).<sup>46</sup>

Едва ли можно найти в мире другого такого русиста-медиевиста, который за свою жизнь выдвинул и разработал бы больше новых идей, чем Д.С. Лихачев. Поражаешься их неисчерпаемости и богатству его творческого мира. Ученый всегда изучал ключевые проблемы развития древнерусской литературы: ее возникновение, жанровая структура, место среди других славянских литератур, связь с литературой Византии.

Творчеству Д.С. Лихачева всегда была свойственна целостность, оно никогда не выглядело как некая сумма разнохарактерных новаций. Представление об исторической изменчивости всех явлений литературы, пронизывающее труды ученого, напрямую соединяет их с идеями исторической поэтики. Он легко перемещался по всему пространству семивековой истории древнерусской культуры, свободно оперируя материалом литературы в многообразии ее жанров и стилей.<sup>47</sup>

Три капитальных труда Д.С. Лихачева: "Человек в литературе Древней Руси (1958; 2-изд. 1970), "Текстология. На материале русской литературы X-XVII вв." (1962; 2-е изд. 1983), "Поэтика древнерусской литературы" (1967;

---

<sup>46</sup> Дмитриев Л.А. 80-летие академика Д. С. Лихачева./ Л. А. Дмитриев, В. Л. Янин, С. О. Шмидт // Вопросы истории. - 1986. - № 11. - С. 119

<sup>47</sup> Гранин Д. Феномен Лихачева/Д.Гранин. // Нева, 1999. — № 12. - С. 146.

2-е изд. 1971; и др. изд.), - вышедшие в пределах одного десятилетия, тесно между собой связаны, являя собой своего рода триптих.

Работа над одной книгой стимулировала творческую мысль, охватывавшую все новые и новые темы и проблемы, из которых вырастали дальнейшие замыслы. Так, в письме от 16 марта 1955 г. Д.С. развивал идею первого труда: «Надо к совещанию приготовить доклад - "Изображение людей в житийной литературе конца XIV-XV вв." Статья на эту тему связала бы в единую цепь мои статьи о людях в VIII т. ТрОДРЛ и в X т. ТрОДРЛ»<sup>48</sup>.

Если первый доклад являлся уже обобщающим этапом в задуманном труде, то второй стал программной заявкой, в которой формулировались основные принципы будущего фундаментального исследования. Как видим, Д.С. предполагал первоначально выдвинуть вопрос о значении текстологии в качестве перспективной темы для Международного совещания славяноведов в Белграде<sup>49</sup>, предшествовавшем возобновлению проведения Международных съездов славистов.

Оба доклада Д.С. произнес уже через месяц - 23 и 25 апреля 1955 г. на Втором всесоюзном совещании по вопросам изучения древнерусской литературы, что свидетельствует и о том, с какой стремительностью и творческой интенсивностью работал ученый.

Внимание к человеку, его деятельности и изображению в литературе и искусстве органически свойственно научным интересам Д.С. Лихачева. Его монография "Человек в литературе Древней Руси» представляет собой совершенно новый тип исследования. В ней впервые изучено художественное видение человека в древнерусской литературе, а также описаны художественные методы и стили изображения, изменявшиеся в зависимости от исторической эпохи и жанра. В книге анализируются стиль монументального историзма XI - XIII вв., стиль экспрессивно-эмоциональный XIV - XV вв., «идеализирующий автобиографизм» как

---

<sup>48</sup> Лихачёв Д.С. «Раздумья»./ Д.С. Лихачев. - М., 1991. - С.34

<sup>49</sup> Лихачёв Д.С. «Воспоминания»./ Д.С. Лихачев. - СПб., 1995. - С. 98

официальный стиль XVI в., стиль барокко XVII в. и пр. Характерная черта теоретических построений Д.С. Лихачева - созданные им теории никогда не возносятся над знанием, не являются наложением на изучаемый предмет неких отвлеченных схем, но вытекают из знания, опирающегося на анализ источников. Выросшая из изучения конкретного историко-литературного материала концепция стилей древнерусской литературы служит теоретическим основанием для установления внутри эпохи средневековья определенных литературных периодов, не имевших ранее литературоведческих определений<sup>50</sup>.

Д.С. Лихачев в работе «Развитие русской литературы X – XVII вв: Эпохи и стили» сделал важное научное открытие: он обнаружил, что перелом в изображении человека наступил вместе с кризисом средневекового способа описания человека, наступившего в начале XVII в. Литература впервые открывала для себя образ и тему «маленького человека»: «Человеческая личность эмансипировалась в России не только в одеждах конкистадоров и богатых авантюристов, не в пышных признаниях артистического дара художников эпохи Возрождения, а в "гуньке кабацкой", на последней ступени падения, в поисках смерти как освобождения от всех страданий. Это было великим предвозвестием гуманистического характера русской литературы XIX в. с ее темой ценности маленького человека, с ее сочувствием каждому, кто страдает и кто не нашел своего настоящего места в жизни»<sup>51</sup>.

Благодаря таким открытиям, после таких исследований становится ясно, что изучение общих закономерностей развития всей русской литературы Нового времени невозможно без основательного изучения литературы древней.

Одна из ведущих тем научного творчества Д.С. - текстология. Ученый посвятил ей серию статей и книг, в создании которых огромную роль сыграл

---

<sup>50</sup> Лихачев Д.С. Прошлое - будущему. Статьи и очерки./ Д.С. Лихачев. - Л., 1985. – С.13

<sup>51</sup> Лихачев Д.С. Развитие русской литературы X-XVII веков: Эпохи и стили./ Д.С. Лихачев. - Л., 1973. – С.139

его собственный опыт: «Книгу о методах обращения с рукописями трудно писать на чужом материале, особенно если этот чужой материал обработан не единомышленником» (24 февраля 1963 г.). В целостном и систематизированном виде результаты многолетних текстологических изысканий Д.С. Лихачева нашли отражение в его капитальном труде "Текстология" (1962). В переработанном и дополненном виде она вышла в свет в 1983 г. вторым изданием.

Это новаторское исследование вызвало большой резонанс в научном мире, получило высокую оценку и международное признание. Но если книга «Человек в литературе Древней Руси» посвящена человеку как объекту литературного творчества, то в «Текстологии» человек выступает уже как субъект - творец литературного процесса. Еще только начали поступать первые рецензии на вышедший труд, как Лихачев уже заканчивал свой очередной проект, увлекся новой Текстологией - краткой, на все случаи. В конце следующего месяца труд был уже завершен.

Методические принципы, выработанные в результате текстологической практики, Д.С. Лихачев переносит на вопросы реставрации памятников искусства, архитектуры, садов и парков. Ученый считает необходимым подходить к каждому памятнику как к исторически изучаемому явлению, все этапы жизни которого в равной мере ценны<sup>52</sup>.

Из всех своих специальных работ Д.С. особо выделял исследования по текстологии, считая их наиболее важными для науки. Результаты теоретической и практической деятельности ученого в области текстологии столь весомы, что уместно говорить о текстологической школе Д.С. Лихачева. Его «Текстология» стала настольной книгой и программой действий для многих исследователей литературы, истории и культуры не только Средневековья, но и Нового времени.

«Текстология» Д.С. Лихачева дала мощный толчок практической работе по изучению истории текста многих литературных памятников

---

<sup>52</sup> Лихачёв Д.С. «Воспоминания». // Д.С. Лихачев. - СПб., 1995. – С.178

русского средневековья и их научной публикации. Правилom стало объединение в одном исследовании текста памятника, его текстологического анализа и литературоведческой интерпретации. Такое соединение характерно для серии монографических исследований-изданий памятников древнерусской литературы. Достигнуты значительные результаты в освоении все новых и новых малоизученных произведений и жанров, таких, например, как жития и хронографы.

Под руководством Д.С. Лихачева была завершена начатая еще В.П. Адриановой-Перетц разработка тщательно продуманной методики и правил издания средневековых текстов, принятая теперь и в серии «Литературные памятники». Многосторонние исследования и научные издания произведений древнерусской литературы легли в основу двенадцатитомного собрания «Памятников литературы Древней Руси» (1978 - 1994).

Принципы и приемы текстологического анализа нашли применение в языкознании, где сложилось лингвотекстологическое направление. Полученные с помощью текстологической методики данные позволяют обнаружить в тексте разновременные напластования языковых явлений, они служат надежным источником для исторической фонетики и грамматики, способствуют решению сложнейших проблем формирования древнерусского литературного языка. Основывающийся на концепции Д.С. Лихачева лингвотекстологический анализ имеет также значение для исторической лексикологии и лексикографии, изучения славяно-русских словарей средневековья разных типов. Сформулированные Д.С. Лихачевым принципиальные положения текстологических исследований могут быть применены при изучении истории текста и издания памятников античности, восточных и новых западноевропейских литератур. Его «Текстология» может послужить фундаментом для построения общей теории текстологии<sup>53</sup>.

В заключении к книге «Человек в литературе Древней Руси» Лихачев назвал своих предшественников, много сделавших для изучения

---

<sup>53</sup> Лихачев Д.С. Текстология: крат. очерк./ Д.С. Лихачев. - Л.: Наука, 1964 – 102 с

художественной сущности русской литературы XI-XVII вв. - таких, как Ф.И. Буслаев, А.С. Орлов, В.П. Адрианова-Перетц, Н.К. Гудзий, И.П. Еремин и др. Но только Дмитрию Сергеевичу удалось обобщить ценные наблюдения и создать целостную и убедительную научную концепцию, опирающуюся на его трактовку древнерусской литературы как особой эстетической системы. Д.С. предстает в этой книге и как историк культуры. «У меня в "Поэтике", - писал ученый, - задачи для исследователей»<sup>54</sup>. Впервые после знаменитой "Исторической поэтики" академика А.Н. Веселовского Д.С. Лихачев построил теоретическую "Поэтику древнерусской литературы" на основе исследования эстетических принципов и особенностей мирозерцания средневекового человека. Собственно говоря, работа Дмитрия Сергеевича могла бы быть рассмотрена как продолжение исследований А.Н. Веселовского, хотя она построена на ином материале и других методологических основаниях.<sup>55</sup>

Новаторство Д.С. Лихачева блестяще проявилось во многих его оригинальных предположениях. Ученый указывал в своих трудах, что ряд выдвинутых им гипотез требует дальнейшей разработки: «Ни один из вопросов, поднятых в этой книге, писал он в завершающем «Поэтику» абзаце, - не может считаться решенным окончательно. Задача данной книги - наметить пути изучения, а не закрыть их для движения ученой мысли. Чем больше споров вызовет эта книга, тем лучше. А о том, что спорить нужно, - дискутировать нет оснований, как нет оснований сомневаться и в том, что изучение древности должно вестись в интересах современности»<sup>56</sup>.

Тремя книгами - "Человек в литературе Древней Руси", "Текстология", "Поэтика древнерусской литературы" - Д.С. Лихачев создал единый научный текст - о литературной культуре, ее постижении, основанном на знании

---

<sup>54</sup> Лихачев Д.С. Человек в литературе Древней Руси./ Д.С. Лихачев. - М., 1970 – С.370

<sup>55</sup> Дорош Е. Живое дерево искусства: [о трудах Д. С. Лихачева]. - 2-е изд., доп./ Е.Дорош. - М, 1970. - С. 323.

<sup>56</sup> Марков А.П. Научные идеи академика Д. С. Лихачева как ресурс национально-культурного самосознания России в XXI веке // Мир гуманитарной культуры академика Д. С. Лихачева: II Международные Лихачевские научные чтения 23-24 мая 2002 г. /сост. и отв. ред. Г. М. Бирженюк./ А.П. Марков. – СПб.: СПбГУП, 2003. – С. 28

источников и критике текста, и о человеке как центральном объекте художественного творчества.<sup>57</sup>

Именно Д.С. Лихачев дал мощный толчок изучению «Слова о полку Игореве». В 1950 г. он писал: «Мне кажется, надо работать над «Словом о полку Игореве». Ведь о нем есть только популярные статьи, и нет монографии. Я сам собираюсь работать над ним, но «Слово» заслуживает не одной монографии. Эта тема останется всегда нужной. У нас никто не пишет диссертации о "Слове". Почему? Ведь там всё неизучено!». Имея в виду скептический взгляд французского слависта А. Мазона на "Слово", Д.С. заметил: «В Мазоне виновата сама наша наука - это мы его породили отсутствием работ о «Слове».<sup>58</sup>

Тогда же Д.С. наметил темы и проблемы, которые были реализованы им в ближайшие десятилетия. Его перу принадлежит серия принципиально важных монографических исследований, многочисленных статей и научно-популярных изданий, посвященных "Слову о полку Игореве", в которых ученый раскрыл ранее неизвестные особенности великого памятника, наиболее полно и глубоко рассмотрел вопрос о связи "Слова" с культурой его времени. Острое и тонкое чувство слова и стиля сделали Дмитрия Сергеевича одним из лучших переводчиков "Слова". Он осуществил несколько научных переводов произведения (объяснительный, прозаический, ритмический), обладающих поэтическими достоинствами, как если бы их выполнил поэт.

Ученый стал инициатором и участником такого замечательного во многих отношениях проекта, как пятитомная «Энциклопедия "Слова о полку Игореве"» (1995), где, кстати, непредвзято освещена и история скептического взгляда на "Слово о полку Игореве".

---

<sup>57</sup> Краткий очерк научной, педагогической и общественной деятельности [Д. С. Лихачева] / В. П. Адрианова-Перетц, М. А. Салмина // Дмитрий Сергеевич Лихачев / библиогр. сост. М. А. Салминой и Г. Н. Финашиной. - 2-е изд., доп. - М., 1977. - С. 28

<sup>58</sup> Лихачев Д.С. Литература XI-XIII вв. // История культуры Древней Руси. Т. 2. Домонгольский период. Ч. 2. Общественный строй и духовная культура / Под ред. Н.Н. Воронина и М. К. Каргера./ Д.С. Лихачев. - М., Л., 1951. - С. 192.



Не только собственно научный, но и культурно-просветительный интерес имеет монография Д.С. Лихачева "Великое наследие. Классические произведения литературы Древней Руси" (1975). Книгой «"Смеховой мир" Древней Руси» (1976), написанной в соавторстве с А.М. Панченко, Д.С. ввел новую тему в область исследования древнерусской литературы<sup>59</sup>.

Принципиальная черта научного облика Д.С. Лихачева - современность его работ в самом широком смысле, благодаря которой миф о "неактуальности" медиевистики оказался развеянным. Он один из тех немногих ученых, которые спасли престижность изучения древнерусской литературы и культуры Древней Руси. Его труды показали, как древний предмет академических штудий не только анализируется в свете современной научной теории, но становится близким, полезным и понятным для нашего общества.

Таким образом, необходимо отметить, что научная биография академика Дмитрия Сергеевича Лихачева началась еще в студенческие годы. Он занимался одновременно в двух секциях отделения языкознания и литературы факультета общественных наук Ленинградского государственного университета: романо-германской (по специальности английская литература) и славяно-русской. Участие Д. С. в «Некрасовском семинаре» одного из крупнейших исследователей творчества Н. А. Некрасова профессора В. Е. Евгеньева-Максимова послужило импульсом к углубленному изучению первоисточников, что определило весь его дальнейший путь в науке.

Расширяя сферу своих наблюдений над историей летописания, Дмитрий Сергеевич пишет ряд статей, касающихся киевского летописания XI - XIII вв. Наконец, он ставит перед собой задачу построить систематическую историю летописания от его возникновения до XVII в.

---

<sup>59</sup> Панченко А.С. Памяти Дмитрия Сергеевича Лихачева [Текст]: [1906–1999]./ А.С. Панченко. // Звезда. — 1999. — № 11. — С. 3.

Разысканиями Дмитрия Сергеевича окончательно снимаются всякие попытки объяснять происхождение русской летописи из византийских или западнославянских источников, в действительности лишь отразившихся в ней на определенном этапе ее развития. По-новому представляет он связь летописи XI - XII вв. с народной поэзией и живым русским языком; в составе летописей XII - XIII вв. вскрывает особый жанр «повестей о феодальных преступлениях»; отмечает своеобразное возрождение в Северо-Восточной Руси политического и культурного наследия древне-русского государства после Куликовской победы; показывает взаимосвязь отдельных сфер русской культуры XV - XVI вв. с исторической обстановкой того времени и с борьбой за построение централизованного Русского государства.

### **1.3. Оценка деятельности ученого советскими и российскими властями**

Научный авторитет Д. С. Лихачева был признан и зарубежными славистами. Большой резонанс имели выступления Д. С. на международных съездах славистов, на конференциях, в научных обществах и университетах ряда зарубежных стран. В 1985 г. он принимал участие в проводившемся в Венгрии Культурном форуме государств - участников Совецания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ)<sup>60</sup>. Действительный член АН СССР с 1970 г. Д. С. избирается иностранным членом академий- Болгарской (1963), Венгерской (1973), Сербской (1971, Национальной академии Деи Линчеи (Италия, 1987), членом-корреспондентом Австрийской (1968), Британской (1976), Геттингенской (ФРГ, 1988) академий, почетным доктором университетов Бордо (1982), Будапешта (1985) Оксфорда (1967), Софии (1988), Цюриха (1983), Эдинбурга (1971), Университета имени Николая Коперника в Торуне (1964). Государственный Совет Народной Республики Болгарии дважды награждает Д. С. орденом Кирилла и Мефодия

---

<sup>60</sup> Дмитрий Лихачев и его эпоха: Воспоминания. Эссе. Документы. Фотографии. - СПб.: Logos, 2002. – С.322

I степени (1963, 1977), международными премиями имени братьев Кирилла и Мефодия (1979) и имени Евфимия Тырновского (1981), а в 1986 г. Д. С. Лихачев был удостоен высшей награды НРБ - ордена Георгия Димитрова<sup>61</sup>.

Многие книги и статьи Д. С., опубликованные в советских изданиях, переводились на болгарский, польский, немецкий, английский, французский и другие языки. Вышли на болгарском, чешском, сербскохорватском, венгерском, польском, румынском, немецком, английском, японском языках книги Д. С. Лихачева "Человек в литературе Древней Руси", "Культура Руси времени Андрея Рублева и Епифания Премудрого", "Текстология. Краткий очерк", "Развитие русской литературы X - XVII веков. Эпохи и стили", "Поэтика древнерусской литературы", "'Смеховой мир" Древней Руси" (совместно с А. М. Панченко), "Художественное наследие Древней Руси и современность" (совместно с В. Д. Лихачевой), "Великое наследие", "Письма о добром и прекрасном", "Поэзия садов"; фототипически переизданы за границей его книги "Русские летописи и их культурно-историческое значение" (1966), "Культура Руси эпохи образования Русского национального государства. (Конец XIV - начало XVI в.)" (1967), "Национальное самосознание Древней Руси. Очерки из области русской литературы XI - XVII вв. " (1969)<sup>62</sup>

Один из весьма важных участков научно-организационной деятельности Д. С. - его редакторская работа. Она не ограничивалась изданиями Отдела древнерусской литературы: Д. С. был председателем редколлегии серии "Литературные памятники", редколлегии ежегодника "Памятники культуры. Новые открытия", членом редколлегии журнала "Известия АН СССР. Отделение литературы и языка", серии "Научно-популярная литература", издаваемой Академией наук СССР, членом редколлегии издания Ленинградского отделения Института истории СССР "Вспомогательные исторические дисциплины". Д. С. входил в состав

---

<sup>61</sup> Дмитрий Лихачев и его эпоха: Воспоминания. Эссе. Документы. Фотографии. - СПб.: Logos, 2002. - С.328

<sup>62</sup> Марков А.П. Научные идеи академика Д. С. Лихачева как ресурс национально-культурного самосознания России в XXI веке. А.П. Марков. - СПб: ГУП, 2003. - С. 29

редакционных советов и многих других изданий; он был также членом редколлегии "Краткой литературной энциклопедии". Д. С. принимал деятельное участие в жизни ряда учреждений и организаций. Он состоял членом Ленинградского научного центра АН СССР, председателем Пушкинской комиссии АН СССР, членом Ученого совета Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР, Ленинградского отделения Института истории АН СССР, членом бюро Научного совета по комплексной проблеме "История мировой культуры" АН СССР, Ученого совета Государственного Русского музея, Ученого совета Музея древнерусского искусства им. Андрея Рублева, членом Секции критики Союза писателей СССР. В 1961 - 1962 гг. Д. С. Лихачев - депутат Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся VIII созыва. В 1987 г. Д. С. вновь был избран депутатом Ленинградского городского Совета народных депутатов.<sup>63</sup>

В 1966 г. за заслуги в развитии советской филологической науки и в связи с 60-летием со дня рождения Д. С. был награжден орденом Трудового Красного Знамени; в 1986 г. Дмитрию Сергеевичу за большие заслуги в развитии науки и культуры, подготовке научных кадров и в связи с 80-летием со дня рождения было присвоено звание Героя Социалистического Труда. В 1986 г. Д. С. был избран председателем правления Советского фонда культуры.

В последнее десятилетие жизни Д. С. Лихачева его общественная востребованность приобретает особую важность. Но одно дело, когда он по должности председателя Фонда культуры оказывается причастен к огромному многообразию идей и проектов ищущих финансовой поддержки представителей отечественной культуры, и совсем другое - когда он день за днем выдерживает натиск газетных, радио- и тележурналистов. От него ждут слов единственных и неповторимых. Которые будут понятны в их непредубежденности и интеллектуальной авторитетности. Общество

---

<sup>63</sup> Краткий очерк научной, педагогической и общественной деятельности [Д. С. Лихачева] / В. П. Адрианова-Перетц, М. А. Салмина. - М., 1977. - С. 28

доверяет его оценкам, но это уже стремительно расслаивающееся общество, пытающееся освободиться от догматики и официозной фразеологии прежних десятилетий. Оно настороженно и с долей недоверия воспринимает услышанное и прочитанное. Но Д. С. Лихачеву это общество верит, поскольку он не заискивает ни перед временем, ни перед обществом. Он в нем живет и он верит в непреходящую ценность и объединяющую силу отечественной и мировой культуры, он убежден и убеждает других в нравственной и духовной силе человека, его высоком предназначении творить добро и созидать прекрасное. Существенным оказывается даже то, как говорит и как пишет Д. С. Лихачев, его стиль общения с аудиторией. Культура речи, убедительность интонаций, великолепное чувство родного языка и логически строгое движение мысли делали читателей и слушателей сопричастными идеям, проблемам, тревогам Д. С. Лихачева в его размышлениях о исторической роли России, о судьбах мировой культуры<sup>64</sup>.

Имя Д. С. Лихачева становится в эти годы достоянием международной общественности. Его труды по истории древнерусской литературы и культуры были, разумеется, известны славистам всего мира, переводились на иностранные языки, но возможности личного присутствия Д. С. Лихачева за границей были ограничены. Теперь он представляет на многих международных встречах самого высокого уровня, и он - своего рода откровение для стран Западной Европы, для Америки и Японии, что в «загадочной» России есть, оказывается, люди, всему причастные, размышляющие о судьбах мира, сохранившие представление о вечных ценностях. К тому же это «хранительство» вовсе не ретроспективно, поскольку именно Д. С. Лихачев предлагает в 1995 г. мировому сообществу к обсуждению и утверждению "Декларацию прав культуры", в которой

---

<sup>64</sup> Марков А.П. Научные идеи академика Д. С. Лихачева как ресурс национально-культурного самосознания России в XXI веке./ А.П. Маркин. – СПб: ГУП, 2003. - С. 31

формулировались основные итоги его собственных размышлений на актуальные для существующего мира темы<sup>65</sup>.

Продолжают каждый год выходить из печати новые книги Д. С. Лихачева. Это чаще всего работы обобщающего характера как, например, "Заметки и наблюдения: Из записных книжек разных лет" (1989), "О филологии" (1989), "Русское искусство от древности до авангарда" (1992), "Очерки по философии художественного творчества" (1996). Сводятся воедино, дополняются и уточняются научные изыскания по истории древнерусской литературы: "Историческая поэтика древнерусской литературы. Смех как мировоззрение" (1996), "Слово о полку Игореве и культура его времени. Работы последних лет" (1998). Значительное место принадлежит в эти годы размышлениям Д. С. Лихачева о прошлом и будущем России, воспоминаниям об учителях и современниках, автобиографическим записям: "Книга беспокойств" (1991), "Раздумья" (1991), "Воспоминания" (1995, переизд. 1997, 1999).

За выдающиеся достижения в области гуманитарных наук Президиум Российской Академии Наук награждает Д. С. Лихачева в 1993 г. Большой Золотой медалью имени М. В. Ломоносова, в том же году ему присвоено звание Первого почетного гражданина Санкт-Петербурга. В 1996 г. он награжден орденом "За заслуги перед Отечеством" второй степени, в 1997 г. Международный Литфонд присуждает ему премию "За честь и достоинство таланта". В 1998 г. за вклад в Развитие отечественной культуры Д. С. Лихачев становится первым кавалером учрежденного Российским правительством ордена апостола Андрея Первозванного "За веру и верность Отечеству", в том же году он награждается Международным серебряным памятным знаком "Ласточка мира" (Италия) за большой вклад в пропаганде идей мира и взаимодействия национальных культур. Общественный авторитет Д. С. Лихачева в эти годы велик и он пытается максимально

---

<sup>65</sup> Кураев М. Белый полотняный портфельчик [Текст]: к годовщине смерти Д.С. Лихачева./ М. Кураев. // Звезда. - 2001. - № 9. - С. 213-220

использовать его для защиты библиотек, музейных ценностей, учреждений культуры от посягательств на их целостность и достоинство.

Таким образом, необходимо отметить, что академический статус Д.С. Лихачева был высок уже в советские годы и его научные заслуги уже тогда были высоко оценены. Однако до начала перестройки Лихачев нередко высказывал суждения, которые не устраивали официальные власти, поэтому с их стороны признание заслуг академика было очень осторожным. После начала перестройки однако ситуация изменилась и заслуги академика были признаны властью и она стала не препятствовать, а способствовать его деятельности, в том числе и на международном уровне. После распада СССР российские власти еще больше оценили заслуги Дмитрия Сергеевича. В частности, он стал первым награжденным орденом Андрея Первозванного, который является высшей государственной наградой. В этот же период (с начала перестройки) к академику пришло и серьезнейшее международное признание, что подтверждается целым рядом наград.

## **Глава II. Вклад Д.С. Лихачева в изучение различных древнерусских литературно-исторических жанров (на примере «Слова о полку Игореве»)**

### **2.1. Основные жанры древнерусской литературы**

Жанром называют исторически сложившийся тип литературного произведения, отвлеченный образец, на основе которого создаются тексты конкретных литературных произведений. Система жанров литературы Древней Руси существенно отличалась от современной. Древнерусская литература складывалась во многом под влиянием византийской литературы и заимствовала у нее систему жанров, переработав их на национальной почве: специфика жанров древнерусской литературы состоит в их связи с традиционным русским народным творчеством. Жанры древнерусской литературы принято делить на первичные и объединяющие.<sup>66</sup>

Первичные жанры - эти жанры называются потому, что они служили строительным материалом для объединяющих жанров. К ним относят:

- Житие
- Слово
- Поучение
- Повесть

К первичным жанрам также относят погодную запись, летописный рассказ, летописное сказание и церковную легенду.

Жанр житие был заимствован из Византии. Большую роль в распространении христианской культуры сыграли возникавшие и растущие монастыри. В них создавались первые школы, воспитывались уважение и любовь к книге, «книжному учению и почитанию», создавались книгохранилища-библиотеки, велось летописание, переписывались

---

<sup>66</sup> Лихачев Д.С. Великое наследие: Классические произведения лит. Древней Руси./ Д.С. Лихачев. - М., 1979. - С.48.



переводные сборники нравоучительных, философских произведений. Здесь создавался и окружался ореолом благочестивой легенды идеал русского инока - подвижника, посвятившего себя служению богу, то есть нравственному совершенствованию, освобождению от низменных порочных страстей, служению высокой идее гражданского долга, добра, справедливости, общественного блага. Этот идеал находил конкретное воплощение в житийной (агиографической) литературе. Житие стало одной из самых популяризируемых на Руси массовых форм пропаганды нового христианского, нравственного идеала. Жития читались в церкви во время богослужения, внедрялись в практику индивидуального чтения, как монахов, так и мирян<sup>67</sup>.

Древняя Русь унаследовала от Византии богатые, широко разработанные традиции агиографии. К X в. там прочно сложились определенные каноны различных типов житий: мученических, исповеднических, святительских, преподобнических, житий столпников и «Христа ради» юродивых.

Мученическое житие состояло из ряда эпизодов, описывающих самые невероятные физические мучения, которым подвергался герой-христианин языческим правителем, полководцем. Все истязания мученик претерпевал, проявляя силу воли, терпение и выносливость, верность идее. И хотя он в конце концов погибал, но одерживал моральную победу над мучителем-язычником.

Из переводных мученических житий на Руси большую популярность приобрело житие Георгия Победоносца. На Руси Георгий стал почитаться как покровитель земледельцев, святой воин-защитник мирного труда ратаев. В связи с этим его мучения в житии отходят на второй план, а главное место занимает изображение воинского подвига: победы над змеем — символом язычества, насилия, зла. «Чудо Георгия о змие» в древнерусской литературе и иконографии было необычайно популярным в период борьбы русского

---

<sup>67</sup> Лихачев Д.С. Возникновение русской литературы./ Д.С. Лихачев. - М-Л.: Изд-во АН СССР, 1952. - С.68

народа со степными кочевниками, иноземными захватчиками. Изображение Георгия, поражающего копьём змея- дракона, стало гербом-эмблемой города Москвы<sup>68</sup>.

В центре исповеднического жития - миссионер-проповедник христианского вероучения. Он бесстрашно вступает в борьбу с язычниками, претерпевает гонения, мучения, но в конце концов добивается поставленной цели: обращает язычников в христианство. Близко к исповедническому житию стоит святительское. Его герой — церковный иерарх (митрополит, епископ). Он не только учит и наставляет свою паству, но и оберегает ее от ересей, козней дьявола.

Жизнеописанию монаха, обычно основателя монастыря или его игумена, посвящалось преподобническое житие. Герой происходил, как правило, от благочестивых родителей и с момента своего рождения строго соблюдал посты, чуждаясь детских игр; быстро овладевал грамотой и придавался чтению божественных книг, уединяясь, размышлял о бренности жизни; отказывался от брака, уходил в пустынные места, становился монахом и основывал там обитель; собирал вокруг себя братию, наставлял ее; преодолевал различные бесовские искушения: злокозненные бесы являлись святому в облике диких зверей, разбойников, блудниц и т. п.; предсказывал день и час своей кончины и благочестиво умирал; после смерти тело его оставалось нетленным, а мощи оказывались чудотворными, даруя исцеление недужным. Таковы, например, жития Антония Великого, Саввы Освященного.<sup>69</sup>

К типу преподобнического жития близко стоят жития столпников. Отвергая «лежащий во зле» мир, столпники затворялись в «столпах» — башнях, разрывали все земные связи и посвящали себя всецело молитве. Таково, например, житие Симеона Столпника.

---

<sup>68</sup> Лихачев Д.С. Возникновение русской литературы ... - 74 с.

<sup>69</sup> Лихачев Д.С. Великое наследие... - С.58

Низшую ступень в иерархии святых занимали юродивые. Они жили в миру, на городских площадях, рынках, ночуя с нищими на папертях церковей или под открытым небом вместе с бездомными собаками. Они, пренебрегали одеждой, гремели цепями-веригами, выставляя напоказ свои язвы. Их поведение внешне было нелепо, алогично, но скрывало глубокий смысл. Юродивые бесстрашно обличали сильных мира сего, совершали внешне святотатственные поступки, терпеливо сносили побои и насмешки. Таково, например, житие Андрея Юродивого.

Все эти типы житий, придя из Византии на Русь, приобрели здесь свои особые самобытные черты, ярко отражая своеобразие общественной, политической и культурной жизни средневековья.

Мученическое житие не получило на Руси широкого распространения, ибо новая христианская религия насаждалась сверху, то есть правительством великого князя. Поэтому сама возможность конфликта правителя-язычника и мученика-христианина исключалась. Правда, функции христианских мучеников приняли на себя князья Борис и Глеб, злодейски убитые братом Святополком в 1015 г. Но своей гибелью Борис и Глеб утверждали торжество идеи родового старшинства, столь необходимой в системе княжеского престолонаследия. «Сказание о Борисе и Глебе» осуждало княжеские распри, крамолы, губящие Русскую землю.<sup>70</sup>

Реальную почву тип мученического жития обрёл в период нашествия и господства монголо-татарских завоевателей. Борьба с дикими ордами степных кочевников осмыслялась как борьба христиан с погаными, то есть язычниками. Как высокий патриотический подвиг оценивалось поведение в Орде черниговского князя Михаила («Сказание о Михаиле Черниговском»). Русский князь и его боярин Федор отказываются выполнить требование нечестивого царя Батые: пройти сквозь очистительный огонь и поклониться кусту. Для них совершение этого языческого обряда равносильно измене родине, и они предпочитают смерть.

---

<sup>70</sup> Лихачев Д.С. Возникновение русской литературы... - С. 92.

Обязательным атрибутом жития было описание чудес, которые происходили при жизни святого и после его смерти. Заканчивалось житие прославлением святого. Одним из первых произведений житийного жанра в древнерусской литературе было житие святых князей Бориса и Глеба.

Древнерусское красноречие - этот жанр был заимствован древнерусской литературой из Византии, где красноречие было формой ораторского искусства. В древнерусской литературе красноречие выступало в трех разновидностях:

Поучение - разновидность жанра древнерусского красноречия. Поучение - это жанр, в котором древнерусские летописцы пытались представить модель поведения для любого древнерусского человека: и для князя, и для простолюдина. Самым ярким образцом этого жанра является включенное в состав «Повести временных лет» «Поучение Владимира Мономаха». В своем поучении Владимир Мономах дает советы о том, как следует организовывать свою жизнь.

Слово является разновидностью жанра древнерусского красноречия. Принадлежность древнерусского словесного произведения к тому или иному жанру, как правило, указывается в начале названия данного произведения. В дошедших до нас рукописях встречается около сотни таких жанровых определений. Вид произведения, получивший название «слова», относится к числу наиболее ранних и распространенных. Многие древние «слова» изначально предназначались для произнесения в самом почитаемом и священном месте – в храме. Их них развилась церковная проповедь. Таковы, например, «слова» Кирилла Туровского на церковные праздники (XII в.). Другие «слова» предназначались для произнесения на иных торжественных собраниях, перед князьями.<sup>71</sup>

Самым ранним из дошедших до нас самобытных произведений Древней Руси считается «Слово о законе и благодати» митрополита

---

<sup>71</sup> Лихачев Д.С. Великое наследие... - 96 с.

Илариона. В месте с этим произведением к числу известных и влиятельных древних «слов» относятся «Слово о полку Игореве» и «Слово Даниила Заточника». Три знаменитых «слова» можно считать прообразами для сотен «слов», украсивших русскую словесность.

Внутреннее видовое единство всех этих, весьма различных, на первый взгляд, «слов» до сих пор не получило должного осмысления. Между тем несомненна та закономерность, согласно которой, по выражению Д.С. Лихачева, «жанровые определения Древней Руси очень часто соединялись с определением предмета повествования: “видение”, “житие”, “подвизи”, “страсть”, “хождение”, “чюдо”, “деяния” и пр.»<sup>72</sup>. С этой точки зрения, жанр «слова» должен быть посвящен слову как таковому: его природе, его возможностям, его предназначению

У древних славян, как и у многих других народов, еще в язычестве сложилось представление о божественном происхождении слова, о его изначально божественной сущности. У славян это почитание слова выразилось даже в народном самоназвании (словены, словаки и т.д.: слава и слово происходят от одного корня). В язычестве славяне поклонялись богине Славе, олицетворявшей божественную природу слова<sup>73</sup>.

В древнерусских «словах» прежде всего рассматривается история русского народа и нравственное состояние русского человека, однако в соотнесении с мировой историей и сущностью человека вообще. В среде народа при этом усматривается вождь, князь, которому, как представителю своего народа перед Богом, воспевается особенная слава. Кроме того, в «словах» прославляется и вся целокупность тварного естества, окружающая человека природа, особенно природа родная, русская – тоже как творение Божие, пронизанное божественной волей, одушевленное божественным творческим замыслом и Промыслом о его развитии. Вместе с тем природа рассматривается одушевленной и по причастности к ее составу

---

<sup>72</sup> Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. М.: Наука, 1979. С. 58.

<sup>73</sup> Григорий Дьяченко. Полный церковно-славянский словарь (с внесением в него важнейших древнерусских слов и выражений). М.1993. [Снимок с издания 1900 г.]. С. 613

бесчисленных духов, душ, наделенных духовным самосознанием. В этом ключе преобразуется, переосмысливается языческое почитание природных стихий, явлений (сам переход от языческого к христианскому почитанию природы запечатлен в «Слове о полку Игореве»<sup>74</sup>).

Общая обращенность «слов» к единому прославлению Бога, человека и всей природы ярко выражена в «Слове игумена о построении стены в Выдубицах», написанном Моисеем Выдубицким в XII веке: «Слову ятися о Господе дерзаем, то же не от скудости нашего нищетоумья, но от дел твоих притчу приобретше. И с преподобным Мефедьем глаголем<...>: “Малое небо, богомудрого душа, воину поведаючи славу Божию правостью веры и словесы истеньными, и дела добрыми. Небеса бессловесное естество суще, и сочювьствено, и самовластно, но точью светлостью солнца, и растением луны, украшением звезд, и непременно храняще уставы временемъ владычня повеления, поведают славу Его”. Яко же всим, добре смотрящим Творца, о том похвалити добраго ради уряжения, zde же преболе нам того о тебе является: словеса бо четьна, и дела благолюбна, и держава самовластна, ко Богу изваяная, славою паче звезд небесных, не токмо в русских концех ведома, но и сущим в море далече»<sup>75</sup>.

Изначально «слово» – это звучащая устная речь, прославляющая изображаемое в ней, слывающая в людях. Отчасти с этим связана относительная краткость древнерусских слов, их ограниченность условиями единовременного произнесения и восприятия. Будучи записанными, «слова» все равно изначально предназначались для произнесения и восприятия на слух. Это именно речь, проистекающая из уст, как река вытекает из устья в море бытия.

Другая причина краткости «слов» – смиренное православное стремление к немногословию, к молчаливому созерцанию Божией Премудрости. Как выразился Даниил Заточник в своем «Молении»

---

<sup>74</sup> Лихачев Д.С. Возникновение русской литературы... - С.82

<sup>75</sup> Памятники литературы Древней Руси: XII век. М., 1980. С. 409

(«Слове»): «Да не взненавидим буду миру со мною беседою, яко же бо птиця, частяще песни своя, скоро взненавидима бывает»<sup>76</sup>. Слова использовались с почтением, без кощунственной и дерзкой суеты.

Вместе с тем считалось, что слово как высший дар Божий способно выражать бесконечную тонкость, изощренность и глубину Божией Премудрости. При смиренном стремлении к немногословию, «слова», по причине того же смирения, оказываются весьма витиеватыми в своем ритмико-образном составе – именно в желании передать как можно глубже и точнее (и в этом смысле смиреннее) открывающуюся человеку Премудрость Бога. Вот почему словесно-образная ткань «слов» всегда оказывается на пределе возможностей устного выражения и восприятия на слух. И тут древнерусским книжникам на помощь приходит почти обязательное письменное запечатление их «слов» – в духе особенного православно-славянского отношения в диалектике устного и письменного слова, рассматриваемых в некой симфонии, согласии. Письменное запечатление «слова» изначально подразумевается, учитывается, и само первичное звуковое выражение рассматривается как начало такого запечатления средствами вещественного мира.

«Слово» как словесный вид отличается исключительной весомостью и емкостью содержания. Данная особенность предопределяется исходной обращенностью к Богу как Творцу мироздания в целом. Событийный ряд в «слове» не является основой повествования. Он краток, обычно сведен к какому-то одному событию, более или менее выдающемуся, случившемуся давно или недавно. Избранное событие служит отправной точкой для широких историсофских и духовно-нравственных рассуждений о судьбах мира и своего народа, о месте отдельного человека в мировой истории. Таким отправным событием может стать чудесное происшествие, празднуемое Церковью в определенный день, крещение Руси, поход князя, иное событие из жизни князя, например строительство храма, вообще

---

<sup>76</sup> Памятники литературы Древней Руси: XII век. М., 1980. С.398

текущее правление князя, события церковной, монастырской жизни, нашествие врагов и т.п.

Примером политической разновидности древнерусского красноречия служит «Слово о полку Игореве». Слово рассказывает о военном походе князя Игоря на половцев, который имел место в истории в 1185 году. Исследователи предполагают, что автором «Слова о полку Игореве» был один из участников описываемого похода. Оно выбивается из системы жанров древнерусской литературы необычностью используемых в нем художественных средств и приемов. Здесь нарушен традиционный хронологический принцип повествования: автор переносится в прошлое, затем возвращается в настоящее (это было не характерно для древнерусской литературы), автор делает лирические отступления. В слове очень много элементов традиционного устного народного творчества, символов. Ощущается явное влияние сказки, былины. Политическая подоплека произведения налицо: в борьбе с общим врагом русские князья должны быть едины, разрозненность ведет к смерти и поражению.

Другим примером политического красноречия может служить «Слово о погибели Русской земли», которое создавалось сразу после того, как на Русь пришли монголо-татары. Автор прославляет светлое прошлое и оплакивает настоящее<sup>77</sup>.

Образцом торжественной разновидности древнерусского красноречия является «Слово о Законе и Благодати» митрополита Иллариона, которое создано в первой трети 11 века. Слово было написано митрополитом Илларионом по случаю окончания строительства военных укреплений в Киеве. В слове проводится идея о политической и военной независимости Руси от Византии.

Повесть - это текст эпического характера, повествующий о князьях, о воинских подвигах, о княжеских преступлениях. Примерами воинских

---

<sup>77</sup> Лихачев Д.С. Возникновение русской литературы./ Д.С. Лихачев. - М-Л.: Изд-во АН СССР, 1952 – С.110



повестей являются «Повесть о битве на реке Калке», «Повесть о разорении Рязани ханом Батыем», «Повесть о житии Александра Невского».

## **2.2. Научные публикации академика по исследованию древнерусской литературы**

После окончания университета Д. С. Лихачеву не сразу удалось сосредоточить свои силы и знания на научной работе, лишь через 10 лет включился он в состав сотрудников Сектора древне-русской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР. Однако близко с работой этого Сектора Д. С. соприкоснулся, редактируя его печатные издания в Ленинградском отделении Издательства Академии наук СССР.

В 1937 г. Сектор подготовил посмертное издание обширного труда академика А. А. Шахматова "Обозрение русских летописных сводов XIV - XVI вв". "Эта рукопись увлекла меня", - вспоминал Дмитрий Сергеевич, который в качестве редактора издательства должен был внимательно проверить ее готовность к набору. В результате у него возник интерес к другим работам А. А. Шахматова, а затем и к широкому кругу вопросов, связанных с историей древнерусского летописания. Именно с этой глубоко продуманной темой он войдет в среду «древников» - литературоведов (1938) . Исследования в этой области принесут ему ученую степень кандидата (1941), а затем - доктора филологических наук (1947).<sup>78</sup>

Д. С. Лихачев подошел к летописи не только как историк, но и как литературовед. Он изучал рост и изменение самих способов летописания, их обусловленность своеобразием русского исторического процесса. В этом проявился характерный для всего творчества Д. С. глубокий интерес к проблеме художественного мастерства древнерусской литературы, причем

---

<sup>78</sup> Мир гуманитарной культуры академика Д.С. Лихачева. - СПб.: С.-Петербург. гуманитар. ун-т профсоюзов, 2003. – С.48

стиль литературы и изобразительного искусства он рассматривает как проявление единства художественного сознания.

Первые работы Д. С. Лихачева посвящены старшему летописанию Новгорода. Этой теме посвящен цикл его работ 40-х годов, которые сразу привлекли читателей строгостью метода, свежестью и убедительной обоснованностью выводов.

Изучение Новгородских летописных сводов XII в. привело Д. С. к заключению, что особый стиль этого летописания и его общественная тенденция объясняется переворотом 1136 г., установлением "республиканского" политического строя в Новгороде. На основе самостоятельных разысканий в области новгородской литературы, живописи и зодчества XII - XVII вв. в их полном объеме Д. С. Лихачев опубликовал во втором томе "Истории русской литературы" (1945) ряд содержательных, вполне оригинальных статей. Они наглядно раскрыли некую общую закономерность в развитии средневековой новгородской культуры в разнообразных ее проявлениях. Итоги этих разысканий отражены также в его книге «Новгород Великий» (1945).<sup>79</sup>

Эти работы позволили обнаружить еще одно ценное качество молодого ученого - умение изложить свои научные наблюдения так, чтобы они заинтересовали широкие круги читателей - неспециалистов. Это внимание к читателю, стремление внушить ему интерес и уважение к прошлому нашей отчизны пронизывают все творчество Д. С. Лихачева, делают его научно-популярные книги лучшими образцами этого жанра.

Расширяя сферу своих наблюдений над историей летописания, Дмитрий Сергеевич пишет ряд статей, касающихся киевского летописания XI - XIII вв. Наконец, он ставит перед собой задачу построить систематическую историю летописания от его возникновения до XVII в. Так рождается его обширная докторская диссертация, которая, к сожалению,

---

<sup>79</sup> Лихачев Д.С. Новгород Великий: очерк истории культуры Новгорода XI–XVII вв./ Д.С. Лихачев — Л.: Госполитиздат, 1945. - 103 с.

была опубликована в значительно сокращенном виде. Книга Д. С. Лихачева "Русские летописи и их культурно-историческое значение" (1947) стала ценным вкладом в науку, принципиально новые выводы ее приняты и литературоведами и историками.<sup>80</sup>

Разысканиями Дмитрия Сергеевича окончательно снимаются всякие попытки объяснять происхождение русской летописи из византийских или западославянских источников, в действительности лишь отразившихся в ней на определенном этапе ее развития. По-новому представляет он связь летописи XI - XII вв. с народной поэзией и живым русским языком; в составе летописей XII - XIII вв. вскрывает особый жанр "повестей о феодальных преступлениях"; отмечает своеобразное возрождение в Северо-Восточной Руси политического и культурного наследия древне-русского государства после Куликовской победы; показывает взаимосвязь отдельных сфер русской культуры XV - XVI вв. с исторической обстановкой того времени и с борьбой за построение централизованного Русского государства.

Углубленное изучение раннего этапа киевского летописания XI в., которое в начале XII в. привело к созданию классического памятника - "Повести временных лет", лежит в основе двухтомного труда Д. С. Лихачева, изданного в серии "Литературные памятники" (1950). Заново критически проверенный текст "Повести временных лет" был в этом труде бережно и точно переведен Д. С. Лихачевым (совместно с Б. А. Романовым) на современный литературный язык, с сохранением своеобразного строя речи.

Цикл работ Д. С. Лихачева, посвященных русскому летописанию, представляет ценность прежде всего тем, что они дали верное направление исследованиям художественных элементов летописания на разных этапах его развития; они окончательно утвердили за летописями почетное место среди литературных памятников исторического жанра. Кроме того, тщательное изучение особенностей летописного повествования позволило Д. С.

---

<sup>80</sup> Лихачев Д.С. Русские летописи и их культурно-историческое значение./ Д.С. Лихачев. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. — С.48

разработать вопрос о пограничных с литературой формах творчества - о воинских и вечевых речах, о деловых формах письменности, о символике этикета, который возникает в быту, но существенно влияет на саму литературу.

Исследование истории русского летописания как истории смены художественных признаков повествования об исторических событиях и деятелях, смены, закономерно связанной с общеисторическим процессом и с развитием русской культуры во всех ее проявлениях, вовлекло в круг разысканий Д. С. смежные литературные памятники. В результате появилась в свет чрезвычайно свежая по наблюдениям статья "Галицкая литературная традиция в житии Александра Невского" (1947). На основе большого рукописного материала было создано образцово выполненное текстологическое исследование "Повести о Николе Заразском", продолженное в статьях 1961 и 1963 гг., посвященных одному из произведений этого цикла - "Повести о разорении Рязани Батыем».<sup>81</sup>

С 1950 г. Д. С. Лихачеву принадлежит одно из ведущих мест среди исследователей "Слова о полку Игореве". Итоги нескольких лет работы над "Словом" нашли свое отражение в книге "Слово о полку Игореве", изданной в "юбилейном" для "Слова" 1950 г. в серии "Литературные памятники". Пересмотр ряда вопросов, связанных с первым изданием "Слова о полку Игореве", определил в этой новой книге сам способ издания текста, истолкования "темных" мест его, раскрытие ритмического строя "Слова", а также перевод текста на современный литературный язык, ставящий себе целью воспроизвести ритм подлинника.

Большая исследовательская работа над крупнейшими литературными памятниками XI - XIII вв. легла в основу обобщающей статьи Д. С. Лихачева "Литература", дающей картину развития литературы этого периода. Она опубликована в коллективном труде "История культуры Древней Руси.

---

<sup>81</sup> Лихачев Д.С. Галицкая литературная традиция в житии Александра Невского./ Д.С. Лихачев. // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 5. — 1947. — С. 46

Домонгольский период" (т. 2, 1951), получившем Государственную премию СССР.

В отличие от своих предшественников, Д. С. Лихачев с особой силой подчеркивает "историзм" литературы Киевской Руси, ее стремление чутко откликаться на все политические события и отражать изменения, происходящие в идеологии общества. Этот историзм автор признает основой самостоятельности и своеобразия литературы XI - XIII вв.

Опираясь на предшествующие свои исследования, ученый ярко характеризует состояние русского языка времени создания старших литературных памятников и приходит к выводу, что именно высокому уровню развития русского языка литература XI - XII вв. была обязана своим быстрым ростом. Сжатые, но выразительные характеристики всех важнейших памятников, литературы до начала XIII в. включительно позволили Д. С. представить основные черты литературного процесса изученного периода.

Развернутую разработку все эти вопросы получили в его книге "Возникновение русской литературы" (1952). В этом исследовании впервые так широко ставится вопрос об исторических предпосылках самого возникновения литературы в обстановке раннефеодального древнерусского государства. Исследователь показывает внутренние потребности, определявшие зарождение и развитие литературы, вскрывает ее самостоятельность и высокий уровень изложения, обусловленный развитием устной поэзии. Определяя своеобразные черты литературы древнерусской народности, Д. С. справедливо оценивает тот вклад, какой внесли в ее развитие произведения византийской и болгарской литературы, усвоенные в славянских и русских переводах.<sup>82</sup>

Материал литературы XI - XIII вв. был еще раз интересно использован Д. С. Лихачевым для обобщающей концепции в принадлежащих ему обширных разделах коллективного труда «Русское народное поэтическое

---

<sup>82</sup> Лихачев Д.С. Возникновение русской литературы./ Д.С. Лихачев. - М-Л.: Изд-во АН СССР, 1952. – С.178.

творчество" (1953) - "Народное поэтическое творчество времени расцвета древнерусского раннефеодального государства (X - XI вв.)» и «Народное поэтическое творчество в годы феодальной раздробленности Руси - до монголо-татарского нашествия (XII - начало XIII в.)».

В новом коллективном труде "История русской литературы" (1958) Дмитрий Сергеевич опубликовал более развернутый, чем в 1951 г., очерк истории литературы домонгольского периода и дал "Введение" и "Заключение" к разделу первого тома, посвященному литературе X - XVII вв.

От анализа литературного мастерства отдельных писателей и целых групп произведений или определенных периодов истории литературы Д. С. Лихачев все ближе и ближе подходил к общей проблеме "художественного метода" древнерусской литературы в его историческом развитии.

В художественном методе древнерусских писателей Д. С. Лихачева прежде всего интересовали способы изображения человека - его характера и внутреннего мира. Цикл его работ на эту тему открывается статьей "Проблема характера в исторических произведениях начала XVII в." (1951)<sup>83</sup>. Исследование этой проблемы ученый начал, как видим, с конца - с периода, завершающего тот отрезок истории русской литературы, который, в целом, называют "древним", противопоставляя ему "новое" время. Однако уже в литературе XVII в. отчетливо намечается перелом, появление ряда новых признаков, которые получают полное развитие в XVIII в. Среди этих признаков Д. С. особо выделил и новое отношение к изображению человека, его внутреннего мира.

В 1958 г. Д. С. Лихачев выпустил в свет книгу «Человек в литературе Древней Руси». В этой книге "проблема характера" исследуется не только на материале исторических жанров: с конца XIV в. привлекается агиография; "новое" в разработке этой проблемы широко показано на различных видах

---

<sup>83</sup> Проблема характера в исторических произведениях начала XVII в. // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 8. — 1951. — С. 234.

демократической литературы XVII в. и в стиле «барокко»<sup>84</sup>. Исчерпать все литературные источники в одном исследовании автор, естественно, не мог, однако в пределах изученного материала он отразил историческое развитие таких основных понятий, как характер, тип, литературный вымысел. Он наглядно показал, какой трудный путь прошла русская литература, прежде чем обратилась к изображению внутреннего мира человека, его характера, т. е. к художественному обобщению, ведущему от идеализации к типизации.

Книга "Человек в литературе Древней Руси" - серьезный вклад не только в изучение истории древнерусской литературы. Положенный в ее основу метод научного исследования и те важные обобщения, которые она содержит, представляют огромный интерес и для искусствоведа, и для исследователя новой русской литературы, и для теоретика литературы и эстетики в широком смысле слова.

Исторический подход к изучению художественного мастерства литературы Древней Руси характеризует и постановку Д. С. Лихачевым других вопросов своеобразной поэтики XI - XVII вв.

Неуклонно следуя по пути изучения конкретных связей литературы как части культуры с исторической действительностью, Д. С. Лихачев с этой позиции исследует и своеобразие художественного мастерства древней русской литературы. Одной из характерных черт древнерусской поэтики давно были объявлены так называемые "постоянные формулы". Не отрицая их наличия, Д. С. предложил изучать эти формулы в связи с той "чрезвычайно сложной обрядностью - церковной и светской", какую выработал феодализм. Этому "этикету" соответствовали и постоянные формы словесного выражения, которые Д. С. условно предлагает называть «литературным этикетом».

Обобщением наблюдений Д. С. Лихачева над художественной спецификой древнерусской литературы явилась его статья "К изучению художественных методов русской литературы XI - XVII вв." (1964), и

---

<sup>84</sup> Лихачев, Д.С. Человек в литературе Древней Руси / Д.С. Лихачев. - М.: Наука, 1970. - 180 с.

особенно книга "Поэтика древнерусской литературы" (1967), удостоенная Государственной премии СССР 1969 г. Монографию Д. С. Лихачева отличает широта диапазона рассматриваемых явлений и стройность композиции, позволяющая связать, казалось бы, самые далекие явления художественной жизни - от особенностей стилистической симметрии в памятниках переводной литературы Киевской Руси до проблем поэтики времени в творчестве Гончарова или Достоевского. Эта сложная композиция книги обусловлена постоянно развиваемой Д. С. Лихачевым концепцией единства русской литературы; принцип анализа явлений поэтики в их развитии определяет построение всех разделов монографии<sup>85</sup>.

Д. С. Лихачева давно занимала идея создания теоретической истории древнерусской литературы, которая позволила бы всесторонне проанализировать ведущие тенденции и процессы литературного развития, рассмотреть литературу в ее теснейших связях с историей культуры, определить сложные взаимоотношения древнерусской литературы с другими средневековыми литературами и, наконец, выяснить основные пути литературного процесса. Если в своих работах 50-х годов Д. С. сосредоточился на изучении процесса возникновения древнерусской литературы и начального этапа ее развития, то в последующих исследованиях он обратился к узловым проблемам ее истории.

Его фундаментальная работа "Некоторые задачи изучения второго юнославянского влияния в России", представленная на IV Международном съезде славистов в 1958 г. и породившая обширную литературу в виде многочисленных рецензий и откликов в нашей стране и за рубежом, как нельзя лучше характеризует умение ученого охватить широчайший круг взаимосвязанных и взаимообусловленных явлений, найти и объяснить то общее, что вызвало их к жизни, увидеть различные аспекты реализации направления, которое охватило все сферы духовной жизни: литературу

---

<sup>85</sup> Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы./ Д.С. Лихачев. - М.: Наука, 1979. – С.265.



(репертуар, стилистические приемы), изобразительное искусство, мир овоззрение, даже приемы письма<sup>86</sup>.

Своеобразным итогом этих многолетних разысканий ученого явилась его книга "Развитие русской литературы X - XVII вв. Эпохи и стили" (1973). В ней Д. С. вновь обращает внимание на явление "трансплантации" как на особую форму общения и взаимовлияния средневековых культур.

Принципиально важным представляется предложенное Д. С. Лихачевым решение проблемы Предвозрождения в древнерусской литературе. Лихачев анализирует гуманистические веяния, типичные для Византии и южных славян в этот период, подробно рассматривает второе южнославянское влияние, способствовавшее проникновению этих идей и настроений на русскую почву, и раскрывает специфику русского варианта Предвозрождения, для которого, в частности, было характерно обращение к "своей античности" - культуре Киевской Руси; в книге выясняются причины, препятствовавшие бурно протекавшему Предвозрождению перейти в "настоящее Возрождение".

С проблемой судеб русского Возрождения связан и вопрос о специфике русского барокко, поднятый Д. С. еще в статье "Семнадцатый век в русской литературе" (1969). В книге Д. С. подводит итог своим многолетним разысканиям в этой области.

Д. С. Лихачев обращался и к изучению древнерусской "смеховой культуры". В книге ""Смеховой мир" Древней Руси" (1976), он впервые поставил и разработал проблему специфики смеховой культуры Древней Руси, рассмотрел роль смеха в общественной жизни того времени, что позволило ему по-новому осветить некоторые черты в поведении и литературном творчестве Ивана Грозного, в русской народной сатире XVII в., в произведениях протопопа Аввакума.<sup>87</sup>

---

<sup>86</sup> Лихачев Д.С. Некоторые задачи изучения второго южнославянского влияния в России // Исследования по славянскому литературоведению и фольклористике: докл. сов. ученых на IV Междунар. съезде славистов./ Д.С. Лихачев. - М., 1960. - С. 132.

<sup>87</sup> Лихачев Д.С., Панченко А.М. Смеховой мир Древней Руси./ Д.С. Лихачев. - Л.: Наука, 1976. - С.117.

Большой интерес представляет концепция Д. С. Лихачева, согласно которой не было и не могло быть резкого разрыва между "новой древней" и новой русской литературой, ибо уже в течение всего XVII в. совершался переход от средневековой литературы к литературе нового времени, и последняя не родилась на пустом месте в процессе коренных перемен начала XVII в., а естественно завершила тот длительный многовековой процесс, который происходил в литературе Древней Руси с момента ее формирования. Этот вопрос особенно подробно был рассмотрен Д. С. в разделе "Пути к новой русской литературе" в книге "Художественное наследие Древней Руси и современность" (1971)<sup>88</sup>.

Еще одна теоретическая проблема волновала Д. С. Лихачева и многократно привлекала его внимание - это проблема жанровой системы древнерусской литературы и шире - всех славянских литератур средневековья. Эта проблема была поставлена и разработана им в докладах на международных съездах славистов - "Система литературных жанров Древней Руси" (1963), "Древнеславянские литературы как система" (1968) и "Зарождение и развитие жанров древнерусской литературы" (1973). В них впервые была представлена во всей своей сложности панорама жанрового разнообразия, выявлена и исследована иерархия жанров, поставлена проблема тесной взаимообусловленности жанров и стилистических приемов в древних славянских литературах.

Перед историей литературы возникает особая задача: изучать не только отдельные жанры, но и те принципы, на которых осуществляются жанровые деления, изучать их историю и самую систему, призванную обслуживать определенные литературные и нелитературные потребности и обладающую некоей внутренней устойчивостью. Широкий план изучения системы жанров XI- XVII вв., развернутый Д. С., включает и выяснение взаимоотношений литературных жанров с фольклорными, связи, литературы с другими видами

---

<sup>88</sup> Лихачева В.Д., Лихачев Д.С. Художественное наследие Древней Руси и современность./ В.Д. Лихачева, Д.С. Лизачев. - Л.: Наука, 1971. - С.75.

искусств, литературы и деловой письменности. Важное значение работ Д. С. заключается именно в том, что он четко сформулировал основные задачи исследования и своеобразие самого понятия "жанр" в применении к литературе Древней Руси.

Все теоретические работы Д. С. Лихачева стремятся направить изучение художественной системы литературы XI - XVII вв. на путь подлинного историзма, вывести его за пределы механического накопления фактов. Они призывают к сравнительному изучению литературных стилей разных периодов русского средневековья, к объяснению изменений в стилях, обусловленному новыми задачами литературы, возникавшими в новой исторической обстановке.

Но теоретические проблемы не могут решаться в отрыве от конкретных историко-литературных исследований и прежде всего от исследований отдельных литературных памятников. Диапазон памятников, которые исследовал сам Д. С. Лихачев, чрезвычайно широк - это летописи и "Слово о полку Игореве", "Моление Даниила Заточника" и "Поучение" Владимира Мономаха, сочинения Ивана Грозного и "Повесть о Горе-Злочастии", повесть "О взятии града Торжьку" и "История Иудейской войны" Иосифа Флавия, "Шестоднев" Ионна Экзарха и Изборник 1073 г. и т. д. Эти конкретные исследования привели Д. С. Лихачева к мысли о необходимости обобщить накопленный материал в области текстологии древнерусской литературы. В ряде статей он обсуждал конкретные вопросы текстологической практики, приемы издания документальных и литературных памятников, и наконец, выпустил в свет обширный труд "Текстология. На материале русской литературы X - XVII вв." (1962). Этот труд Д. С. представляет собой первый в отечественной филологии опыт систематизации всех текстологических задач, стоящих перед исследователями русской литературы допетровского времени, и методики их решения<sup>89</sup>.

---

<sup>89</sup> Лихачев Д.С. Текстология: на материале русской литературы X–XVII вв./ Д.С. Лихачев. - М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. — С.402

Через всю книгу Д. С. проходит одна мысль: текстология вообще и, в частности, текстология медиевистов, - это не сумма более или менее удачных "приемов" изучения, это одна из ветвей филологической науки, имеющая свои задачи, требующая чрезвычайно широкого круга знаний для их решения. Она представляет собой необходимую стадию в изучении литературных памятников русского средневековья, минуя которую, мы не получим надежного материала для изображения литературного процесса того времени.

Обращаясь ко многим историко-литературным и теоретическим проблемам, переходя от конкретных наблюдений над отдельными памятниками к обобщениям самого широкого характера, Д. С. Лихачев в течение десятилетий не оставлял темы, которой он посвятил десятки своих работ. Тема эта - "Слово о полку Игореве". В работах 50-х годов, о которых речь шла выше, Д. С. заложил основные направления своих будущих исследований. Одно из них связано с изучением поэтики "Слова" в сопоставлении с эстетической системой его времени. Впервые эта проблема нашла отражение в статье Д. С. ""Слово о полку Игореве" и особенности русской средневековой литературы" (1962), затем, в связи с размышлениями о жанре памятника, в статье ""Слово о полку Игореве" и процесс жанрообразования XI - XIII вв." (1972) и наконец в обобщающей работе ""Слово о полку Игореве" и эстетические представления его времени" (1976). Большинство этих работ с дополнениями и изменениями, внесенными автором, вошли в его книгу ""Слово о полку Игореве" и культура его времени"<sup>90</sup>.

Значительное место в научной биографии Д. С. занимают его работы, посвященные полемике со скептиками. До настоящего времени не утратила своего значения его работа "Изучение "Слова о полку Игореве" и вопрос о его подлинности" (1962).

---

<sup>90</sup> Лихачев Д.С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени./ Д.С. Лихачев. - Л.: Худож. лиг., 1985. - С.198.

Большой вклад внес Д. С. Лихачев в создание шеститомного "Словаря-справочника "Слова о полку Игореве"" (1965 - 1984), активно участвуя в его редактировании и обсуждении, пополняя его статьи материалами собственных разысканий.

Д. С. Лихачев всегда стремился к тому, чтобы достижения научной мысли становились достоянием самых широких читательских кругов. Помимо популярных изданий "Слова о полку Игореве", Д. С. публикует книгу очерков о классических произведениях литературы Древней Руси - "Великое наследие" (1975). Он был инициатором и участником монументальной серии "Памятники литературы Древней Руси", выходявшей с 1978 г. в издательстве "Художественная литература" и получившей в 1993 Государственную премию Российской Федерации. Стремление донести результаты научных разысканий последних десятилетий до высшей школы побудило Д. С. Лихачева предпринять издание курса "История русской литературы X - XVII веков" (1980), в котором он выступает как автор введения и заключения и как редактор, приложивший немало усилий, чтобы этот вузовский учебник сочетал научность и методологическую цельность с доступностью изложения<sup>91</sup>.

Д. С. Лихачев никогда не замыкался в изучении древнерусской литературы. В книге "Литература - реальность - литература" (1981) собраны его статьи по различным проблемам теории литературы, и в числе их - подборка интереснейших наблюдений над произведениями Пушкина, Некрасова, Гоголя, Достоевского, Лескова, Толстого, Блока, Ахматовой, Пастернака, которые Д. С. объединяет понятием "конкретного литературоведения".

Умение связать воедино различные сферы культуры и объяснить их исходя из общих эстетических концепций времени привело Д. С. к новой теме - поэтике садово-паркового искусства. В 1982 г. выходит его

---

<sup>91</sup> Своеобразие исторического пути русской литературы X - первой четверти XVIII века: введение // История русской литературы: в 4 т. — Л., 1980. — Т. 1: Древнерусская литература. Литература XVIII века. — С. 11–18; Заключение // Там же. — С. 446–462.

оригинальная по замыслу книга "Поэзия садов. К семантике садово-парковых стилей", основанная на материалах по истории садов и парков в России и Западной Европе от средневековья и до начала нашего века.

Д. С. Лихачев придавал огромное значение гуманитарным наукам, их общественному значению, их огромной роли в воспитании патриотизма. Д. С. выдвинул особое понятие - "экология культуры", поставил задачу бережного сохранения человеком среды, созданной "культурой его предков и им самим". Этой заботе об экологии культуры в значительной мере посвящен цикл его статей, вошедших в книгу "Заметки о русском" (1981). К этой же проблематике Д. С. неоднократно обращался в своих выступлениях по радио и телевидению; ряд его статей в газетах и журналах остро и нелюбезно поднимал вопросы охраны памятников старины, их реставрации, уважительного отношения к истории отечественной культуры.

О необходимости знать и любить историю своей страны, ее культуру говорится во многих статьях Дмитрия Сергеевича, обращенных к молодежи. Этой теме посвящены в значительной своей части его книги "Земля родная" (1983) и "Письма о добром и прекрасном"; (1985), специально адресованные молодому поколению.<sup>92</sup>

Науку и культурные ценности творят люди. Благодарная память о них не должна предаваться забвению. Д. С. Лихачев создал целую серию очерков о своих старших товарищах - выдающихся ученых В. П. Адриановой-Перетц, В. М. Жирмунском, П. Н Беркове, И. П. Еремине, Н. И. Конраде, Н. К. Гудзии, Б. А. Романове и др. Это не только воспоминания мемуарного характера, это одновременно и очерки истории науки, это как бы небольшие гимны лучшим качествам ученых - их увлеченности, трудолюбию, эрудиции, таланту. Естественно примыкает к этим воспоминаниям об ученых подборка афоризмов и суждений, названных автором "Мысли о науке". Очерки и афоризмы Д. С. об ученых и науке вошли в книгу "Прошлое - будущему" (1985).

---

<sup>92</sup> Лихачев Д.С. Прошлое будущему. Статьи и очерки./ Д.С. Лихачев. - Л.: «Наука». 1985. – С.345.

Таким образом, необходимо отметить, что исследование истории русского летописания как истории смены художественных признаков повествования об исторических событиях и деятелях, смены, закономерно связанной с общеисторическим процессом и с развитием русской культуры во всех ее проявлениях, вовлекло в круг разысканий Д. С. смежные литературные памятники. В результате появилась в свет чрезвычайно свежая по наблюдениям статья "Галицкая литературная традиция в житии Александра Невского" (1947)<sup>93</sup>. На основе большого рукописного материала было создано образцово выполненное текстологическое исследование «Повести о Николе Заразском», продолженное в статьях 1961 и 1963 гг., посвященных одному из произведений этого цикла – «Повести о разорении Рязани Батые». В отличие от своих предшественников, Д. С. Лихачев с особой силой подчеркивает «историзм» литературы Киевской Руси, ее стремление чутко откликаться на все политические события и отражать изменения, происходящие в идеологии общества. Этот историзм автор признает основой самостоятельности и своеобразия литературы XI - XIII вв.

Все теоретические работы Д. С. Лихачева стремятся направить изучение художественной системы литературы XI - XVII вв. на путь подлинного историзма, вывести его за пределы механического накопления фактов. Они призывают к сравнительному изучению литературных стилей разных периодов русского средневековья, к объяснению изменений в стилях, обусловленному новыми задачами литературы, возникавшими в новой исторической обстановке.

### **2.3. Анализ «Слова о полку Игореве» и вклад ученого в освещение спорных вопросов памятника древнерусской литературы**

---

<sup>93</sup> Лихачев Д.С. Галицкая литературная традиция в житии Александра Невского // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 5./ Д.С. Лихачев. - 1947. - С. 36.

«Слово о полку Игореве» было создано вскоре после событий похода. Оно написано под свежим впечатлением от этих событий. Это не историческое повествование о далёком прошлом, а отклик события своего времени, полный ещё не притупившегося горя. Автор "Слова" обращается в своём произведении к современникам, которым эти события были хорошо известны. Поэтому "Слово" соткано из намёков, напоминаний, из глухих указаний на то, что было ещё живо в памяти каждого читателя - его современника.

Прежде всего, нужно думать, что оно писалось по крайней мере в два приема. Уже сравнительно давно некоторыми исследователями было обращено внимание на то, что рассказ о бегстве Игоря и о возвращении его в Русскую землю, написанный в ликующе-радостных тонах, не согласуется со всем предшествующим повествованием, в котором судьба Русской земли и самого Игоря изображена в мрачных, пессимистических красках. Сама собой поэтому напрашивается мысль о том, что когда создавалась основная часть "Слова", в горестных картинах изображавшая несчастье Руси и раненного, находящегося в плену Игоря, побег Игоря еще не состоялся. Когда же Игорь вернулся на Русь, автор во славу его и двух других князей, участников похода, написал заключительную часть "Слова", в которой говорилось о бегстве Игоря из плена и которая должна была дать удовлетворение нравственному чувству, подавленному ярким изображением недавней военной неудачи<sup>94</sup>.

Время создания основной части "Слова", кончая плачем Ярославны, правдоподобно определяется следующими соображениями. Повесть о походе Игоря на половцев, вошедшая в Ипатьевскую летопись, в очень реальных, хоть и не лишенных лиризма подробностях, рассказывают о том, как известно стало Святославу о поражении Игоря: Святослав пришел к Новгороду-Северскому летом 1185 г., желая идти на половцев на все лето, и

---

<sup>94</sup> Рыбаков Б. А. Пётр Бориславич. Поиск автора «Слово о полку Игореве»./ Б.А. Рыбаков. - М.: «Молодая гвардия», 1991. – С.57



тут-то он узнал впервые о том, что его двоюродные братья - Игорь и Всеволод - сами отправились против половцев, и ему стало досадно; затем, придя к Чернигову, он от Беловолода Просовича, видимо участника Игорева похода, услышал о победе половцев и со вздохом, утирая слезы, стал упрекать князей, чья невоздержанная молодость отворила ворота в Русскую землю врагам, которых он год назад обессилил. "Но воля господня да будет во всем,- говорит он,- как раньше я досадовал на Игоря, так и теперь еще больше жалею я Игоря, брата моего". После этого Святослав шлет весть о поражении Игоря к соседним князьям, призывая их на помощь против половцев. Имея перед своими глазами урок Игорева похода, Святослав, естественно, должен был задуматься над тем, чтобы гарантировать удачу своего предприятия и не поставить русское войско в то положение, в каком оно очутилось во время похода Игоря. Нужно было опереться на солидную силу, которая способна была бы нанести половцам сокрушительный удар<sup>95</sup>. Нужно было объединить русских князей для совместного отпора врагу. Вот та конкретная задача, выполнение которой было первоочередным для Святослава. Замысел "Слова" как раз нужно поставить в связь именно с этими планами Святослава. В таком случае написание основной части поэмы следует отнести к лету 1185 г.: эта часть была создана по горячим следам событий, в целях поддержки призыва Святослава. Обратим внимание на то, что он в своем "золотом слове" обращается к князьям Рюрику и Давиду Ростиславичам с просьбой вступить в золотые стремяна "за обиду сего времени, за землю Русскую, за раны Игоревы, буюго Святославлича". Судя по повести Ипатьевской летописи, Рюрик и Давид тогда же, летом 1185 г., откликнулись так или иначе на призыв Святослава и двинулись против половцев. Значит, нужно думать, "золотое слово" было написано еще до того, как стало известно о выступлении Ростиславичей. Во всяком случае, основная часть "Слова о полку Игореве" не могла быть написана после 1187 г., так как в ней упоминается как здравствующий князь Владимир Глебович

---

<sup>95</sup> Зимин А. А. «Слово о полку Игореве»./ А.А.Зимин. — СПб.: «Дмитрий Буланин», 2006. – С.86

перяславский, погибший во время похода на половцев 18 апреля этого года. Кроме того, Святослав обращается с просьбой о помощи к Ярославу галицкому, умершему 1 октября 1187 года.

Что касается вопроса о том, когда написана была заключительная часть "Слова", повествующая о бегстве Игоря из плена, то на него можно ответить, определив предварительно время пребывания Игоря в плену. Основываясь на том, что в "Слове" говорится о соловьях, возвещающих бегущему Игорю рассвет, логически следовало бы заключить отсюда, что дело было весной, т. е. через год после похода. Значит, Игорь пробыл в плену целый год. Летописные данные не дают нам точных указаний на этот счет, но все же, судя по ним, следует думать, что в плену Игорь оставался значительно менее года. Лаврентьевская летопись, ошибочно приурочивающая поход к 1186 г., под тем же годом, вслед за упоминанием о ранении под Переяславлем Владимира Глебовича, сообщает: "И по малых днех ускочи Игорь у половець". В Ипатьевской летописи, правильно определяющей время похода 1185 годом, опять-таки под тем же 1185 годом, тоже после упоминания о ранении Владимира Глебовича, сказано: "Игорь Святославличь тот год бяшетъ в половецех". Но в контексте повести Ипатьевской летописи, как и во многих других древнерусских памятниках, "год" означает "время" (ср. в повести Ипатьевской летописи: "Идущим же им к Донцю реки в год вечерний", и т. д.)<sup>96</sup>. Далее там же сказано, что Игорь, полагая, что он долго задержится в плену, выписал себе попа из Руси "со святою службою". Значит, Игорь в плену пробыл недолго, во всяком случае, много меньше года. Годичный срок был вполне достаточен для того, чтобы традиционно благочестивому русскому князю потребовался поп и его служба. Кроме того, в рассказе Ипатьевской летописи бегство Игоря приурочено к возвращению половцев из-под Переяславля, что было через несколько месяцев после пленения Игоря. Таким образом Игорь, вернее всего, бежал осенью 1185 г. (зима исключается, так как в Ипатьевской летописи говорится о том, что,

---

<sup>96</sup> Рыбаков Б. А. Указ. соч. – С.61

убегая из плена, Игорь перешел реку вброд). Если же, по "Слову", побег Игоря сопровождался соловьиным пением, то тут мы имеем дело, скорее всего, с поэтической вольностью автора поэмы. Из всего сказанного следует, что окончание "Слова" может быть приурочено ко времени, начиная с осени 1185 г. Если согласиться с теми исследователями, которые считают, что включение в число прославляемых князей Владимира Игоревича могло иметь место лишь после того, как он вернулся из плена, а это было осенью 1187 г., то время завершения "Слова" придется отодвинуть к последним месяцам этого года или к начальным 1188 года<sup>97</sup>.

Все попытки найти среди упоминаемых в источниках людей XII в. автора «Слова» до сих пор не удавались и вряд ли удадутся в будущем. Нельзя ограничивать число возможных авторов только упомянутыми в источниках. Культура Руси XII в. была высокой и пишущих людей было много.

Однако если нет реальных возможностей найти имя автора «Слова», то есть обильные возможности для того, чтобы представить себе, каким был автор «Слова»: его профессионализм, его осведомленность, его убеждения (политические, религиозные и пр.), его отношения к отдельным князьям и исторические представления.

Рассуждая об авторе Д.С. Лихачев пытается понять, кем он мог быть.. Он мог быть приближенным Игоря Святославича: он ему сочувствует. Он мог быть и приближенным Святослава Киевского: он сочувствует также и ему. Он мог быть черниговцем и киевлянином. Он мог быть дружинником: дружинными понятиями он пользуется постоянно. Однако в своих политических воззрениях он не был ни придворным, ни защитником местных тенденций, ни дружинником. Он занимал свою независимую патриотическую позицию, по духу своему близкую широким слоям трудового населения Руси. Его произведение — горячий призыв к единству

---

<sup>97</sup> Лихачев Д.С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени./ Д.С. Лихачев. - Л.: Худож. лиг., 1985 – С.33

Руси перед лицом внешней опасности, призыв к защите мирного созидательного труда русского населения — земледельцев и ремесленников. Его художественная система тесно связана с русским народным творчеством. Он творит свое произведение ясными, простыми, доходчивыми средствами, оживляя образы, заложенные в самом устном языке, в понятиях времени, в быте, в военном и феодальном обиходе XII в. Это народный певец, искусный и тонкий, создавший произведение литературное, а не устное; но его литературное произведение связано в гораздо большей степени с устным языком, с русской действительностью, с поэтической символикой жизни, чем с литературной традицией своего времени<sup>98</sup>.

Таким образом, Д. С. Лихачев считает, что автор «Слова» — профессиональный литератор, противопоставляющий себя Бояну именно потому, что он сходен с ним по своей деятельности. Боян же — певец, владевший игрой на десятиструнных гусях (музыкальный инструмент, требовавший профессионального владения им) и слагавший самостоятельно песни о событиях, связанных с различными князьями. Профессионал не обязательно должен был быть политическим сторонником того или иного князя. Он мог быть по-своему правдив и свободен и не зависеть от княжеского дара. Это право быть независимыми признавалось до середины XIII в., когда впервые отказ певца Митусы служить князю Даниилу был воспринят как измена.

Право свободно говорить правду в глаза князю, отнятое в XIII в. у княжеских певцов, сохранилось за народными игроцами, к которым в домонгольский период принадлежал Даниил Заточник и которых в свою очередь стали преследовать, но уже в XVII в.

Княжеский певец был профессиональным певцом, владевшим сложным искусством слагать свои песни. Он исходил не только из традиции (знание традиций требовало своеобразной литературной образованности), но из самостоятельного творчества, обладая умением удерживать в памяти

---

<sup>98</sup> Зимин А. А. Указ. соч. — С.92

сказанное раньше, а также искусством свободной лирической композиции, при которой он не просто излагал события как летописец в хронологической последовательности, а, скорее, откликался на события, предполагая в своих слушателях и читателях знание русской истории. Все это требовало незаурядного дарования. Совершенно невероятно, чтобы такое сложное искусство могло быть «побочным занятием» при какой-нибудь высокой государственной должности (князя, боярина, дружинника, дипломата и т. п.). Иными словами: совершенно исключается возможность того, чтобы автором был сам князь Игорь или кто-то из высокого княжеского окружения Игоря, Святослава, Всеволода и т.п.<sup>99</sup>

По мнению А. А. Зимина, автор «Слова о полку Игореве» - человек начитанный в древнерусской литературе, наделенный несомненным поэтическим талантом. В языке его обнаруживаются следы украинской, белорусской и польской лексики и морфологии, а в произведении чувствуется особый интерес к Полоцку и Чернигову. Судя по хорошему знанию автором «Слова о полку Игореве» библейских образов и церковнославянского языка, он, скорее всего, принадлежал к духовенству<sup>100</sup>.

Когда представляешь себе начитанного в древнерусской и церковной литературе автора XVIII в., жизненный путь которого перекликается с мотивами Слова о полку Игореве, то приходится остановиться на фигуре Ивана (Иоиля) Быковского, первого владельца рукописи этого произведения.

Вопрос об Иоиле-Иване Быковском как авторе «Слова о полку Игореве» мог быть поставлен только после 1956 г., когда появились статьи В. В. Лукьянова и Ф. Я. Приймы, содержавшие первую сводку биографических сведений об этом примечательном во многих отношениях писателе. Быковский, вероятно, происходил из Белоруссии. Там эта фамилия бытует и до сегодняшнего дня. Генеалогию белорусских Быковских в конце XVI – первой трети XVII в. можно проследить по материалам архива

---

<sup>99</sup> Лихачев Д.С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени: Монография. 2-е изд., доп./ Д.С. Лихачев. - Л.: Худож. лиг., 1985. – С.58

<sup>100</sup> Зимин А. А. Указ. соч. – С.92

западнорусских униатских митрополитов. Первое сведение о минском войте Иване Федоровиче Быковском, владельце имения Колодязи Минского повета, относится к 1588 г<sup>101</sup>.

Помимо этого, есть еще не одна гипотеза об авторстве «Слова о полку Игореве». В 2003 году американский историк Эдвард Кинан выдвинул гипотезу, согласно которой Добровский сочинил «Слово» около 1793 (допускается как сознательная мистификация, так и стилизация без цели обмана), ознакомившись во время пребывания в России с Задонщиной, Ипатьевской летописью (основными древнерусскими памятниками, демонстрирующими сюжетную и текстуальную связь со «Словом»). Затем текст был якобы переслан Добровским в Россию и по его указаниям получил распространение (никаких фактических доказательств этой передачи не приводится). Во время последовавшей психической болезни Добровский мог, согласно Кинану, забыть своё авторство (якобы поэтому он делал из «Слова» выписки в своих записных книжках, ссылаясь на него как на подлинный текст и т. п., а также добивался разоблачения подлога Ганки). Данная гипотеза сама по себе выглядит во многом предпочтительнее выдвигавшихся скептиками ранее: Добровский, в отличие от иеромонаха Иоиля и А. И. Мусина-Пушкина, кандидатуры которых предлагались А. Мазоном и А. А. Зиминым в качестве возможных авторов «Слова», был филологом-славистом, причём первоклассной по тому времени квалификации, был профессионально знаком с древними рукописями и фольклором. Тем не менее эта версия, по-видимому, должна быть отвергнута<sup>102</sup>.

Один из главных доводов, приводимых критиками Кинана (А. А. Зализняком, О. Б. Страховой, В. М. Живовым), заключается в том, что «Слово» соответствует языковым нормам XII века в гораздо большей степени, чем лингвистические работы Добровского, ещё содержавшие, по понятным причинам, некоторое количество неточностей. С другой стороны,

---

<sup>101</sup> Лихачев Д.С. Слово о полку Игореве: Ист.-лит. очерк./ Д.С. Лихачев. - М.; Л., Изд-во АН СССР, 1950 – С.242

<sup>102</sup> Лихачев Д.С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени./ Д.С. Лихачев. - С.48.

поздние орфографические и диалектные особенности, присутствующие в «Слове» и в ряде других славянских рукописей, вообще никак не упоминаются в работах Добровского, ориентирующихся прежде всего на старшие памятники; множество грамматических явлений трактуются в «Слове» иначе, чем в основополагающих «Institutiones» чешского лингвиста (изданных через двадцать с лишним лет после появления рукописи «Слова»). Таким образом, если считать поэму об Игоре произведением Добровского, то придётся предполагать, что он в период, когда историческая лингвистика только делала первые шаги, самостоятельно открыл несколько десятков сложнейших языковых явлений, до которых наука дошла лишь на протяжении двух последующих веков, и при этом никак не отразил это в своих последующих печатных работах и даже сохранившихся рукописях (а часто и указал там вещи заведомо неверные). Существуют также серьёзные доказательства первичности «Слова» по отношению к «Задонщине». Ссылки на якобы обнаруженные в «Слове» богемизмы, гебраизмы и другие слова позднего происхождения, приводимые Кинаном, как показывают его критики, несостоятельны<sup>103</sup>.

«Слово» посвящено походу новгород-северского князя Игоря на половцев, но оно не повествует последовательно о событиях Игорева похода. Оно их поэтически оценивает и взвешивает. В «Слове» говорится о них так, как будто бы события эти были хорошо известны читателям. Оно обращено к современникам князя Игоря. Это горячая речь патриота-народолюбца, речь страстная и взволнованная, поэтически непоследовательная, то обращающаяся к событиям живой современности, то вспоминая дела седой старины, то гневная, то печальная и скорбная, но всегда полная веры в Родину, полная гордости ею, уверенности в ее будущем.

«Слово» начинается с размышлений автора по поводу того, какую избрать манеру для своего повествования. Он отвергает старую манеру Бонна

---

<sup>103</sup> Зализняк А. А. «Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста. / А.А.Зализняк. - М.: «Рукописные памятники Древней Руси», 2008. - С.211

и решается следовать непосредственно «былинам» своего времени — придерживаться действительных событий. Это лирическое вступление, в котором мы можем узнать обычное начало многих древнерусских произведений (от проповедей и до житий святых), создает впечатление непосредственности, неподготовленности повествования; оно убеждает читателя в том, что перед ними импровизация, свободная от скованности литературными традициями речь — в том числе даже и от таких сильных, как Бояновы. И действительно, все дальнейшее так непосредственно, так тесно связано с живой устной речью, с народной поэзией, звучит так искренне и страстно, что, несмотря на некоторую традиционность начала «Слова», мы ему верим. В «Слове» нет признаков следования заранее данной традиционной схеме. И именно это - непосредственность глубоких человеческих чувств - делает «Слово» таким понятным и для нас<sup>104</sup>.

В самом деле, в «Слове» ясно ощущается широкое и свободное дыхание устной речи. Как мы увидим в дальнейшем, оно чувствуется и в выборе выражений — обычных, употреблявшихся в устной речи, терминов военных и феодальных; оно чувствуется и в выборе художественных образов, лишенных литературной изысканности; оно чувствуется и в самой ритмике языка, как бы рассчитанного на произнесение вслух. Автор «Слова» постоянно обращается к своим читателям, точно он видит их перед собой. Он называет их всех вместе «братия» и обращается то к тому, то к другому поименно. В круг своих воображаемых слушателей он вводит и своих современников, и людей прошлого. Он обращается к Бояну: «О Бояне, соловию стараго времени! А бы ты сиа плькы ущекоталь». Он обращается к Буй Туру Всеволоду: «Ярь Туре Всеволоде! Стоиши на борони, прыщещи на вой стрелами, гремлещи о шеломы мечи харалужными!» Он обращается к Игорю, к Всеволоду Суздальскому, к Рюрику и Давыду Ростиславичам и т. д. Он обращается с лирическими вопросами и к самому себе: «Что ми шумить, что ми звенить далече рано предь зорями?» Он прерывает самого себя

---

<sup>104</sup> Зимин А.А. Указ. соч. – С.134



восклицаниями скорби: «О Русская земле! Уже за шеломянемъ еси!», «То было въ ты рати и въ ты плъкы, а сицей рати не слышано!» Все это создает впечатление непосредственной близости автора «Слова» к тем, к кому он обращается. Эта близость переходит грань близости писателя к своему читателю - это близость скорее оратора к своим слушателям. Автор ощущает себя говорящим, а не пишущим.

Однако было бы ошибочным считать, что перед нами типичное ораторское произведение, предполагать, что в «Слове о полку Игореве» соединены жанровые признаки ораторского слова. Не исключена возможность, что автор «Слова» предназначал свое произведение для пения. Во всяком случае, лирики, непосредственной передачи чувств и настроений в «Слове» больше, чем это можно было бы ожидать в произведении ораторском. Исключительно сильна в «Слове» и его ритмичность. Наконец, следует обратить внимание и на то, что автор «Слова» хотя и называет свое произведение очень неопределенно — то «словом», то «песнью», то «повестью», однако, выбирая свою поэтическую манеру, рассматривает как своего предшественника не какого-либо из известных ораторов XI-XII вв., а Бояна — певца, поэта, исполнявшего свои произведения под аккомпанемент какого-то струнного инструмента, по-видимому гуслей. Автор «Слова» до известной степени противопоставляет свою манеру поэтической манере Бояна (автор обещает начать свою «песнь» «по былинамъ сего времени, а не по замышлению Бояню»), однако это противопоставление потому-то и возможно, что он считает Бояна своим предшественником в том же роде поэзии, в каком творит и сам. Ораторские приемы мы сможем найти в любом произведении древнерусской литературы. Их может быть больше или меньше, но они присутствуют всюду. Вот почему, размышляя над жанровой природой «Слова», важно обратиться к народной поэзии. «Слово» — не

произведение народной поэзии, но народная поэзия имеет все же, как мы увидим в дальнейшем, прямое отношение к вопросу о его жанре.<sup>105</sup>

Связь «Слова» с произведениями устной народной поэзии яснее всего ощущается в пределах двух жанров, чаще всего упоминаемых в «Слове»: плачей и песенных прославлений — слав, хотя далеко не ограничивается ими. Плачи и слав автор «Слова» буквально приводит в своем произведении, им же он больше всего следует в своем изложении. Их эмоциональная противоположность дает ему тот обширный диапазон чувств и смен настроений, который так характерен для «Слова» и который сам по себе отделяет его от произведений устной народной словесности, где каждое произведение подчинено в основном одному жанру и одному настроению.

Призыв к единению перед лицом внешней опасности пронизывает собою все «Слово» от начала до конца. Необходимость этого единения автор «Слова о полку Игореве» доказывает на примере неудачного похода Игоря, доказывает многочисленными историческими сопоставлениями, доказывает изображением последствий княжеских усобиц, доказывает, рисуя широкий образ Русской земли, полной городов, рек и многочисленных обитателей, рисуя русскую природу, бескрайние просторы родины.<sup>106</sup>

На примере похода Игоря и его неудачи автор показывает несчастные последствия отсутствия единения. Игорь терпит поражение только потому, что пошел в поход один. Он действует по феодальной формуле: «мы себе, а ты себе». Слова Святослава Киевского, обращенные к Игорю Святославичу, характеризуют в известной мере и отношение к нему автора «Слова». Святослав говорит, обращаясь к Игорю и Всеволоду: «О моя сыновья, Игорю и Всеволоде! Рано еста начала Половецкую землю мечи цвелити, а себе славы искати. Нъ нечестно одолесте, нечестно бо кровь поганую пролиясте. Ваю храбрая сердца въ жестоцемъ харалузе скована, а въ буести закалена. Се ли створисте моей сребреней седине... Нъ рекосте: «Мужаимься сами:

---

<sup>105</sup> Лихачев Д.С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени./ Д.С. Лихачев. - С.48.

<sup>106</sup> Лихачев Д.С. Устные истоки художественной системы "Слова о полку Игореве"/ Д.С. Лихачев. - Л., 1950. - С. 68.

преднюю славу сами похитимъ, а заднюю ся сами поделимъ!» А чи диво ся, братие, стару помолодити? Коли соколь въ мытэхъ бываетъ, высоко птиць възбиваетъ, не дасть гнезда своего въ обиду. Нъ се зло — княже ми непособие: наниче ся години обратиша».

По существу, весь рассказ в «Слове» о походе Игоря выдержан в этих чертах его характеристики Святославом: безрассудный Игорь идет в поход, несмотря на то, что поход этот с самого начала обречен на неуспех. Он идет, несмотря на все неблагоприятные «знамения». Единственной движущей силой его при этом является стремление к личной славе. Игорь говорит: «Братие и дружино! Луце жъ бы потяту быти, неже полонену быти; а всядемъ, братие, на свои бръзые комони, да позримъ синего Дону», и еще: «Хощу бо, рече, копие приломити конецъ поля Половецкаго; съ вами, русици, хощу главу свою приложити, а любо испити шеломомъ Дону» (ср. похвальбу Игоря и Всеволода в рассказе Лаврентьевской летописи о походе Игоря: «Мы есмы ци не князи же? Пойдем, такы же собе хвалы добудем»). Желание личной славы «заступает ему знамение». Ничто не останавливает Игоря на роковом пути.

Осуждение Игоря явно чувствуется еще в одном месте «Слова о полку Игореве», по другому поводу. Сравнивая битву Игоревы войска и половцев с пиром, автор «Слова» говорит: «Ту кроваваго вина не доста; ту пирь докончаша храбрии русичи: сваты попоиша, а сами полегоша за землю Рускую». Автор «Слова» неизменно точен в выборе выражений. Слово «сваты» употреблено им в отношении половцев далеко не случайно. Предводитель половецких сил хан Кончак был действительно сватом Игоря. Сын Игоря был помолвлен с дочерью Кончака еще раньше. Свадьба состоялась в плену. Владимир вернулся из плена «с дитятею» и уже по возвращении из плена был венчан по церковному обряду.<sup>107</sup>

Однако половцы были сватами русских князей далеко не в одном случае. Олег Гориславич был женат на дочери хана Асалупа. Святополк

---

<sup>107</sup> Зализняк А. А. Указ. соч. - С.142

Изяславич Киевский был женат на дочери Тугорхана. Юрий Долгорукий был женат на дочери хана Аепы, внучке хана Осеня. Сын Мономаха, Андрей Добрый, был женат на внучке Тугорхана; Рюрик Ростиславич — на дочери хана Беглюка. Внучка хана Кончака была выдана замуж за Ярослава Всеволодовича.

Как видим, обращаясь с призывом к русским князьям, направляя им в первую очередь свой призыв встать на защиту Руси, автор «Слова о полку Игореве» имел право назвать с горьким чувством врагов Руси — половцев — «сватами».

Итак, на всем протяжении «Слова о полку Игореве» автор относится к Игорю с неизменным сочувствием. Но, сочувствуя Игорю, он осуждает его поступок, и это осуждение, как мы видели, прямо влагается им в уста Святослава Киевского и подчеркивается всеми историческими параллелями, которые он приводит в «Слове». Его позиция, во всяком случае, не позиция придворного Игоря Святославича, как и не придворного Святослава Всеволодовича. Он независим в своих суждениях.

В образе Игоря Святославича подчеркнуто, что исторические события сильнее, чем его характер. Его поступки обусловлены в большей мере заблуждениями эпохи, чем его личными свойствами. Сам по себе Игорь Святославич не плох и не хорош: скорее даже хорош, чем плох, но его деяния плохи, и это потому, что над ним господствуют предрассудки и заблуждения эпохи. Тем самым на первый план в «Слове» выступает общее и историческое над индивидуальным и временным. Игорь Святославич — сын эпохи. Это «средний» князь своего времени: храбрый, мужественный, в известной мере любящий родину, но безрассудный и недальновидный, заботящийся о своей чести больше, чем о чести родины<sup>108</sup>.

События похода Игоря показаны в «Слове» на широком историческом фоне. Автор «Слова» прибегает к постоянным сопоставлениям настоящего с

---

<sup>108</sup> Лихачев Д.С. Слово о полку Игореве: Ист.-лит. очерк./ Д.С. Лихачев. - М.; Л., Изд-во АН СССР, 1950 - С.268

прошлым. И это отнюдь не случайные лирические отвлечения автора. Перед нами не просто «поэтическая беспорядочность», а широкие исторические обобщения на основе исторических сопоставлений. Автор «Слова о полку Игореве» прибегает к русской истории как к средству проникнуть в смысл современных ему событий, как к средству художественного обобщения.

С наибольшей полнотой это привлечение прошлого для осмысления настоящего нашло выражение в образах двух зачинщиков феодальных смут, двух родоначальников самых беспокойных княжеских гнезд — Олега Гориславича и Всеслава Полоцкого.

Перед нами в «Слове» не только портреты двух этих князей, но в известной мере суммарные характеристики их непокорных и суетливых потомков — Ольговичей и Всеславичей. В самом деле, по мысли автора, князья и княжества всегда являются носителями славы их родоначальников, предков, основоположников их независимости: черниговцы без щитов с одними засапожными ножами кликом полки побеждают, «звонячи въ прадеднюю славу»; Изяслав Василькович позвонил своими острыми мечами о шлемы литовские, «притрепа славу деду своему Всеславу»; Ярославичи и все внуки Всеслава уже выскочили «изъ дедней славе»; Всеслав, захватив Новгород, «разшибе славу Ярославу» и др. Все это не пустые слова: с точки зрения автора «Слова», славу нынешних князей и княжеств устави́ли «деды», следовательно, «деды» нынешних князей черниговских и полоцких — Олег Святославич и Всеслав Брючиславич — живы в деяниях своих потомков. Автор «Слова» не случайно дает характеристику именно этим князьям: он говорит об их злосчастной судьбе, чтобы призвать к миру и согласному действию против степи их беспокойных потомков.<sup>109</sup>

Характеристика Олега Гориславича предшествует сообщению о поражении Игоря. Поражение Игоря рассматривается как непосредственное следствие политики феодальных раздоров, начавшейся при Олеге. Рассказав об усобицах Олега, автор «Слова» переходит прямо к поражению Игоря: «То

---

<sup>109</sup> Рыбаков Б.А. Указ. соч. – С.98

было въ ты рати и въ ты плъкы, а сицей рати не слышано!» (то есть те все несчастья были от тех ратей и тех походов, но эта рать Игоря превзошла своими последствиями уособицы Олега). Так же точно рассказу о Всеславе в «Слове» непосредственно предшествует обращение к потомкам Всеслава и их противникам Ярославичам.

Характеристика князя-крамольника Олега Гориславича дана по преимуществу в освещении последствия его уособиц для всего русского народа. Характеризуется даже не он сам как личность, а его деятельность и последствия его деятельности. Его «уособицы» рассматриваются как целая эпоха в жизни русского народа: «Были вечи Трояни, минула лета Ярославля; были плъци Олговы, Ольга Святъславличя».

Автор «Слова о полку Игореве» Олега вспоминает, однако, не только потому, что он был родоначальником черниговских Ольговичей. Именно он, Олег, положил начало сложному узлу уособиц, связанных с вотчинным правом Древней Руси. Вместе с тем половецкие симпатии Олега положили начало специфической половецкой политике Ольговичей.<sup>110</sup>

Вся характеристика разрушительной деятельности Олега построена на противопоставлении ее созидательному труду земледельцев и ремесленников: «Олеги мечемь крамолу коваше и стрелы по земли сеяше», «тогда при Олзе Гориславлича сеяшеться и растяшеть уособицами, погибашеть жизнь Дажьбожа внука»; и, наконец,— поразительный по своей художественной выразительности образ: «Тогда (то есть при Олеге Гориславиче) по Руской земли ретко ратаеве кикахуть, нь часто врани граяхуть, трупиа себе дяляче...» Этот же образ мирно пашущего пахаря, заботам о котором должны быть посвящены усилия князей, ради которого они должны сражаться с половцами, применен в «Повести временных лет» для аналогичного упрека корыстолюбивым князьям и при этом в аналогичной исторической обстановке. «Оже то начнет орати смерд, —

---

<sup>110</sup> Лихачев Д.С. Слово о полку Игореве: Ист.-лит. очерк. Д.С. Лихачев. - М.; Л., Изд-во АН СССР, 1950 - С.275

говорил главный противник Олега Владимир Мономах в 1103 г., призывая к объединенному походу на половцев, — и приехав половчин ударить и (его) стрелою, а лошадь его поиметь, а в село его ехав иметь жену его, и дети его, и все его именье». Автор «Слова о полку Игореве» считал дело Мономаха неудавшимся по вине Олега, он и отметил это, избрав для этого образ, примененный самим Мономахом, чем указал на то, что надежды Мономаха оберечь мирный труд ратая не сбылись.

Главным объектом для показа безрассудной деятельности Олега сделана битва на Нежатиной Ниве 1078 г. Эта битва сопоставлена с битвой Игоря («съ тоя же Каялы...»). Автор говорит о жертвах этой битвы: Борисе Вячеславиче и Изяславе Ярославиче. Впечатление о смерти этих князей усилено погребальными образами: Борису Вячеславичу «слава... зелену паполому (то есть зеленое погребальное покрывало — траву) постла за обиду Ольгову, храбра и млада князя». Изяслава же Ярославича его сын Святополк приказывает отвезти к Софии Киевской «между угорьскими иноходьци»<sup>111</sup>.

Малозначительный князь Борис Вячеславич упомянут не потому, что он «защищал черниговские интересы», а потому, что гибель его в битве на Нежатиной Ниве наряду со смертью его противника Изяслава ярко иллюстрировала идею автора о бессмысленности междоусобных столкновений: обе стороны понесли жертвы в битве на Нежатиной Ниве; об обеих этих жертвах автор «Слова» говорит с одинаковым сожалением, не отдавая предпочтения ни черниговской, ни киевской стороне.

Характеристика другого князя, крамольника Всеслава Полоцкого, согласуется с теми фактами, которые сообщает о нем «Повесть временных лет». Факты «Повести временных лет» осмыслены в «Слове» поэтически. Из них автор «Слова» строит не только поэтический образ Всеслава, но одновременно дает и историческую оценку его деятельности. Эта историческая оценка, умело согласованная со всей идейной структурой

---

<sup>111</sup> Рыбаков Б.А. Указ. соч. – С.103

«Слова», поражает вместе с тем проникновенным пониманием русской истории.

Автор «Слова» как бы размышляет о злосчастной судьбе Всеслава. Всеслав изображен в «Слове» и с осуждением, и с теплотой лирического чувства: неприкаянный князь, мечущийся, как затравленный зверь, хитрый, «вещий», но несчастный неудачник!.. Перед нами исключительно яркий образ князя-вотчинника, князя периода феодальной раздробленности Руси.

«Всеславъ князь людемь судяше, княземь грады рядяше (то есть властвовал над судьбой других людей, даже князей), а самъ въ ночь влькомь рыскаше (не зная пристанища, как в 1068 г., когда он ночью бежал из Белгорода): изъ Кыева дорискаше до курь Тмутороканя, великому Хрѣсови влькомь путь прерыскаше. Тому (то есть для Всеслава) въ Полотьске позвониша заутренюю рано у святыя Софеи въ колоколы, а онъ въ Кыеве (в заключении) звонъ слыша (принужден был слышать). Аще и вещь душа въ дрѣзе тѣле (хоть и «вещая» — колдовская душа была у него в храбром теле), нь часто беды страдаше. Тому вещей Боянь и прѣвое припевку, смысленый, рече: „Ни хытру, ни горазду, ни птицю горазду суда божиа не минути»<sup>112</sup>.

Быстрота продвижения Всеслава, его «неприкаянность» — черты его реальной биографии. Мономах говорит в своем «Поучении», что он гнался за Всеславом (в 1078 г.) со своими черниговцами «о двою коню» (то есть с поводными конями), но тот оказался еще быстрее: Мономах его не нагнал. Всеслав действительно метался по всей Руси, то появляясь под стенами Новгорода, то на берегах Черного моря в далекой Тмуторокани. Он был захвачен сыновьями Ярослава, привезен в Киев узником и очутился на киевском столе, провозглашенный князем восставшими киевлянами. Через семь месяцев он принужден был ночью бежать от этих же самых киевлян.

Его усобицы, как и усобицы Олега Гориславича, автор «Слова» противопоставляет мирному, созидательному труду: «На Немизе снопы стелють головами, молотятъ чеши харалужными, на тоце животь кладуть,

---

<sup>112</sup> Зализняк А.А. Указ. соч. – С. 112



веють душу отъ тѣла. Немизе кровави брезе не бологомъ бяхуть посеяни, посеяни костьми рускихъ сыновъ».

В Олеге Гориславиче и во Всеславе Полоцком автором «Слова» обобщены два крупнейших исторических явления: усобицы Ольговичей и Мономаховичей и усобицы Всеславичей и Ярославичей. Вот почему характеристики этих князей занимают такое большое место в «Слове». Ограниченный в средствах художественного обобщения законами художественного творчества средневековья, замкнутого в кругу исторических фактов весьма узкого ряда, автор «Слова» прибег к изображению родоначальников тех князей, обобщающую характеристику которых он собирался дать.

Таким образом, характеристики Олега и Всеслава занимают строго определенное и важное место в идейной композиции «Слова». Это не случайные вставки и не лирические отступления. Они находятся в органической связи с историческими воззрениями автора «Слова», служат средством художественного обобщения, служат единой цели автора — призыву русских князей к единению<sup>113</sup>.

Тому же призыву к единению служит центральный образ «Слова» — образ Русской земли. Он дан автором «Слова» в объединении крайних географических пунктов: Новгорода на севере и Тмуторокани на юге, Дуная и Волги, Западной Двины и Дона. Одно перечисление упоминаемых в «Слове» русских городов составило бы довольно точное представление об обширных пределах Русской земли: Киев, Чернигов, Полоцк, Новгород Великий и Новгород-Северский, Тмуторокань, Курск, Переяславль Южный, Белгород, Галич, Путивль, Римов; упомянуты также князья Владимира-Залесского и Владимира-Волынского, Смоленска и Рыльска.

Под Русской землей и Русью в XII в., в пору феодальной раздробленности, очень часто имелась в виду лишь Киевская земля и ее

---

<sup>113</sup> Лихачев Д.С. Слово о полку Игореве: Ист.-лит. очерк./ Д.С. Лихачев. - М.; Л., Изд-во АН СССР, 1950 – С.281

ближайшие соседи. «Пойти на Русь» в XII в. часто означало отправиться в Киев. Переяславль Южный, в отличие от Переяславля-Залесского, назывался Переяславлем «Русским». В Новгороде дорога в Киев носила название «русского пути». Такое сужение понятия Руси пределами Киевского княжества было типичным следствием феодальной раздробленности, когда только один Киев мог еще претендовать на представительство всей Руси в целом.

В противоположность этому, для автора «Слова о полку Игореве» понятие Русской земли не ограничивается пределами Киевского княжества. Автор «Слова» включает сюда Владимиро-Суздальское княжество и Владимиро-Волынское, Новгород Великий и Тмуторокань. Последнее особенно интересно: автор «Слова» включает в число русских земель и те, политическая самостоятельность которых была утрачена ко второй половине XII в. Так, например, река Дон, на которой находились кочевья половцев, но где имелись и многочисленные русские поселения, для автора «Слова» — русская река. Дон зовет князя Игоря «на победу». Донец помогает Игорю во время его бегства. Славу Игорю Святославичу по его возвращении в Киев поют девицы «на Дунай», где действительно имелись русские поселения. Там же слышен и плач Ярославны. Даже Полоцкое княжество, которое в XII в. постоянно противопоставлялось остальной Русской земле, введено им в круг русских княжеств. Автор «Слова» обращается к полоцким князьям с призывом к защите Русской земли наряду со всеми русскими князьями; он обращается с призывом прекратить их «которы» с Ярославичами, и т. д. Следовательно, Полоцкая земля для автора «Слова» — земля Русская<sup>114</sup>.

То же представление о Русской земле как о едином большом целом отчетливо дает себя знать и в тех случаях, когда автор говорит об обороне ее границ. Южные враги Руси — половцы — для него главные враги, но не единственные. Защита русских границ воспринимается им как одно целое: он говорит о победах Всеволода Суздальского на Волге, то есть над волжскими

---

<sup>114</sup> Зимин А.А. Указ. соч. - С.122

болгарами, о войне полоцких князей против литовцев, о «воротах» Галицкой земли на Дунае, против подвластных Византии дунайских стран.

Как единое целое выступает для автора и вся русская природа. Ветер, солнце, грозовые тучи, в которых трепещут синие молнии, вечерние зори и утренние восходы, море, овраги, реки составляют тот необычайно широкий фон, на котором разворачивается действие «Слова», передают ощущение широких просторов родины. Пейзаж «Слова» воспринят как бы с огромной высоты. «Горизонт» этого пейзажа охватывает целые страны; пределы пейзажа раздвинуты и позволяют видеть не участок природы, а страну, область.

Этот широкий пейзаж особенно отчетливо выступает в плаче Ярославны. Ярославна обращается к ветру, веющему под облаками, лелеющему корабль на синем море, к Днепру, который пробил каменные горы сквозь землю Половецкую и лелеял на себе Святославовы насады до Кобякова стана, к солнцу, которое для всех тепло и прекрасно, а в степи безводной простерло жгучие свои лучи на русских воинов, жаждою им луки скрутило, истомою им колчаны заткнуло.

При этом природа не выключена из событий истории. Пейзаж «Слова» тесно связан с человеком. Русская природа принимает участие в радостях и печалях русского народа. Чем шире охватывает автор Русскую землю, тем конкретнее и жизненнее становится ее образ, в котором оживают реки, вступающие в беседу с Игорем, наделяются человеческим разумом звери и птицы. Ощущение пространства и простора, присутствующее в «Слове», усиливается многочисленными образами соколиной охоты, участием в действии птиц (гуси, гоголи, вороны, галки, соловьи, кукушки, лебеди, кречеты), совершающих большие перелеты («не буря соколы занесе чрезь поля широкая; галици стады бежать къ Дону великому» и др.).<sup>115</sup>

Это объединение всей Русской земли в единый конкретный, живой и волнующий образ, широкие картины родной русской природы — один из

---

<sup>115</sup> Зализняк А.А. Указ. соч. - .С.121

самых существенных элементов призыва автора к единению. Здесь идейный замысел «Слова» неразрывен с его воплощением. Призыв к единению свободно и естественно вытекает из этого центрального образа «Слова» — образа единой, прекрасной и страдающей Родины. Образ этот вызывает сочувствие к Русской земле, возбуждает любовь к ее природе, гордость ее историческим прошлым и сознание заложенных в ней непреодолимых сил.

Единство Руси мыслится автором «Слова» не в виде прекраснородушного идеала союзных отношений всех русских князей на основе их доброй воли и не в виде летописной идеи необходимости соблюдения добрых родственных отношений между князьями. Идея единства Русской земли слагается им из представлений, свойственных эпохе феодальной раздробленности. Автор «Слова» не отрицает, например, феодальных отношений, но в этих феодальных отношениях он постоянно настаивает на необходимости соблюдения подчиняющихся обязательств феодалов, а не на их правах самостоятельности. Он подчеркивает послушание Игоря и Всеволода по отношению к их отцу Святославу и осуждает их за это. Он призывает к феодальной верности киевскому князю Святославу, но не во имя соблюдения феодальных принципов, а во имя интересов всей Русской земли в целом.<sup>116</sup>

Вопреки исторической действительности, слабого киевского князя Святослава Всеволодовича автор «Слова» рисует могущественным и «грозным». На самом деле Святослав грозным не был: он владел только Киевом, деля свою власть с Рюриком, обладавшим остальными киевскими городами. Святослав был одним из слабейших князей, когда-либо княживших в Киеве.

Не следует думать, что перед нами обычная придворная лесть. Автор «Слова» выдвигает киевского князя в первые ряды русских князей потому только, что Киев все еще мыслится им как центр Русской земли — если не реальный, то, во всяком случае, идеальный. Он не видит возможности нового центра Руси на северо-востоке. Киевский князь для автора «Слова» — по-

---

<sup>116</sup> Лихачев Д.С. Слово о полку Игореве. - С.93

прежнему глава всех русских князей. Автор «Слова» видит в строгом и безусловном выполнении феодальных обязательств по отношению к слабеющему золотому киевскому столу одно из противоядий против феодальных усобиц, одно из средств сохранения единства Руси. Он наделяет Святослава идеальными свойствами главы русских князей: он «грозный» и «великий». Слово «великий», часто употреблявшееся по отношению к главному из князей, как раз в это время перешло в титул князей владимирских: название «великого князя» присвоил себе Всеволод Большое Гнездо, претендуя на старейшинство среди всех русских князей. Слово же «грозный» часто сопутствовало до XVII в. официальному титулованию старейших русских князей, хотя само в титул и не перешло (оно стало только прозвищем, при этом подчеркивающим положительные качества сильной власти, Ивана III и Ивана IV). Слово «гроза» как синоним силы и могущества княжеской власти часто употреблялось в XIII в. Для автора «Слова» «грозный» киевский князь — представление идеальное, а не реальное. При этом, что особенно интересно, для автора «Слова» дороги все притязания русских князей на Киев. Нет сомнения в том, что он считает Святослава, силу которого он гиперболизирует, законным киевским князем. И вместе с тем, игнорируя вотчинное право на Киев Святослава Всеволодовича, он пишет, обращаясь к Всеволоду Большое Гнездо - князю, принадлежавшему ко враждебной Ольговичу Святославу мономашьей линии русских князей: «Великий княже Всеволоде! Не мыслию ти прелетйти издалеча отня злата стола поблюсти? (то есть стола киевского!)... Аже бы ты былъ (в Киеве!), то была бы чага по ногате, а кощей по резане». В этом обращении к Всеволоду все неприемлемо для Святослава, и все обличает в авторе «Слова» человека, занимающего свою, независимую, а отнюдь не «придворную» позицию: титулование Всеволода «великим князем», признание киевского стола «отним» столом Всеволода и призыв прийти на юг<sup>117</sup>.

---

<sup>117</sup> Рыбаков Б.А. Указ. соч. – С.107

Всеволод, в отличие от своего отца Юрия Долгорукого, стремился утвердиться на северо-востоке, заменить гегемонию Киева гегемонией Владимира-Залесского, отказался от притязаний на Киев, пытаясь из своего Владимира-Залесского руководить делами Руси. Автору «Слова» эта позиция Всеволода казалась не общерусской, местной, замкнутой, а потому и опасной.

Аналогичным образом автору «Слова» казалась опасной узкоместная политика Ярослава Галицкого, и он подчеркивает его могущество, его власть над самим Киевом: «отворяеши Киеву врата»,— говорит он о Ярославе Галицком. Слова, казалось бы, несовместимые с представлениями о могуществе Святослава Киевского, слова невозможные в устах «придворного поэта» Ольговичей, но простые и понятные для человека, страдающего за Киев как за центр Русской земли, стремящегося привлечь к нему внимание замкнувшихся в местных интересах князей<sup>118</sup>.

Знание исторических явлений, происходивших в земле Галицкой и Владимиро-Суздальской, при этом поразительно. От автора «Слова» ускользнуло то, что стало ясным для позднейших историков. Он усмотрел опасность для единства Руси именно в том, что и владимирские, и галицкие князья перестали интересоваться Киевом как центром Руси.

Автор «Слова» не мог еще оторваться от представлений о Киеве как о единственном центре Руси. Да это вряд ли было бы возможно от него и требовать. Он страстный сторонник идеи единства Руси, но единство это он понимает в устоявшихся представлениях XII в. Он уже видит значение сильной княжеской власти, но еще стоит на позициях необходимости строго выполнять феодальные права, на которые опирались в своей борьбе не только сюзерены, но и вассалы. Однако в этих феодальных правах автор «Слова» уже подчеркивает подчиняющие линии: права сюзерена, а не

---

<sup>118</sup> Лихачев Д.С. Слово о полку Игореве: Ист.-лит. очерк/ Д.С. Лихачев. - М.; Л., Изд-во АН СССР, 1950 – С.282

вассала. Он уже видит и признает силу Владимиро-Суздальского князя, но еще предпочитает его видеть на юге — в Киеве, в традиционном центре Руси.

Из привычных представлений своего времени автор «Слова» берет те, которые нужны ему как стороннику идеи единства Руси. Выработка совершенно новых политических представлений была делом будущего. Автор «Слова о полку Игореве» — гениальный современник, он мыслит представлениями XII в., хотя и вкладывает в эти представления прогрессивное содержание.

Те же представления о Киеве как о центре Русской земли пронизывают собою все изложение «Слова». Поразительна, например, точность выбора выражений в характеристике последствий поражения Игоря: «а вьстона бо, братие, Киевъ туюю, а Черниговъ напастьми». Черниговская земля действительно подверглась «напастям», реальным несчастьям. Киев же и Киевщина непосредственному разорению не подверглись, «туга» - тоска, печаль - за всю Русскую землю распространялись здесь как в центре Руси; Киев страдает, следовательно, не собственными несчастьями, а несчастьями всей Русской земли<sup>119</sup>.

Роль Киева как центра Русской земли особенно отчетливо выступает в заключительной части «Слова о полку Игореве». Согласно летописи, Игорь по возвращении из плена в Новгород-Северский едет в Чернигов к Ярославу Святославичу, а затем уже из Чернигова отправляется в Киев к Святославу Всеволодовичу. «Слово о полку Игореве» не упоминает ни о его пребывании в Новгороде-Северском, ни о его пребывании в Чернигове: Игорь прямо едет в Киев к богородице Пирогощей. И в этом появлении Игоря прямо в Киеве у Святослава нельзя не усмотреть идейных устремлений автора «Слова»: Игорь — русский князь прежде всего, важно его возвращение в Киев, а не в Новгород-Северский. Славу ему поют не в Новгороде или Путивле, а на Дунае — в отдаленных русских поселениях, отрезанных от остальной Руси половцами, ибо радость по поводу его возвращения общерусская, а не какая-

---

<sup>119</sup> Зимин А.А. Указ. соч. – С.127

либо местная: «страны ради, гради весели». Пение этой славы достигает с Дуная Киева. Его возвращение встречает отклик во всех русских сердцах, даже и тех русских людей, которые были заброшены на крайний юго-запад русского мира. Но отклик находят киевские, то есть общерусские события, а не какие-либо местные. Это пение девиц на Дунае противостоит радости готских дев русскому поражению. Поражения или победы русских имеют всесветный отклик.

Итак, единство Русской земли мыслится автором «Слова» с центром в Киеве. Это единство возглавляется киевским князем, который представляется ему в чертах сильного и «грозного» князя.

Обращаясь с призывом к русским князьям встать на защиту Русской земли, автор «Слова» в разных князьях рисует собирательный образ сильного, могущественного князя — сильного войском («многовоего»), сильного судом («суды рядя до Дуная»), вселяющего страх пограничным с Русью странам («ты бо можеша Волгу веслы раскропити, а Донь шеломы выльяти»; «подперь горы угорские своими железными плъки, заступивъ королеви путь, затворивъ Дунаю ворота»), распространяющего свою власть на громадную территорию с центром в Киеве («аще бы ты былъ...» — на юге, а не в своем уделе), славного в других странах («ту немци и венедици, ту греци и моравя поють славу Святъславлю»).

Перед нами образ князя, воплощающего собой идею сильной княжеской власти. Эта идея княжеской власти, с помощью которой должно осуществиться единство Русской земли, только еще рождалась в XII в. Впоследствии этот же самый образ «грозного» великого князя создаст «Слово о погибели Русской земли». Он отразится в «Житии Александра Невского», в «Молении Даниила Заточника» и в других произведениях XIII в. Не будет только стоять за этим образом «грозного» великого князя Киева



как центра Руси. Перемещение центра Руси на северо-восток и падение значения киевского стола станет слишком явным.<sup>120</sup>

Однако автор «Слова» сумел заметить идею сильной княжеской власти в ее жизненном осуществлении на том самом северо-востоке Руси, чьих притязаний стать новым центром Русской земли он еще не хотел признавать.

Сильная княжеская власть едва только начинала возникать, ей еще предстояло развиться в будущем, однако автор «Слова» уже установил ее типичность, ее характерность, уловил в ней зерна будущего.

Конечно, идея сильной княжеской власти не слилась у автора «Слова» с идеей единовластия. Для этого еще не было реальной исторической почвы. Автор «Слова» видит своего сильного и могущественного русского великого князя действующим совместно со всеми остальными князьями, но в подчеркивании подчиняющихся линий феодальной власти нельзя не видеть некоторых намеков на идею единовластия киевского князя.

Таким образом, единство Руси мыслится автором «Слова» не в виде прекраснородушного идеала союзных отношений всех русских князей на основе их доброй воли и не в виде летописной идеи необходимости соблюдения добрых родственных отношений (все князья — «братья», «единого деда внуки»), и не в виде будущих идей единовластия, а в виде союза русских князей, на основе строгого выполнения феодальных обязательств по отношению к сильному и «грозному» киевскому князю.

Обращаясь с призывом к русским князьям встать на защиту Русской земли, автор «Слова» исходит из их реальных возможностей, оценивает те их качества, которые позволяют им быть действительно полезными в обороне Руси. И в данном случае автор «Слова» выступает как реальный политик. По существу, в «Слове» дан целый очерк современного автору политического состояния Руси.<sup>121</sup>

---

<sup>120</sup> Лихачев Д.С. Слово о полку Игореве: Ист.-лит. очерк./ Д.С. Лихачев. - М.; Л., Изд-во АН СССР, 1950 – С.277

<sup>121</sup> Лихачев Д.С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. - С.98

Поэтический гений автора "Слова" питался книжной литературой его времени - оригинальной и переводной - и, видимо, еще больше устной народной поэзией. Нет оснований богатейшую устно-поэтическую стихию "Слова" ограничивать узкими рамками специально дружинной среды, основываясь только на том, что сам автор был дружинником. Мы не имеем никаких данных для того, чтобы утверждать наличие специфически дружинных особенностей эпического или песенного устного творчества, специфически дружинной поэтики, отличной от поэтики, характерной для творчества крестьянства. И это тем более, что нельзя говорить о том, что культурный, а следовательно и литературный, уровень дружины в целом, как и вообще привилегированных слоев древней Руси, был резко отличен от соответствующего уровня крестьянской массы. К тому же дружина не представляла собой вполне замкнутого социального слоя; выходцы из холопов и крестьян попадали не только в младшую дружину, что было явлением довольно обычным, но иногда и в старшую; Владимир киевский произвел в старшие дружинники юношу из скорняков, в единоборстве победившего печенежского богатыря.

"Слово о полку Игореве" привлекает нас тем, что глубокое идейное его содержание гармонически воплотилось в изумительной поэтической форме, какой мы не встретим ни в одном памятнике старинного славянского эпоса. Богатство образно-символических элементов - отличительная черта "Слова". Поэтическое олицетворение, сравнение, параллелизмы - все это в изобилии находим мы в нем. Важнейшей его особенностью, обусловившей богатство его поэтических красок, является неразрывная связь в нем мира природы и мира человека. Природа принимает здесь самое активное - дружеское или враждебное - участие во всех происходящих событиях; животные и растения, земные и небесные стихии очень живо отзываются как на горе, так и на радость Игоря, его войска и всех тех, о ком упоминается в "Слове". Мрачными предзнаменованиями природа сопровождает сборы Игоря в поход

и самый поход, и с радостным возбуждением она помогает ему во время его бегства из плена<sup>122</sup>.

Обильные и богатые эпитеты и сравнения "Слова" - сплошь из мира природы. Боян - соловей, Всеволод - буй-тур, "поганый" половчанин - черный ворон. Боян растекается серым волком по земле, сизым орлом под облаками. С серым волком сравниваются также князья, дружина, половецкий хан Кончак. Ярославна сравнивается с кукушкой, Игорь - с горностаем, с белым гоголем, Всеслав - с лютым зверем, половцы - с барсовым гнездом. Вещие персты Бояна, которые он возлагает на живые струны, чтобы петь песню во славу князей, сравниваются с десятью соколами, пущенными охотником на стаю лебедей, кричащие телеги - также со вспугнутой лебединой стаей. Органическим созвучием между автором "Слова" и стихийными силами природы объясняется присутствие в памятнике языческих богов. Не нужно думать, что введение в "Слово" богов языческого Олимпа является литературным упражнением, которым автор занимается наподобие поэтов XVIII в., обычно упоминавших имена классических богов; нет основания и полагать, чтобы он верил в них, как верили его языческие предки. Вернее думать, что он настолько был во власти поэтической стихии, что, несмотря на свою связь с христианством, не мог и не хотел уйти от той системы мироощущения, которая подсказывалась ему язычеством и которая была еще очень сильна в ту пору среди широких масс. Не следует забывать, что тогда еще живо было так называемое двоеверие, являвшееся источником поэтического восприятия природы для таких одаренных людей, каким был автор "Слова".<sup>123</sup>

В связи с общим характером поэтического стиля "Слова" находится его разнообразная, красочная символика, его метафорический язык, богатство его эпитетов. Все это также обусловлено было воздействием на

---

<sup>122</sup> Зимин А.А. Указ. соч. – С.131

<sup>123</sup> Зализняк А.А. Указ.соч. – С.126

автора традиции не только книжной, но и в большей мере устно-поэтической, народной.

Художественные средства поэтической речи автор "Слова" использовал так, что придал своему произведению глубокую лирическую взволнованность и большое эмоциональное напряжение, то и дело высказывая свое субъективное отношение к событиям и лицам, принимавшим в событиях участие. Это делает "Слово" памятником насквозь публицистическим, агитационным, призывающим к действию, к борьбе за определенные политические идеалы - в данном случае за сплочение всех русских сил против степных кочевников, разорявших Русскую землю и угрожавших ей непрестанно неожиданными губительными нашествиями. Автор с большой страстью и с подлинной гражданской скорбью рисует картины несчастий родной земли, происходящих от княжеских усобиц и всяческих неурядиц, сокращающих человеческий век, губящих жизнь "даждь-божья внука", русского народа. Призыв постоять "за землю Русскую", забыв личные счета и личные временные эгоистические выгоды, звучит у нашего автора значительно энергичнее и убедительнее, чем он звучит даже у древнего летописца, также стоящего на страже интересов Русской земли в ее целом. По высоте основной идеи, проникающей "Слово", оно является сугубо прогрессивным для своего времени литературным памятником, ярко обнаружившим силу национального самосознания наиболее передовых людей Киевской Руси, стремившихся направить движение истории по пути, объективно полезному для судеб всего русского народа<sup>124</sup>.

Велика и познавательная ценность "Слова". Оно дает живую и очень правдивую картину феодальной обстановки старой Руси, как эта обстановка сказалась преимущественно в междукняжеских взаимоотношениях, а также во взаимоотношениях князя и дружины. Ни один памятник старой русской

---

<sup>124</sup> Лихачев Д.С. Слово о полку Игореве: Ист.-лит. очерк./ Д.С. Лихачев. - М.; Л., Изд-во АН СССР, 1950 - С.282

литературы не рисует нам так сконцентрированно рыцарского уклада Киевской Руси, как это делает "Слово". Игорь и Всеволод выступают в нем в качестве воинов, для которых честь и слава являются главными двигателями их поведения. Игорь обращается к своей дружине со словами: "Братья и дружила! Лучше пасть в бою, чем быть в плену. Я хочу сломить копьё в конце поля половецкого, хочу с вами, русские, либо голову сложить, либо напиться шлемом из Дона". По словам Святослава киевского, сердца обоих братьев "скованы из крепкого булата и в отваге закалены". Рыцарская храбрость, воинская доблесть отличают Игоря, еще больше - его брата буй-тура Всеволода, который, стоя в передовом отряде, прыщет на врагов стрелами, гремит о шлемы мечами булатными. Рыцарями-храбрецами выступают в "Слове" также князь Борис Вячеславович, Всеслав полоцкий, Роман владимиристо-волинский. Княжеская дружина тоже помышляет о том, чтобы добыть себе честь и князю славу. О своей дружине Всеволод отзывается так: "мои куряне - испытанные воины; они под трубами повиты, под шлемами взлелеяны, с конца копья вскормлены. Пути им ведомы, овраги им знакомы, луки у них напряжены, колчаны отворены, сабли заострены; сами скачут, как серые волки, ища себе чести, а князю - славы". Обращаясь к князьям Рюрику и Давиду, Святослав говорит: "Не у вас ли храбрая дружина рыкает, как туры, раненные саблями закаленными в поле неизвестном?"

В "Слове" присутствует один из замечательнейших в мировой литературе образов - тоскующей жены Игоря Ярославны, кукушкой причитающей на стенах Путивля по своему ладе, заклинающей стихии природы вернуть ее мужа и силою все преодолевающей и побеждающей любви помогающей ему счастливо бежать из плена на родину. Мимоходом, но с большим лирическим подъемом изображает "Слово" и горе матери, плачущей по своему утонувшему сыну Ростиславу и заражающей своей скорбью цветы и деревья.<sup>125</sup>

---

<sup>125</sup> Лихачев Д.С. Слово о полку Игореве. - С.243

Знакомство со «Словом» отчетливо обнаруживается во всем последующем развитии древней русской литературы. Так, например, в псковском Апостоле 1307 г., хранящемся в Государственном историческом музее в Москве (Апостол - это одна из богослужебных книг), читается следующая приписка, сделанная переписчиком на последнем листе рукописи: «Сего же лета бысть бой на Русьской земли Михаил с Юрьем о княжене новгородское. При сих князех... сеяшется и ростяше усобицами, гыняше жизнь наша, в князех которы (свары), и вечи скоротишася человеком». Приписка эта во второй половине представляет собой переделку следующего места из «Слова»: «Тогда при Олзе Гориславличи сеяшется и растяшеть усобицами, погибашеть жизнь Дажьбожа внука; въ княжихъ крамолахъ вечи человекомъ скратишась».

В самом начале XV в. «Слово» послужило литературным образцом для создания «Задонщины». «Задонщина» — это небольшое поэтическое произведение, посвященное прославлению победы Дмитрия Донского на Куликовом поле, «за Доном». «Задонщина» ведет это прославление, пользуясь образами «Слова о полку Игореве», противопоставляя печальное прошлое радости победы. Правда, автор «Задонщины» не всюду понял «Слово», искажил и ослабил многие его художественные образы. Так, например, в «Слове о полку Игореве» Днепр пробивает «каменные горы», то есть пороги; в «Задонщине» это отнесено к Дону, там Дон также пробивает каменные горы; но течение Дона не встречает на своем пути ни порогов, ни гор.

Через «Задонщину», а в одном случае и непосредственно «Слово» оказало влияние и на другое произведение о Донской битве — на так называемое «Сказание о Мамаевом побоище» (на его так называемый «печатный» вариант).

В XVI в. «Слово», без сомнения, переписывалось в Пскове или в Новгороде (сгоревшая в пожаре 1812 г. рукопись «Слова» именно этого происхождения).

Таким образом, необходимо отметить, что «Слово о полку Игореве» время от времени давало о себе знать в различных областях Руси. Его читали и переписывали, в нем искали вдохновения для собственных произведений. Созданное на юге Руси, «Слово» незатерялось на границе дикого поля; оно обошло весь горизонт русской территории, не раз пересекло его окружность»<sup>126</sup>.

С 1950 г. Д. С. Лихачеву принадлежит одно из ведущих мест среди исследователей "Слова о полку Игореве". Итоги нескольких лет работы над "Словом" нашли свое отражение в книге "Слово о полку Игореве", изданной в "юбилейном" для "Слова" 1950 г. в серии "Литературные памятники"<sup>127</sup>. Пересмотр ряда вопросов, связанных с первым изданием "Слова о полку Игореве", определил в этой новой книге сам способ издания текста, истолкования "темных" мест его, раскрытие ритмического строя "Слова", а также перевод текста на современный литературный язык, ставящий себе целью воспроизвести ритм подлинника.

#### **2.4. Становление научной школы Д.С. Лихачева и его последователи**

Из всех своих специальных работ Д.С. Лихачев особо выделял исследования по текстологии, считая их наиболее важными для науки. Результаты теоретической и практической деятельности ученого в области текстологии столь весомы, что уместно говорить о текстологической школе Д.С. Лихачева. Его «Текстология» стала настольной книгой и программой действий для многих исследователей литературы, истории и культуры не только средневековья, но и Нового времени.

«Текстология» Д.С. Лихачева дала мощный толчок практической работе по изучению истории текста многих литературных памятников

---

<sup>126</sup> Рыбаков Б.А. Указ. соч. – С.112

<sup>127</sup> Лихачев Д.С. Слово о полку Игореве: Ист.-лит. очерк/ Д.С. Лихачев. - М.; Л., Изд-во АН СССР, 1950 – С.242

русского средневековья и их научной публикации. Правилom стало объединение в одном исследовании текста памятника, его текстологического анализа и литературоведческой интерпретации. Такое соединение характерно для серии монографических исследований-изданий памятников древнерусской литературы. Достигнуты значительные результаты в освоении все новых и новых малоизученных произведений и жанров, таких, например, как жития и хронографы.

Принципы и приемы текстологического анализа нашли применение в языкознании, где сложилось лингвотекстологическое направление. Полученные с помощью текстологической методики данные позволяют обнаружить в тексте разновременные напластования языковых явлений, они служат надежным источником для исторической фонетики и грамматики, способствуют решению сложнейших проблем формирования древнерусского литературного языка. Основывающийся на концепции Д.С. Лихачева лингвотекстологический анализ имеет также значение для исторической лексикологии и лексикографии, изучения славяно-русских словарей средневековья разных типов. Текстологическая методика позволяет успешно работать над труднейшими вопросами развития славянских языков и их взаимодействия. Она используется при изучении, например, такого сложного вопроса, как «второе южнославянское влияние» в истории русского литературного языка. Представление о действительных масштабах этого влияния дают правленные редакции многих богослужебных книг и книг Священного Писания, которые принесли с собой на Русь новые черты, характерные для болгарской и сербской письменности позднего средневековья<sup>128</sup>.

Сфера применения методики текстологического исследования не ограничивается теперь литературоведением, источниковедением, языкознанием. Ее используют также фольклористы. В последние десятилетия

---

<sup>128</sup> Лихачев Д.С. Текстология: на материале русской литературы X–XVII вв./ Д.С. Лихачев. - М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – С.154



происходит становление и музыкальной текстологии – на материале певческих рукописей Древней Руси. Развитие ее имеет перспективное значение для изучения истории древнерусской музыкальной культуры. Текстологические наблюдения позволяют судить о жизни распева во времени, классифицировать варианты распева на один и тот же текст, разбираться в авторских и местных распевах-вариантах подобно тому, как поступают литературоведы, изучая историю текста памятника, его редакции и виды.

Справедливости ради следует сказать, что многие постулаты и методы лихачевской «Текстологии» апробировались в работах прямых его учеников, в первую очередь, в работах Р. П. Дмитриевой. В годы, современные созданию «Текстологии», в Отделе древнерусской литературы Пушкинского Дома стала выходить специальная книжная серия монографических исследований-изданий литературных памятников, в основу которых были положены принципы «Текстологии» Лихачева. И в отдельных трудах таких представителей петербургской школы медиевистики, как Л. А. Дмитриев, О. В. Творогов, Я. С. Лурье, А. М. Панченко и других, принципы лихачевской текстологии лежат в основе исследования. Как лежат они в основе всякой представляющей эту школу работы, будь она проделана в Петербурге, Москве, Пскове, Новосибирске, Софии.

Сорок пять лет – с 1954 до конца своей жизни – Д.С. Лихачев возглавлял Отдел древнерусской литературы. Вместе с В.П. Адриановой-Перетц они подобрали основной состав тех видных ученых, который определял вместе с ними самими лицо Сектора древнерусской литературы. В эту «эпоху» Отдел древнерусской литературы сделался признанным мировым центром по изучению литературы Древней Руси. Лихачев привел сюда целую когорту своих учеников и соратников: Р. П. и Л. А. Дмитриевых, М. А. Салмину, Я. С. Лурье, О. В. Творогова, Н. Ф. Дробленкову. Позже, в аспирантуру Отдела по личному приглашению Лихачева поступят А. М. Панченко, Г. М. Прохоров, М. В. Рождественская, Л. И. Сазонова, Н. В.

Понырко, Д. М. Буланин. Самым большим достижением дореволюционного литературоведения было развитие исключительно источниковедения. Теорию и историю жанров древнерусской литературы, теорию и историю стилистики, поэтику, текстологию пришлось создавать впервые именно этому коллективу, и в первую очередь самому Д. С. Лихачеву<sup>129</sup>.

Можно сказать, что Д.С. Лихачев, создавая свою – в широком смысле – научную школу, продолжил в определенной форме традиции, идущие от знаменитого филологического семинария академика В.Н. Перетца, живым хранителем которых в Секторе была предшественница Дмитрия Сергеевича на посту заведующего В.П. Адрианова-Перетц. Он был также активным сторонником создания секторов древнерусской литературы в Москве и Новосибирске.

Ученый был инициатором, вдохновителем, организатором многих крупных научных и издательских проектов, как ориентированных на специалистов, так и на гораздо более широкий круг читателей. «Наш Сектор, – писал Д.С. еще в июне 1957 г., – претендует защищать всю древнерусскую культуру, пропагандировать ее и пр. Мы считаем, что Сектор наш должен иметь не только научное лицо, но и общественное». Накануне IV Международного съезда славистов в Москве Д.С. старался претворить в жизнь также некоторые свои организационные идеи. Так, 27 июля 1958 г. он писал: «Хочу выступить с предложением создать Комиссию по истории русской культуры (для координации исследований историков, литературоведов и лингвистов по рукописям и пр., а также для составления фундаментальных, обобщающих трудов по истории русской культуры – для продолжения истории культуры древней Руси и пр.)». Через два дня, 29 июля, он вновь обратился к той же идее: «Написал статью в Вестник АН, где доказываю необходимость создания координационной Комиссии по истории

---

<sup>129</sup> Дмитрий Лихачев и его эпоха: Воспоминания. Эссе. Документы. Фотографии. - СПб.: Logos, 2002. – С .196

русской культуры (ядро будущего Института истории русской культуры)»<sup>130</sup>. Не всем задуманным Д.С. проектам суждено было осуществиться, но даже само их обсуждение продвигало вперед изучение и популяризацию русской культуры.

Лучшие специалисты были привлечены для выполнения задуманных проектов, среди которых – многотомный «Словарь книжников и книжности Древней Руси». Исключительно в своем роде и двенадцатитомное издание «Памятников литературы Древней Руси», представившее в рамках единой серии наиболее значительные произведения древнерусской литературы во всем многообразии ее жанров.

В 70-е годы Отдел Лихачева в Пушкинском Доме состоит из когорты выдающихся исследователей, чьи докторские диссертации издаются вскоре отдельными книгами: Я. С. Лурье – о русском летописании, О. В. Творогов – о русской хронографии, Л. А. Дмитриев – о северно-русских житиях, А. М. Панченко – о русской стихотворной культуре XVII века, Г. М. Прохоров – о византийско-русских отношениях периода Куликовской битвы. Темы книг дают представление о сформировавшихся к тому времени научных направлениях Отдела.

Но научные направления Отдела Лихачева в то время – это не только то, чем занимаются исключительно его сотрудники. Здесь нельзя не упомянуть так называемых «научных сред» Отдела, тех научных заседаний, которые с 1947 г. до сегодняшнего дня еженедельно проходят в отделе в 14 часов по средам с обсуждением докладов сотрудников и гостей Сектора. Дмитрий Сергеевич умел делать из этих еженедельных сред маленькие научные симпозиумы, на которые собирались, в сущности, все медиевисты Петербурга, плюс приезжавшие на недолгий срок зарубежные слависты, плюс «древники» из Москвы и Новосибирска, плюс студенты

---

<sup>130</sup> Лихачев Д.С. Я вспоминаю./ Д.С. Лихачев. - М.: Прогресс, 1991. – С.122

Петербургского Университета<sup>131</sup>. Здесь происходило представление всех возможных направлений русской медиевистики: от первых работ С. С. Аверинцева по ранневизантийской поэтике до проблем исследования древнерусского знаменного роспева, в изучении которого делали первые шаги ученики М. В. Бражникова; от вопросов древнерусской лексикографии XV—XVI вв. (Л. С. Ковтун) до проблем воплощения литературного текста в изобразительном искусстве Древней руси на примере отражения Акафиста Богородице во фресках Ферапонтова монастыря (Т. Н. Михельсон) и т. д.

Лихачев брал под свое крыло как бы всю русскую медиевистику. Он неизменно председательствовал на этих средах. И самой большой школой здесь была не только возникавшая вокруг представленного доклада научная дискуссия, но и обязательное выступление самого Дмитрия Сергеевича, завершавшее дискуссию. Когда брал слово Дмитрий Сергеевич, это всегда был, в сущности, еще один, маленький, доклад после большого. У него был принцип: никогда не «ругать» начинающих ученых (ведь на средах звучали доклады и студентов, и аспирантов, и просто новых исследователей, впервые представляющих свои труды большой аудитории). Каким бы слабым ни оказался сделанный доклад, Дмитрий Сергеевич всегда находил способ похвалить человека, хотя бы за избранную тему, — а затем начинал говорить о том, как надо было бы эту тему исследовать, какой источниковедческий материал в этом случае играет роль, какую литературу следует знать автору; или же — о том, как следует строить научное выступление, если неудача заключалась лишь в неумении представить проделанную работу; говорил так, что неудача молодого докладчика как бы оставалась за скобками.

С опытными специалистами он мог спорить, опровергать их мнение и выводы, иногда и весьма резко, но всегда — в корректной форме. И эта форма академически строгой, взыскательной и благородной дискуссии с

---

<sup>131</sup> Ендольцев Ю.А. Д.С. Лихачев и Петербургский университет [Текст]. / Ю.А. Ендольцев. // Нева. - 2006. - № 1. - С. 232

придерживающимся противоположных взглядов оппонентом стала хорошей наукой, которую он оставил своим ученикам.

Таким образом, необходимо отметить, что Д.С. Лихачев удалось сформировать свою научную школу, которую составляют как непосредственно его ученики, которых увлекли его идеи и взгляды, так и ученые, которые приняли его методологию и разделили его подходы к изучению древнерусской литературы. Лихачев участвовал в создании и руководил деятельностью секторов древнерусской литературы, а также проводил в своем отделе так называемые «научные среды». Именно в рамках этой деятельности и происходило распространение его научных взглядов и формирование особого направления в исследованиях древнерусской литературы.

## **Глава III. Вклад ученого в развитие исторического краеведения в России.**

### **3.1. Работа академика в семинарах и конференциях, посвященных краеведению в России**

Заметное место в обширном творческом наследии Дмитрия Сергеевича Лихачева занимают труды по краеведению, посвященные преимущественно Петербургу. Это, думается, неслучайно. Дмитрий Сергеевич неоднократно подчеркивал важность краеведения, причем не только в научном, познавательном, но и в воспитательном плане. Нельзя не упомянуть также о том, что годы учебы Дмитрия Сергеевича и начало его исследовательской деятельности совпадают с расцветом в России краеведческой науки.

В 1923 году Д. С. Лихачев поступил в Петроградский государственный университет, а в 1922 году было создано Центральное бюро краеведения (ЦБК) , которое располагалось в Петрограде и руководило целой сетью местных организаций в различных городах страны. Главные цели краеведения четко сформулировал член ЦБК И. М. Гревс, историк-медиевист и автор замечательных книг о Петербурге: «Краеведение - один из самых действенных органов развития просвещения в широких массах, это дело вызывает интерес, труд и вдохновение, оно поднимает и организует силы». Об огромной воспитательной роли науки писал впоследствии и Д. С. Лихачев<sup>132</sup>.

В судьбе молодого Лихачева и петроградского краеведения есть еще одно очень печальное и явно неслучайное совпадение. В феврале 1928 года Д. С. Лихачев был арестован по делу «Космической академии наук» . В 1929 году начались «чистки» в ЦКБ, которые затем разрослись в целое «Дело краеведов» . Подверглись арестам многие замечательные ученые, в том числе

---

<sup>132</sup> Лихачев Д.С. Заметки и наблюдения: Из записных книжек разных лет./ Д.С. Лихачев. - Л.: Сов. писатель, 1989. – С.264.

Н. П. Анциферов, автор книги «Душа Петербурга» . Это было время, о котором сам Д. Лихачев вспоминал так: «Страна погрузилась в молчание, - только однотонные восхваления, скука смертная, - именно смертная, ибо установление единогласия и единоначалия было равно смертной казни для культуры и для людей культуры». Разумеется, в условиях «единогласия» и «единоначалия» краеведение в том виде, в котором его понимали И. М. Гревс или Н. П. Анциферов, было не нужно.

К счастью, российское краеведение не только пережило годы репрессий, хотя и потеряло много прекрасных представителей. Ученые-краеведы активно использовали методы комплексного или, как говорили в 1920-е годы, «целокупного» изучения городов и регионов России. Этот подход в полной мере присущ и краеведческим трудам Д. С. Лихачева. Они вовсе не являются чем-то узко-региональным, тем более провинциальным. На примере Петербурга или его пригородов, дворцов или парков точно и скрупулезно раскрываются важные закономерности истории отечественной культуры. «Петербург кажется гигантской театральной сценой, - писал ученый, - «постановочным пространством» для самых больших исторических трагедий, а иногда и комедийных импровизаций»<sup>133</sup>.

Внимание Дмитрия Сергеевича к краеведению, истории и культуре отдельных городов, уверенность в неповторимости каждого культурного объекта неизбежно диктовали требование бережного к ним отношения. И здесь суждения Лихачева звучат необыкновенно актуально. Приведем лишь один пример: «Градостроители не имеют права распоряжаться только по своему усмотрению историческими зданиями и историческими городами — они принадлежат всему народу, в том числе и будущим поколениям». Эти слова очень хорошо помнить бы и сегодня создателям «небоскребов» , «хрустальных призм» и «золотых башен» . Краеведческие труды Д. С. Лихачева направлены на формирование внимания к истории Петербурга и его пригородов как к совершенно особому культурному феномену.

---

<sup>133</sup> Лихачев Д.С. Земля родная./ Д.С. Лихачев. - М., Просвещение, 1983. – С.64

Таким образом, необходимо отметить, что Д.С. Лихачев уделял большое внимание краеведению и считал его очень важным направлением в изучении прошлого страны. Он считал, что краеведение «оживляет» историю, делает ее более близкой для читателей, людей которые не имеют специального образования и специальной подготовки. Академик сам писал краеведческие работы, а также принимал участие в различного рода краеведческих семинарах. Кроме того он нередко высказывал свое мнение по поводу отдельных спорных вопросов в краеведческих исследованиях в различных регионах.

### **3.2. Деятельность академика в определении даты происхождения Белгорода**

Круг рассматриваемых вопросов белгородской истории крайне обширен. История населенного пункта, как известно, начинает рассматриваться с момента его непосредственного основания. Применимо к Белгороду вопрос датировки основания является достаточно дискуссионным. Попробуем разобраться в чем же заключается данная дискуссионность.

14.03.1995 г. правительством РФ было выпущено постановление №246, подписанное премьер-министром В.С.Черномырдиным. Касалось оно административного центра Белгородской области и носило название «О праздновании 1000-летия основания города Белгорода». В этом же году при содействии белгородских властей данное постановление было выполнено, и «город первого салюта» отметил свой тысячелетний юбилей. В российских исторических кругах данное событие вызвало неоднозначную реакцию. Особенно удивил многих тот факт, что двумя годами ранее, в 1993 г., Белгород отмечал уже свой юбилей - 400-летний. Автором подобной ситуации стал белгородский краевед Ю.Н. Шмелев.

Ю.Н. Шмелев – уроженец Белгорода, участник Великой Отечественной войны, заслуженный работник культуры РФ, Почетный гражданин города



Белгорода. Последнее звание было присвоено ему в 1990 г. за энергичную деятельность по изучению истории своей малой Родины, и за то, что в 1980-е гг. он являлся одним из инициаторов создания в Белгороде музея-диорамы «Огненная дуга».

Что касается краеведческих изысканий, то можно сказать, что он краевед-самоучка, не имеющий исторического образования и добывавший свой опыт во время скрупулезной работы в архивах и библиотеках российских (Москва, Санкт-Петербург, Воронеж, Курск) и украинских (Киев, Харьков) городов, а также в ходе консультаций с видными отечественными историками. Сведения, собранные им и, по его мнению, свидетельствующие о тысячелетии Белгорода, содержатся в книге «Тайны белгородского треугольника или страницы из трех тысячелетий истории руссов». Опубликовано данное издание было в Москве в 1995 г. тиражом в 5000 экземпляров<sup>134</sup>.

Теперь же необходимо непосредственно коснуться доводов, выдвигаемых краеведом для «состаривания» административного центра Белгородчины. Прежде всего, исследователь обратил свой взор на древнерусские летописи. Так, в тексте «Повести временных лет» (по Ипатьевскому списку) особое внимание им было обращено на следующее предложение: «В лето 6500 (993) Володимеръ заложи град Белъ и наруби в иъ от инехъ градъ и много людей сведе в онъ; и бе бо любя городъ ось». Здесь говорится об основании в 993г. князем Владимиром I Святославовичем «града Бел». И именно этот «град Бел» Ю.Н. Шмелев идентифицирует с современным Белгородом. Однако краевед считает, что слова о любви Владимира к этому населенному пункту относятся не к Белгороду на реке Северский Донец, а к городу Белгороду на реке Ирпени близ Киева. Юрий Николаевич пишет, что летописец писал эти сведения со слов дружинников, которые припоминали о существовании в Белгороде гарема князя Владимира

---

<sup>134</sup> Шмелев Ю.Н. Тайны Белгородского треугольника или страницы жизни из трех тысячелетий истории руссов./ Ю.Н. Шмелев. - М.: Белгородское областное историко-родословное общество, 1995. – 304 с.

из трехсот наложниц. Автор летописи, тем самым, перепутал два города и приписал строки об особой любви центру нынешней Белгородчины<sup>135</sup>.

Доказательство существования Белгорода в X в. Ю.Н.Шмелев позаимствовал и из записок арабских путешественников. Он определил, что со времени путешествий ал-Джейхани, жившего на рубеже IX-X вв., путь из столицы средневекового государства Волжская Булгария –Булгара до столицы Руси –Киева делили на два больших участка: восточный (булгарско-мордовский) и западный (русский). Пристальный взгляд Юрия Николаевича был обращен на западный участок, а именно на его промежуточные станции. Так, первая станция была расположена на расстоянии 75 км от Киева, а пятая станция, по его мнению, находилась у Белогорья. Шестой станцией являлся населенный пункт, находящийся на месте нынешней Обояни Курской области и удаленный от пятой станции на 78 км. Справка из дорожного управления автодороги Москва –Харьков, выданная в 1993г. для нужд РАН и использованная Ю.Н. Шмелевым в качестве еще одного источника, свидетельствует, что расстояние от Белгорода до Обояни составляет как раз 78 км. Тем самым, краевед полагал, что под пятой станцией скрывается именно административный центр Белгородской области<sup>136</sup>.

Интересны также размышления Юрия Николаевича о том, что Белгород был основан на месте города-крепости Саркел, находящегося на территории Хазарского каганата. В 965г. в ходе победоносного похода древнерусского князя Святослава Игоревича против хазар данный укрепленный пункт был разрушен. В своих рассуждениях краевед опирается на сведения византийского императора-историка Константина Багрянородного, утверждавшего, что «Саркел» переводится как «белый город», а река Танаис, на которой он располагался –это Северский Донец. Описание Саркела как населенного пункта, расположенного на мысу и

---

<sup>135</sup> Там же. - С.88

<sup>136</sup> Там же. – с.114

окруженного излучиной реки и рвом, по мысли Ю.Н.Шмелева, совпадает с описанием Белгородской крепости, составленным во второй половине XVIIIв. путешественником-исследователем В.Ф.Зуевыми помещенным им в своих «Путешественных записках от Санкт-Петербурга до Херсона в 1781-1782 году». Делается белгородским исследователем ссылка и на В.Н.Татищева, который в «Лексиконе Российском историческом, географическом и гражданском» писал, что Саркел –город на Донце, построенный греками по просьбе хазар, на том месте, где впоследствии в 1593 г. «Бел Город русский» построен был<sup>137</sup>.

Однако в работе «Белгородский кремль» ясно показана несостоятельность данной теории. Авторы указывают, что Белгород на Северском Донце один из сравнительно молодых городов Черноземья, основанный в конце XVI в. как пограничная крепость на пути татарских набегов<sup>138</sup>.

Ряд критических замечаний в отношении выводов Ю.Н.Шмелева высказал в 1997г. в письме в редакцию журнала «Отечественная история» работник Российской Национальной библиотеки имени А.И.Герцена (Санкт-Петербург), ведущий научный сотрудник, кандидат исторических наук, специалист по исторической регионалистике Алексей Игоревич Раздорский. В своей работе исследователь доказывает ошибочность представлений о расположении на месте современного Белгорода хазарского Саркела. Он отмечает, что Ю.Н. Шмелев приводит для обоснования своего тезиса мнения некоторых историков и географов XVIII в., умолчав об имевшейся противоположной точке зрения, приверженцем которой являлся Н.М.Карамзин. Согласно его представлению, Саркел располагался на нижнем Дону, но никак не на Северском Донце. А.И.Раздорский отмечает необоснованность доводов о схожести географического описания обоих пунктов в письменных источниках. Алексей Игоревич обращает внимание и

---

<sup>137</sup> Там же. – С.186

<sup>138</sup> Ильин А.И., Лимаров А.И. Белгородский кремль / А.И. Ильин, А.И. Лимаров. – Харьков, 2000. - С.3

на отсутствие археологических свидетельств пребывания хазар на территории Белгорода. Важно отметить, что о нахождении хазарского города именно в нижнем течении Дона высказывались такие корифеи отечественной археологии, как С.А.Плетнева и М.И.Артамонов.

Обращаясь к вопросу о соотношении современного Белгорода с летописным «градом Бел» Ипатьевского списка «ПВЛ», А.И.Раздорский опровергает тезис о том, что летописец перепутал два разных города. Он отмечает, что перепутал факты скорее Ю.Н.Шмелев, и в различных списках летописи речь идет об одном и том же городе. Эту версию убедительно подтверждают археологические раскопки в селище Белгородка, расположенном недалеко от Киева<sup>139</sup>.

Не выдерживает критики, по словам исследователя, и обращение Юрия Николаевича к сообщениям арабских путешественников о пути из Булгара в Киев. А.И.Раздорский пишет, что в одной из книг советского историка Б.А.Рыбакова Белогорье как перевалочная станция действительно упоминается, и находилась она в 78 км от Обояни. Но точное ее расположение –это не Белгородская область, а Сумская область Украины. А.И.Раздорский доказывает, что в тамошнем селе Мирополье были обнаружены некоторые предметы из Прикамья, а в Белгороде в ходе археологических раскопок 1950-х гг. подобных материальных свидетельств выявлено не было<sup>140</sup>.

Заочный спор между А.И.Раздорским и Ю.Н.Шмелевым является дискуссией между профессиональным историком и краеведом-любителем. Необходимо отметить, что доводы Юрия Николаевича имели поддержку среди ряда исследователей. О том, что считать датой основания Белгорода 993г. есть все основания, писал Д.С.Лихачев. В конечном счете, доводы белгородского краеведа были одобрены Отделением истории РАН, замглавы которого и предложил отметить в 1995г. тысячелетний юбилей города. Среди

---

<sup>139</sup> Раздорский А.И. Письмо в редакцию по поводу «1000-летия» г. Белгорода./ А.И. Раздорский // Отечественная история. 1997. №5. С. 194

<sup>140</sup> Там же. - С. 197

местных авторов такой точки зрения придерживаются В.В.Овчинников и И.Г.Пархоменко.

По традиции, идущей от Н.М.Карамзина, исследователи датировали основание города Белгорода 1593г. Этой же датировки придерживались авторитетные историки XIXв. Д.И.Багалея и И.Н.Миклашевский. В основе выводов этих авторов лежали сведения Нового летописца (первая треть XVIIв.) и делопроизводственные материалы Московского государства конца XVII –начала XVIII вв., прежде всего, сведения разрядных книг. Новый летописец указывает, что запись «О создании украинских городов», в которой упоминается об основании Белгорода, Валук и Оскола, помещена между сообщениями, которые можно отнести только к 1593г. Частично подтверждали эту дату и сведения разрядных книг. Именно исходя из этих соображений, белгородскими властями в 1893г. было отпраздновано 300-летие города<sup>141</sup>.

С открытием новых источников в 1950-х гг. стало ясно, что истинная картина была более сложной. Сведения в разрядных книгах различной редакции существенно разнятся, более поздние версии часто содержали ошибки (например, датировка основания города 1597г. или неточности в Разрядной книге 1475-1598гг., отмеченные А.Г.Дьяченко). Историки А.А.Зимин и В.Г.Загоровский на основе сведений ранее неизвестной разрядной книги указали на дату 1596г.

Необходимо отметить, что Д.С. Лихачев занял в данном вопросе крайне взвешенную позицию. Он писал о том, что версия, предложенная Ю.Н. Шмелевым, имеет право на существование, поскольку им приведены серьезные, заслуживающие внимания, доказательства, да и подобные случаи с изменением даты основания города нередки. С другой стороны, он отмечал, что необходимо тщательное и всестороннее изучение данного вопроса, прежде чем можно будет делать серьезные выводы.

---

<sup>141</sup> Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII-XIII вв. / Б.А. Рыбаков. - М.: Наука, 1993. – С.118

## Заключение

Подводя итоги исследования научно-исследовательской деятельности Д.С. Лихачева и его вклада развитие истории и источниковедения Древней Руси, мы пришли к следующим выводам.

Научная биография академика Дмитрия Сергеевича Лихачева началась еще в студенческие годы. Он занимался одновременно в двух секциях отделения языкознания и литературы факультета общественных наук Ленинградского государственного университета: романо-германской (по специальности английская литература) и славяно-русской. Участие Д. С. в "Некрасовском семинаре" одного из крупнейших исследователей творчества Н. А. Некрасова профессора В. Е. Евгеньева-Максимова послужило импульсом к углубленному изучению первоисточников, что определило весь его дальнейший путь в науке.

Расширяя сферу своих наблюдений над историей летописания, Дмитрий Сергеевич пишет ряд статей, касающихся киевского летописания XI - XIII вв. Наконец, он ставит перед собой задачу построить систематическую историю летописания от его возникновения до XVII в.

Разысканиями Дмитрия Сергеевича окончательно снимаются всякие попытки объяснить происхождение русской летописи из византийских или западнославянских источников, в действительности лишь отразившихся в ней на определенном этапе ее развития. По-новому представляет он связь летописи XI - XII вв. с народной поэзией и живым русским языком; в составе летописей XII - XIII вв. вскрывает особый жанр "повестей о феодальных преступлениях"; отмечает своеобразное возрождение в Северо-Восточной Руси политического и культурного наследия древне-русского государства после Куликовской победы; показывает взаимосвязь отдельных сфер русской культуры XV - XVI вв. с исторической обстановкой того времени и с борьбой за построение централизованного Русского государства.

Исследование истории русского летописания как истории смены художественных признаков повествования об исторических событиях и деятелях, смены, закономерно связанной с общеисторическим процессом и с развитием русской культуры во всех ее проявлениях, вовлекло в круг разысканий Д. С. смежные литературные памятники. В результате появилась в свет чрезвычайно свежая по наблюдениям статья "Галицкая литературная традиция в житии Александра Невского" (1947). На основе большого рукописного материала было создано образцово выполненное текстологическое исследование "Повести о Николе Заразском", продолженное в статьях 1961 и 1963 гг., посвященных одному из произведений этого цикла - "Повести о разорении Рязани Батыем".

С 1950 г. Д. С. Лихачеву принадлежит одно из ведущих мест среди исследователей "Слова о полку Игореве". Итоги нескольких лет работы над "Словом" нашли свое отражение в книге "Слово о полку Игореве", изданной в "юбилейном" для "Слова" 1950 г. в серии "Литературные памятники". Пересмотр ряда вопросов, связанных с первым изданием "Слова о полку Игореве", определил в этой новой книге сам способ издания текста, истолкования "темных" мест его, раскрытие ритмического строя "Слова", а также перевод текста на современный литературный язык, ставящий себе целью воспроизвести ритм подлинника.

В отличие от своих предшественников, Д. С. Лихачев с особой силой подчеркивает "историзм" литературы Киевской Руси, ее стремление чутко откликаться на все политические события и отражать изменения, происходящие в идеологии общества. Этот историзм автор признает основой самостоятельности и своеобразия литературы XI - XIII вв.

Все теоретические работы Д. С. Лихачева стремятся направить изучение художественной системы литературы XI - XVII вв. на путь подлинного историзма, вывести его за пределы механического накопления фактов. Они призывают к сравнительному изучению литературных стилей разных периодов русского средневековья, к объяснению изменений в стилях,

обусловленному новыми задачами литературы, возникавшими в новой исторической обстановке.

Но теоретические проблемы не могут решаться в отрыве от конкретных историко-литературных исследований и прежде всего от исследований отдельных литературных памятников. Диапазон памятников, которые исследовал сам Д. С. Лихачев, чрезвычайно широк - это летописи и "Слово о полку Игореве", "Моление Даниила Заточника" и "Поучение" Владимира Мономаха, сочинения Ивана Грозного и "Повесть о Горе-Злочастии", повесть "О взятии града Торжку" и "История Иудейской войны" Иосифа Флавия, "Шестоднев" Ионна Экзарха и Изборник 1073 г. и т. д. Эти конкретные исследования привели Д. С. Лихачева к мысли о необходимости обобщить накопленный материал в области текстологии древнерусской литературы. В ряде статей он обсуждал конкретные вопросы текстологической практики, приемы издания документальных и литературных памятников, и наконец, выпустил в свет обширный труд "Текстология. На материале русской литературы X - XVII вв." (1962). Этот труд Д. С. представляет собой первый в отечественной филологии опыт систематизации всех текстологических задач, стоящих перед исследователями русской литературы допетровского времени, и методики их решения.

Через всю книгу Д. С. проходит одна мысль: текстология вообще и, в частности, текстология средневековья, - это не сумма более или менее удачных «приемов» изучения, это одна из ветвей филологической науки, имеющая свои задачи, требующая чрезвычайно широкого круга знаний для их решения. Она представляет собой необходимую стадию в изучении литературных памятников русского средневековья, минуя которую, мы не получим надежного материала для изображения литературного процесса того времени.

Д.С. Лихачев удалось сформировать свою научную школу, которую составляют как непосредственно его ученики, которых увлекли его идеи и взгляды, так и ученые, которые приняли его методологию и разделили его



подходы к изучению древнерусской литературы. Лихачев участвовал в создании и руководил деятельностью секторов древнерусской литературы, а также проводил в своем отделе так называемые «научные среды». Именно в рамках этой деятельности и происходило распространение его научных взглядов и формирование особого направления в исследованиях древнерусской литературы.

## Библиография

### 1.1. Опубликованные источники

1. Балязин В.Н., Кузнецов А.А., Соболева Н.А. Символы и награды Российской державы / В.Н. Балязин, А.А. Кузнецов, Н.А. Соболева, - М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2006. – 592 с.
2. Дмитрий Лихачев и его эпоха: Воспоминания. Эссе. Документы. Фотографии / сост. и отв. ред. Е. Г. Водолазкин. - СПб.: Logos, 2002. - 420 с.: ил.
3. Изображения Лихачева // Дмитрий Лихачев и его эпоха: Воспоминания. Эссе. Документы. Фотографии / сост. и отв. ред. Е. Г. Водолазкин. - СПб.: Logos, 2002. - 482 с.
4. Лихачев Д.С. «Внутренний мир художественного произведения» // Вопросы литературы. -1968. № 8. - С.75-76.
5. Лихачев Д.С.«Боль Отечества»//Огонек.М, 1988.№34.-с.17-18.
6. Лихачев Д. С. «Добрый язычник» // Памятники Отечества: Альманах Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. М, 1989. № 1. С. 38-39.
7. Лихачев Д.С. «И сохранить, и изучить: Обсуждение ст. Е. Немировского "Музей книги: каким ему быть?" В мире книг, 1976. № 6.» // В мире книг -1977. -№3.-с.75.
8. Лихачев Д.С. «О сохранении памятников русского Севера: Письмо в ЦК КПСС»//Известия ЦК КПСС. М., 1990. № 1.С. 119-121.
9. Лихачев Д.С. «Памятники культуры всенародное достояние» // История СССР.-1961.-№3.-с.3-12.
10. Лихачев Д.С. «Без культуры нет учителя» // Начальная школа. 1993.-№1. -с. 7-10.
11. Лихачев Д.С. «Военное искусство Древней Рус и»// «Звезда».- 1943. № 1.-с. 106-112.

12. Лихачев Д.С. «Возрождение в средневековье. (Ответ В.В. Кожинуву)»// Русская литература. -1973. №4. - с. 114-118.
13. Лихачев Д.С. «Картежные игры уголовников (из работ Криминологического кабинета)»// «Соловецкие острова».-1930.- №1.- с.32-35.
14. Лихачев Д. С. «Культура как целостная среда» // Новый мир. - 1994. №8 -с.3-8.
15. Лихачев Д. С. «Нельзя так относиться к памятникам народного зодчества: Письмо в редакцию» // Литературная газета 1955. - 15 янв. - Совместно с А. Морозовым, Н. Ворониным и А. Юговым.
16. Лихачев Д.С. «Память культуры и культура памяти»// Юный художник. -1983. -№8.-с.1-3.
17. Лихачев Д.С. «Первые впечатления от Японии»//Нева. -1994.- №5/6.-с.343-345.
18. Лихачев Д.С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени: Монография. 2-е изд., доп. - Л.: Худож. лиг., 1985. -352 с.
19. Лихачев Д.С. «Служение памяти» // Наш современник-1983.- №3. с.171-173.
20. Лихачев Д.С. «Три основы европейской культуры и русский исторический опыт»//Наше наследие. -1991.-№6.-с.15-29.
21. Лихачев Д.С. Беречь памятники прошлого: По поводу ст. В. Солоухина "Беречь прошлое думать о будущем" в журн. "Нева". 1962. № 11.» // Нева. -1963.-№3.-195-196.
22. Лихачев Д.С. Великое наследие: Классические произведения лиг. Древней Руси. 2-е изд., доп. -М.: Современник, 1979.-412 с. ил.
23. Лихачев Д.С. Возникновение русской литературы. М-Л.: Изд-во АН СССР. -1952.-240 с.
24. Лихачев Д.С. Галицкая литературная традиция в житии Александра Невского // Труды Отдела древнерусской литературы. — 1947. — Т. 5. — С. 36–56.

25. Лихачев Д.С. Заметки и наблюдения: Из записных книжек разных лет. -Л.: Сов. писатель, 1989. -608с.
26. Лихачев Д.С. Земля родная. М., Просвещение. -1983. 256с.
27. Лихачев Д.С. Избранное: Воспоминания. СПб., «Logos», 1999. 608с.
28. Лихачев Д.С. Избранное; Великое наследие: Клас. произведения лит. Др. Руси; Заметки о русском. СП. «Logos», 1980. -408 с.
29. Лихачев Д.С. Избранные работы в 3-х т. Т.1 «Развитие русской литературы». Л.: Худож. лит., 1987. - 656с.
30. Лихачев Д.С. Историческая поэтика русской литературы. Смех как мировоззрение и другие работы. СПб.: Изд-во «Алетейя», 1999. -558с.
31. Лихачев Д. С. Книга беспокойств/ статьи, беседы, воспоминания/. -М.: Издательство «Новости», 1991, 528 с.
32. Лихачев Д.С. Культура времени Андрея Рублева и Епифания Премудрого (конец XIV начало XV вв). М-Л, Изд-во АН СССР, 1962.- 172с.
33. Лихачев Д.С. Литература реальность - литература: Статьи. - Л.: Сов. писатель, 1984. -272с.
34. Лихачев Д.С. Литература XI-XIII вв. // История культуры Древней Руси. Т. 2. Домонгольский период. Ч. 2. Общественный строй и духовная культура / Под ред. Н. +Н. Воронина и М. К. Каргера. М., Л., 1951. - С. 163-215.
35. Лихачев Д.С. Некоторые задачи изучения второго южнославянского влияния в России // Исследования по славянскому литературоведению и фольклористике: докл. сов. ученых на IV Междунар. съезде славистов. - М., 1960. - С. 95–151.
36. Лихачев Д.С. Новгород Великий: очерк истории культуры Новгорода XI–XVII вв. — Л.: Госполитиздат, 1945. - 103 с.
37. Лихачев Д.С. Очерки по философии художественного творчества. С-П.: «Блиц», изд. 2-е, доп., 1999.- 191с.
38. Лихачев Д.С. Память истории священна. М.: Правда, 1986.- 63с.

39. Лихачев Д. С. Память культуры и культура памяти// Юный художник. -1983.-№8. -с. 1-3.
40. Лихачев Д.С. Письма о добром и прекрасном/Сост. и общая ред. Г.А.Дубровской. Изд. 3-е. -М.: Дет. лит., 1989. -238 е.: фотоил.
41. Лихачев Д.С. Повесть временных лет. По Лавренгьевской летописи 1377 г.: Ист.-лит. очерк (Ч. 2. С. 4-148), подгот. текста, пер. с древнерус. (совм. с Б. А. Романовым) и комм./Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. -М., Л., 1950. Ч. 1-2.
42. Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. - М.: Наука, 1979. – 372 с.
43. Лихачев Д.С. Прошлое будущему. Статьи и очерки. Л.: «Наука». 1985. -575.: ил.
44. Лихачев Д.С. Развитие русской литературы X-XVII веков. Эпохи и стили. - Л.: Изд-во «Наука», ленингр-ое отд., -1973. -254 с.
45. Лихачев Д.С. Раздумья о России. -СПб.: Издательство «Logos», 2001. -672с.
46. Лихачев Д.С. Раздумья/ Сост. и общая ред. Г.А. Дубровской. М.: Дет. Лиг, 1991.-318 с.
47. Лихачев Д.С. Русская культура: Сборник. М.: «Искусство», 2000.-438с.
48. Лихачев Д.С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. — 499 с.
49. Лихачев Д.С. Русское искусство от древности до авангарда. М.: «Искусство», 1992.-408с. ил.
50. Лихачев Д.С. Слово о полку Игореве: Ист.-лит. очерк (с. 229-290), подгот. текста, пер. с древнерус., коммент. и примеч. / Под. ред. В. П. Адриановой-Перетц.-М.; Л., Изд-во АН СССР, 1950.-481 е.- (Лиг. памятники).
51. Лихачев Д.С. совместно с народными депутатами СССР Б. Олейником, Б. Ельциным и др. О сохранности рукописных сокровищ

Российской государственной библиотеки (б. ГБЛ). // Огонек. М., 1990. № 3. С. 4.

52. Лихачев Д.С. Текстология: крат. очерк. - М.; Л.: Наука, 1964. - 102 с.

53. Лихачев Д.С. Текстология: на материале русской литературы X-XVII вв. - М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. - 605 с

54. Лихачев Д.С. Устные истоки художественной системы "Слова о погубе Игореве" // Слово о полку Игореве: Сб. исслед. и ст. / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М., Л., 1950.- С. 53-92.

55. Лихачев Д.С. Художественное наследие Древней Руси и современность. - Л.: Наука, 1971. - 120 с.

56. Лихачев, Д.С. Человек в литературе Древней Руси / Д.С. Лихачев. -М.: Наука, 1970.- 180 с.

57. Лихачев Д.С. Я вспоминаю. М.: «Прогресс», 1991. - 256с.

58. Лихачев Д.С., Самвелян Н.Г. Диалоги о дне вчерашнем, сегодняшнем и завтрашнем. М.: «Сов. Россия», 1988. 143 с. (Писатель и время).

59. Лихачев Д.С. Возникновение русской литературы. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1952.-240 с.

60. Лихачев Д.С. Еллинский летописец второго вида и правительственные круги Москвы конца XV в. // Тр. Отд. древнерус. лит. 1948. - Т. 6. - С. 100-110.

61. Лихачев Д.С., Панченко А.М., Поньрко Н.В. Смех в Древней Руси. -Л.: Наука, 1984.-295с.

62. Лихачев Д.С., Панченко А.М. Смеховой мир Древней Руси. — Л.: Наука, 1976. - 204 с.

63. Раздорский А.И. Письмо в редакцию по поводу «1000-летия» г. Белгорода // Отечественная история. 1997. №5. С. 192-199.

64. Статут Ордена Андрея Первозванного // Балязин В.Н., Кузнецов А.А., Соболева Н.А. Символы и награды Российской державы / В.Н. Балязин, А.А. Кузнецов, Н.А. Соболева, - М.,2006. – 529 с.

65. Шмелев Ю.Н. Тайны Белгородского треугольника или страницы жизни из трех тысячелетий истории руссов. М.: Белгородское областное историко-родословное общество, 1995. – 304 с.

## 1.2. Литература

66. Адрианова-Перетц В.П. [Рецензия] // Литературная газета. - 1951. - 20 окт. - Рец. на кн.: История культуры Древней Руси. [Т. 1-2. - 1951]

67. Адрианова-Перетц В.П., М. А. Салмина. Дмитрий Сергеевич Лихачев.3-е изд., доп. М.: Наука, 1989. – 132 с.

68. Александров В.А. [Рецензия] // Преподавание истории в школе. - 1952. - № 6. - С. 106-107. - Рец. на кн.: История культуры Древней Руси. - М.; Л., 1951. - Т. 2.

69. Альшиц Д.Н. ...И свеча не погасла! К вопросу о масштабе и значении научного подвига Д. С. Лихачева в историко-культурной жизни эпохи // Труды Отдела древнерусской литературы / РАН, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом); под ред. А. А. Алексеева [и др.]. - СПб., 1997. - Т. 50. - С. 21-26

70. Антонов В.В. Братство прп Серафима Саровского // СПб, Епархиальные веомости, 1996. – С.98

71. Баженова И.Н. Путиями добра и красоты // Русский язык в национальной школе. - 1986. - № 1. - С. 57-58. - Рец. на кн.: Лихачев Д. С. Письма о добром и прекрасном. - М., 1985

72. Бирженюк Г.М. Д. С. Лихачев как просветитель // Мир гуманитарной культуры академика Д. С. Лихачева: Междунар. Лихачевские науч. чтения 23-24 мая 2002 г. /сост. и отв. ред. Г. М. Бирженюк. – СПб., 2003. – С. 23-27

73. Боглачев С.В. Петербургские адреса юного Лихачева // Альманах Междунар. благотвор. фонда им. Д. С. Лихачева. - СПб., 2005. - Вып. 1: Культура и общество. - С. 72-91
74. Васильев Н. [Рецензия] // Вечерняя Москва. - 1947. - 8 янв. - Рец. на кн.: Лихачев Д. С. Культура Руси эпохи образования Русского национального государства. (Конец XIV - начало XVI в.). - Л., 1946.
75. Воронин Н.Н. [Рецензия] // Вестник АН СССР. - 1947. - № 5. - С. 124-128. - Рец. на кн.: Лихачев Д. С. Культура Руси эпохи образования Русского национального государства. (Конец XIV - начало XVI в.). - Л., 1946.
76. Гениева, Е. Тихий голос негнибавшего человека [Текст] // Б-ка. — 2000. — № 9. — С. 14.
77. Гранин, Д. Заступник русской культуры [Текст]: тр. и дни Дмитрия Сергеевича Лихачева // Парламент. газ. — 2002. — 24 дек. — С. 6.
78. Гранин Д.А. Постоянство: [о феномене Д. С. Лихачева] // Труды Отдела древнерусской литературы / РАН, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). - СПб., 1997. - Т. 50. - С. 17-20.
79. Демин А.С. Дмитрий Сергеевич Лихачев: [к 70-летию со дня рождения] / А. С. Демин, О. А. Державина, А. Н. Робинсон [и др.]. // Науч. докл. высш. шк. филол. науки. - 1976. - № 5. - С. 123-125
80. Дмитриев Л.А. 80-летие академика Д. С. Лихачева / Л. А. Дмитриев, В. Л. Янин, С. О. Шмидт // Вопросы истории. - 1986. - № 11. - С. 116-121
81. Дмитриева Р.П. Дмитрий Сергеевич Лихачев - преподаватель исторического факультета Ленинградского университета (1946-1953) / Р. П. Дмитриева, М. А. Салмина // Труды Отдела древнерусской литературы / РАН, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). - СПб., 1997. - Т. 50. - С. 27-31
82. Дмитрий Сергеевич Лихачев [Текст] / Акад. наук СССР; сост. М.А. Салминой; Г.Н. Финашиной; вступ. ст. В.П. Андриановой-Перетц, М.А. Салминой. — 3-е изд., доп. — М.: Наука, 1989. — 299 с., портр. — (Материалы к биобиблиографии ученых СССР. Сер. лит. и яз., вып. 17).



83. Дмитрий Сергеевич Лихачев [Текст]: [некролог] // Новый мир. — 1999. — № 12. - С. 239-241.
84. Дорош Е. Живое дерево искусства: [о трудах Д. С. Лихачева]. - 2-е изд., доп. - М.: Искусство, 1970. - С. 317-330.
85. Дягилева Т.Д. Вопросы теории культуры в творческом наследии Д. С. Лихачева // Мир гуманитарной культуры академика Д. С. Лихачева: II Международные Лихачевские научные чтения 23-24 мая 2002 г./ сост. и отв. ред. Г. М. Бирженюк. – СПб., 2003. – С. 119–121;
86. Егоров, Б.Ф. Дмитрий Сергеевич Лихачев [Текст]: к 85-летию со дня рождения // Рус. лит. - 1991. - № 3. - С. 190-192.
87. Ендольцев, Ю. Д.С. Лихачев и Петербургский университет [Текст] // Нева. - 2006. - № 1. - С. 231-234.
88. Зализняк А. А. «Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста / Институт славяноведения РАН. - М.: «Рукописные памятники Древней Руси», 2008. - 480 с.
89. Залыгин, С. Культура и личность [Текст]: к 80-летию Д.С. Лихачева // Новый мир. - 1986. - № 11. - С. 238-242.
90. Запесоцкий, А. Неисполненное завещание академика Лихачева [Текст] // Изв. - 2006. - 24 мая. - С. 9.
91. Зимин А. А. «Слово о полку Игореве». — СПб.: «Дмитрий Буланин», 2006. - 516 с.
92. Зобнин Ю.В. Мы чувствуем себя крестниками Лихачева // Санкт-Петербургские ведомости. - 2006. - 21 февр. (№ 31). - С. 4
93. Зуев Г.И. Дома и люди Офицерской улицы. СПб, 2003 – С.84-88
94. Иконникова С.Н. Штрихи к портрету Д. С. Лихачева // Мир гуманитарной культуры академика Д. С. Лихачева: II Международные Лихачевские научные чтения 23-24 мая 2002 г. /сост. и отв. ред. Г. М. Бирженюк. – СПб., 2003. - С. 17-18
95. Ильин А.И., Лимаров А.И. Белгородский кремль / А.И. Ильин, А.И. Лимаров. – Харьков, Коллегиум, 2000. – 56 с.

96. К 95-летию со дня рождения Д.С. Лихачева [Текст] // Звезда. — 2001. — № 11. - С. 183-198. — Содерж.: Эпоха Лихачева / Е.Г. Водолазкин; «Сокровенный сердца человек» / О.В. Панченко.

97. Казанков Б. Слово к молодым // В мире книг. - 1984. - № 12. - С. 83. - Рец. на кн.: Лихачев Д. С. Земля родная. - Л., 1983

98. Канева К. Государство духа: [к 80-летию со дня рождения Д. С. Лихачева] // Нева. - 1986. - № 11. - С. 160-163

99. Кашкаров Ю. Культура Древней Руси // Вопросы литературы. - 1963. - № 4. - С. 214-217. - Рец. на кн.: Лихачев Д. С. Культура Руси времени Андрея Рублева и Епифания Премудрого (конец XIV - начало XV в.). - М.; Л., 1962.

100. Князевская О.А. Вопросы палеографии и кодикологии в трудах академика Д. С. Лихачева: (к 80-летию со дня рождения)// Археографический ежегодник за 1986 год. - М., 1987. - С. 143-147; Мануйлов В.А. Историзм, точность, увлекательность: к 75-летию академика Д. С. Лихачева // Нева. - 1981. - № 11. - С. 174-176.

101. Краткий очерк научной, педагогической и общественной деятельности [Д. С. Лихачева] / В. П. Адрианова-Перетц, М. А. Салмина // Дмитрий Сергеевич Лихачев / библиогр. сост. М. А. Салминой и Г. Н. Финашиной. - 2-е изд., доп. - М., 1977. - С. 8-38

102. Кураев, М. Белый полотняный портфельчик [Текст]: к годовщине смерти Д.С. Лихачева // Звезда. - 2001. - № 9. - С. 213-220.

103. Кушнер А.С. Лихачев - либерал тургеневско-чеховского типа / [беседу вела Т. Львова] // ОченьУМ. - 2006/2007. - № 1, спец. вып.: К 100-летию со дня рождения Д. С. Лихачева. - С. 42-47

104. Лиханов, А. Уроки Лихачева [Текст]: [к 100-летию со дня рождения] // Труд. — 2006. - 2 июня. - С. 5.

105. Марков А.П. Научные идеи академика Д. С. Лихачева как ресурс национально-культурного самосознания России в XXI веке // Мир гуманитарной культуры академика Д. С. Лихачева: II Международные

Лихачевские научные чтения 23-24 мая 2002 г. /сост. и отв. ред. Г. М. Бирженюк. – СПб.: СПбГУП, 2003. – С. 27–30

106. Мельцин О.М. Вспомогательные исторические дисциплины: учеб. пособие / М.О.Мельцин. – СПб.: Петербургский институт печати, 2006. – С.104

107. Мир гуманитарной культуры академика Д.С. Лихачева [Текст]: II междунар. Лихачев. чтения, 23–24 мая 2002 г. / РАН, Рос. акад. образования; сост. и отв. ред. Г.М. Бирженюк. — СПб.: С.-Петербург. гуманитар. ун-т профсоюзов, 2003. — 226 с.

108. Молдавский Д. В грядущее: [очерк о творчестве Д. С. Лихачева] // Звезда. - 1986. - № 11. - С. 185-190

109. Молдавский Д. Книга о начале русской литературы // Вечерний Ленинград. - 1953. - 18 февр. - Рец. на кн.: Лихачев Д. С. Возникновение русской литературы. - М.; Л., 1952

110. Молдавский Д. Экскурсия в древность или марш в будущее // Звезда. - 1967. - № 10. - С. 211-213. - Рец. на кн.: Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. - Л., 1967.

111. Монгайт А. [Рецензия] // Вопросы истории. - 1951. - № 11. - С. 139. - Рец. на кн.: История культуры Древней Руси. - М.; Л., 1951. - Т. 2.

112. Панченко, А. Памяти Дмитрия Сергеевича Лихачева [Текст]: [1906–1999] // Звезда. — 1999. — № 11. — С. 3.

113. Панченко, А.М. Дмитрий Сергеевич Лихачев [Текст]: к 80-летию со дня рождения // Рус. лит. — 1986. — № 8. - С. 218-222.

114. Петрова О.Ф. Творческий коллектив Лихачевых // Мир гуманитарной культуры академика Д. С. Лихачева: II Международные Лихачевские научные чтения 23-24 мая 2002 г. /сост. и отв. ред. Г. М. Бирженюк. – СПб., 2003. – С. 179-180

115. Пижурин, Н. Живая нить Серебряного века [Текст]: к 90-летию со дня рождения Д.С. Лихачева // Учит. газ. — 1996. — 26 нояб. (№ 47). — С. 24.









116. Пижурин, Н. Последний луч Серебряного века [Текст]: к столетию со дня рождения Дмитрия Лихачева // Учит. газ. — 2006. — 21 марта (№ 11/12). — С. 21.
117. Пистунова А. Благородное слово: [о кн. Д. С. Лихачева "Заметки о русском". М., 1981] // В мире книг. - 1984. - № 11. - С. 72-73
118. Прохоров Г.М. Памяти Дмитрия Сергеевича // Труды Отдела древнерусской литературы. - СПб., 2001. - Т. 52. - С. 3-5.
119. Пчелов Е. В., Чумаков В. Т. Правители России от Рюрика до наших дней. - М.: Машаон, Азбука-Аттикус, 2011. - 320 с.
120. Рубашкин, А. Век Лихачева [Текст]: к выходу кн. воспоминаний // Нева. - 2002.- № 9. - С. 204-207.
121. Рубашкин, А. Великий гражданин [Текст] // Нева. — 1996. — № 11. - С. 177-180.
122. Рыбаков Б. А. Пётр Бориславич. Поиск автора «Слово о полку Игореве». М.: Издательство «Молодая гвардия», 1991. — 286 с.
123. Список печатных трудов Академика Д.С Лихачева за 1966-1975 гг./Сост. М.А Салмина //Культурное наследие Древней Руси. М.,1976. С-432-453.
124. Смирнов А.П. Новый труд по истории культуры Древней Руси // Вестник АН СССР. - 1951. - № 11. - С. 99. - Рец. на кн.: История культуры Древней Руси. - М.; Л., 1951.
125. Тихомиров М.Н. Древнейшая культура русского народа // Новый мир. - 1952. - № 8. - С. 280. - Рец. на кн.: История культуры Древней Руси. - Т. 1-2.
126. Тихомиров М.Н. Еще несколько замечаний о "Культуре Руси эпохи образования Русского национального государства" // Вопросы истории. - 1947. - № 11. - С. 158-159. - Рец. на кн.: Лихачев Д. С. Культура Руси эпохи образования Русского национального государства. - М., 1946

127. Тюльпинов Н. Проповедник культуры // Лит. обозрение. - 1986. - № 9. - С. 64-67. - Рец. на кн.: Лихачев Д. С. Прошлое - будущему: ст. и очерки. - Л., 1985.
128. Тютюнник, В. Еще раз об уважении к Памяти Д.С. Лихачева // Наш город Тамбов. — 2004. — № 40 (4 окт.). — С. 3.
129. Тютюнник, В. Неизвестный Лихачев // Тамб. время. — 2002. — № 40 (2 окт.). — С. 15.
130. Тютюнник, В. Память должна быть светлой // Город на Цне. — 2003. — № 40 (30 сент.). - С. 6.
131. Тютюнник, В. Правдивое слово академика Д.С. Лихачева // Наш город Тамбов. — 2005. - № 45 (24 окт.). - С. 7.
132. Федоров Г. Исследование истории культуры Древней Руси // Славяне. - 1952. - № 6. - С. 56-61. - Рец. на кн.: История культуры Древней Руси. - Т. 1-2.
133. Чистяков, Г. Не заглушая в себе совести [Текст] // Рус. мысль. — 2000. - 19-25 окт. (№ 4337). — С. 19.
134. Шмелев Ю.Н. Тайны Белгородского треугольника или страницы жизни из трех тысячелетий истории руссов. М.: Белгородское областное историко-родословное общество, 1995. – 304 с.
135. Щеголев К.А. Награды современной России. М.: Вече, 2009 – 464 с.

## Приложения




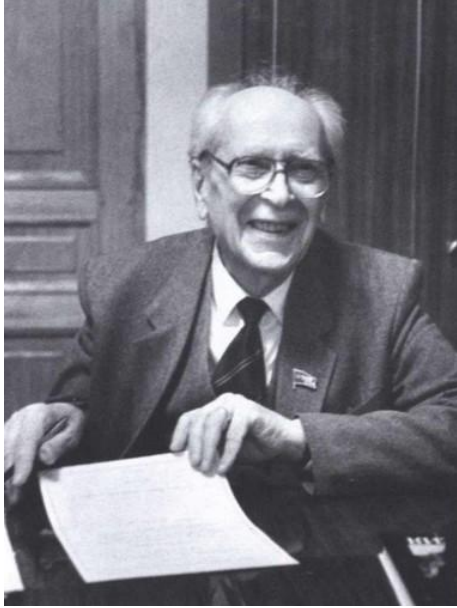
### Приложение 1

#### Фотографии Д.С. Лихачева в разные периоды его жизни<sup>142</sup>

	
Родители Мити Лихачева с ним и его старшим братом Михаилом	Два брата — Миша и Митя Лихачевы
	
В 1912–1913 годах отец будущего академика работал в Одессе, где его навещала семья.	Заключенный Лихачев с родителями, навестившими его на Соловках, 1929 год
	
Дмитрий Сергеевич с подростками внучками Зиной и Верой. 1976 г.	Д. С. Лихачев, вернувшийся с Соловков в Ленинград. 1930-е гг
	
Б. Н. Ельцин и Д. С. Лихачев - первый кавалер ордена Святого апостола Андрея Первозванного «За веру и верность Отечеству». Москва, Кремль. 1998 г.	Могила академика Дмитрия Сергеевича Лихачева и его супруги Зинаиды Александровны на кладбище поселка Комарово

<sup>142</sup> Дмитрий Лихачев и его эпоха: Воспоминания. Эссе. Документы. Фотографии / сост. и отв. ред. Е. Г. Водолазкин. - СПб.: Logos, 2002.

Фотографии Д.С. Лихачева на разных этапах его становления как ученого<sup>143</sup>

	
<p>Студент Ленинградского университета Дмитрий Лихачев. 1925</p>	<p>Академик Лихачев в своем домашнем кабинете 1966г.</p>
	
<p>Д. С. Лихачев в мантии почетного доктора Оксфорда. 1967 год.</p>	<p>Академик Д. С. Лихачев — народный депутат Верховного Совета СССР. 1989 г.</p>

<sup>143</sup> Дмитрий Лихачев и его эпоха: Воспоминания. Эссе. Документы. Фотографии / сост. и отв. ред. Е. Г. Водолазкин. - СПб.: Logos, 2002.



Монета 1995 года из серии «Памятники архитектуры России»:  
1000-летие Белгорода<sup>144</sup>



<sup>144</sup> Мельцин О.М. Вспомогательные исторические дисциплины: учеб. пособие / М.О.Мельцин. – СПб.: Петербургский институт печати, 2006. – С.104



## Приложение 4

### Список публикаций Д.С. Лихачева на историческую тематику по годам

Год	Место издания	Соавторство	Название
1928	Тверь		Тезисы доклада о старой орфографии. 1928 // Статьи ранних лет. С. 6 - 14.
1938	М.,Л.		Издание трудов А. А. Шахматова по русским летописям // Кн. новости.— № 23. — С. 25. — Рец. на кн.: Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв.
1938	М.		Сборник статей и материалов о русской литературе XVIII в. // Кн. новости. — № 17–18. — С. 37–38. — Рец. на кн.: XVIII век / АН СССР. — Т. 2.
1941	М.		Задонщина: о древнерус. повести начала XV в., посвящ. Куликовской битве 1380 г. // Литературная учеба. № 3. — С. 87–100.
1941	М.		Идеологическая борьба Москвы и Новгорода в XIV–XV веках // Исторический журнал. — Кн. 6. — С. 43–56.
1941	М.		Искусство времени образования многонационального Русского государства. Эпоха Ивана Грозного // История русской литературы: учебник для вузов / под ред. В. А. Десницкого, Б. С. Мейлаха и Л. А. Плоткина. — Т. 1, ч. 1. — С. 221–224.
1941	М.		Искусство Киевской Руси // История русской литературы: учебник для вузов / под ред. В. А. Десницкого, Б. С. Мейлаха и Л. А. Плоткина. — Т. 1, ч. 1. — С. 87–90.
1941	М.		Искусство периода объединения Северо-Восточной Руси (1380–1460) // История русской литературы: учебник для вузов / под ред. В. А. Десницкого, Б. С. Мейлаха и Л. А. Плоткина. — Т. 1, ч. 1. — С. 150–151.

1941	М.		Искусство периода создания национального Русского государства (1460–1530-е годы) // История русской литературы: учебник для вузов / под ред. В. А. Десницкого, Б. С. Мейлаха и Л. А. Плоткина. — Т. 1, ч. 1. — С. 182–184.
1941	М.		Искусство периода феодальной раздробленности и татаро-монгольского ига // История русской литературы: учебник для вузов / под ред. В. А. Десницкого, Б. С. Мейлаха и Л. А. Плоткина.— Т. 1, ч. 1. — С. 122–125.
1941	Л.	Совместно с М. А. Тихановой.	Оборона древнерусских городов. —104 с.
1943	М.		Культура Киевской Руси при Ярославе Мудром // Исторический журнал.. — Кн. 7. — С. 28–35.
1943	М.		Культура Руси на рубеже XIV–XV веков // Исторический журнал.— Кн. 1. — С. 40–45.
1944	М.		К вопросу о теории русского государства в конце XV и в XVI в. // Исторический журнал.— Кн. 7–8. — С. 31–38.
1944	М.		Национально-героические идеи в архитектуре Ленинграда // Звезда. — № 4. — С. 97–101.
1945	М.,Л.		Литература Новгорода XIV–XV вв. // История русской литературы / ред. тома А. С. Орлов, В. П. Адрианова-Перетц, Н. К. Гудзий. - Т. 2, ч. 1: Литература 1220–1580-х гг. — С. 253–268.
1945	М.,Л.		Литература Новгорода времени Грозного // История русской литературы / ред. тома А. С. Орлов, В. П. Адрианова-Перетц, Н. К. Гудзий. — Т. 2, ч. 1: Литература 1220–1580-х гг. — С. 516–520.
1945	М.,Л.		Литература Новгорода второй половины XV — первой половины XVI в. // История русской литературы / ред. тома А. С. Орлов, В. П. Адрианова-Перетц, Н. К. Гудзий. — Т. 2, ч. 1: Литература 1220–1580-х гг. — С. 368–389.

1945	М., Л.	Совместно с В. П. Адриановой-Перетц.	Литература Пскова XIII–XIV вв. Введение // История русской литературы / ред. тома А. С. Орлов, В. П. Адрианова-Перетц, Н. К. Гудзий. — Т. 2, ч. 1: Литература 1220–1580-х гг. — С. 128–134.
1945	М., Л.		Национальное самосознание Древней Руси: очерки из области русской литературы XI–XVII вв.. — 119 с.
1945	Л.		Новгород Великий: очерк истории культуры Новгорода XI–XVII вв.— 103 с.
1945	М.		Устные летописи в составе «Повести временных лет» // Исторические записки. — Т. 17. — С. 201–224.
1946	Л.		Культура Руси эпохи образования Русского национального государства. (Конец XIV — начало XVI в.) — 160 с.
1946	М.		Русское летописание в трудах А. А. Шахматова // — Т. 5, вып. 5. — С. 418–428.
1947	М.		Иван Грозный — писатель // Звезда. — 1947. — № 10. — С. 183–188.
1947	М.		О русской летописи, находившейся в одном сборнике со «Словом о полку Игореве» // Труды Отдела древнерусской литературы. — Т. 5. — С. 139–141.
1947	М., Л.		Русские летописи и их культурно-историческое значение. — 499 с.
1947	М., Л.		Шахматов как исследователь русского летописания // А. А. Шахматов. 1864–1920: сб. ст. и матер. / под ред. С. П. Обнорского. — С. 253–293.
1948	М.		О летописном периоде русской историографии // Вопросы истории. — № 9. — С. 21–40.
1948	М., Л.		Смутное время в изображении литературных памятников 1612–1630 гг. // История русской литературы / ред. тома А. С. Орлов, В. П. Адрианова-Перетц, Н. К. Гудзий. — Т. 2, ч. 2: Литература 1590–1690 гг. — С. 68–77.
1948	М.		Софийский временник и новгородский политический переворот 1136 года //

			Исторические записки / отв. ред Б. Д. Греков.— Т. 25. — С. 240–265.
1949	Л.		Слово о полку Игореве: вступ. ст. («Слово о полку Игореве», с. 5–51), подгот. текста, пер. с древнерус., примеч. — 208 с.
1950	М.,Л.		Исторический и политический кругозор автора «Слова о полку Игореве» // Слово о полку Игореве: сб. исслед. и ст. / под ред. В. П. Адриановой-Перетц.— С. 5–52.
1950	М.,Л		Повесть временных лет. По Лаврентьевской летописи 1377 г.: ист.-лит. очерк (ч. 2, с. 4–148), подгот. текста, пер. с древнерус. (совм. с Б. А. Романовым) и коммент. / под ред. В. П. Адриановой-Перетц. — Ч. 1–2.
1950	М.,Л.		Слово о полку Игореве: ист.-лит. очерк (с. 229–290), подгот. текста, пер. с древнерус., коммент. и примеч. / под ред. В. П. Адриановой-Перетц. — 481 с. — (Лит. памятники).
1951	М., Л.		Иван Грозный — писатель // Послания Ивана Грозного / подгот. текста Д. С. Лихачева, Я. С. Лурье; пер. и коммент. Я. С. Лурье; под ред. В. П. Адриановой-Перетц. — С. 452–467.
1951	М.; Л.		Послание в Кирилло-Белозерский монастырь (1573) // Послания Ивана Грозного / подгот. текста Д. С. Лихачева, Я. С. Лурье; пер. и коммент. Я. С. Лурье; под ред. В. П. Адриановой-Перетц. — С. 162–192.
1951	М.		Послание Грозного в Кирилло-Белозерский монастырь 1573 г.: публ. // Труды Отдела древнерусской литературы. — Т. 8. — С. 247–286.
1952	М.		Эпическое время русских былин // Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню 70-летия: сб. ст. — С. 55–63.
1953	Л.		Величайшее произведение литературы Древней Руси: вступ. ст. // Слово о полку Игореве. — С. 5–31. — (Б-ка поэта: Малая сер. — 3-е изд.).

1956	М.; Л.		Иван Пересветов и его литературная современность // Пересветов И. Сочинения / подгот. текст А. А. Зимин. — С. 28–56.
1956	М.		Средневековый символизм в стилистических системах Древней Руси и пути его преодоления: (к постановке вопроса) // Академику Виктору Владимировичу Виноградову к его 60-летию: сб. ст. — С. 165–171.
1957	М.		Литературные памятники Киевской Руси // Художественная проза Киевской Руси XI–XIII веков. — С. III–XII.
1957	М.		Повесть о разорении Рязани Батыем: пер. с древнерус., ст. и примеч. // Художественная проза Киевской Руси XI–XIII веков. — С. 267–275, 358–366.
1958	М.		Некоторые задачи изучения второго южнославянского влияния в России. — 67 с. — (АН СССР. IV Междунар. съезд славистов. Докл.).
1958	М.; Л.		Человек в литературе Древней Руси. — 186 с. — (2-е изд. — М.: Наука, 1970).
1959	М.		Новгород Великий: очерк истории культуры Новгорода XI–XVII вв. — 104 с.
1961	М.; Л.		Слово о полку Игореве — героический пролог русской литературы. — 134 с. — (2-е изд. — Л.: Худож. лит., 1967).
1962	Dresden		Die Kultur Russlands während der osteuropäischen Frührenaissance vom 14. bis zum Beginn des 15. Jahrhunderts. — 184 s.
1962	М., Л.		Изучение «Слова о полку Игореве» и вопрос о его подлинности // «Слово о полку Игореве» — памятник XII века: сб. ст. — С. 5–78.
1962	М., Л.		«Слово о полку Игореве» и особенности русской средневековой литературы // «Слово о полку Игореве» — памятник XII века: сб. ст. — С. 300–320.
1963	М.		Московский Кремль: ист. очерк // Юному художнику: кн. для чтения по истории искусства. — 2-е изд. — С. 291–

			296.
1963	М.		Слово о полку Игореве // Огонек. — № 51. — С. 14–15.
1964	М., Л.		О названии «Задонщина» // Исследования по отечественному источниковедению: сб. ст., посвящ. 75-летию проф. С. Н. Валка.— С. 474–475. — (Труды Ленингр. отд-ния Ин-та истории АН СССР; Вып. 7).
1964	М.		Черты подражательности «Задонщины»: (к вопр. об отношении «Задонщины» к «Слову о полку Игореве») // Русская литература. — № 3. — С. 84–107.
1965	М.		В чем сущность спора о реалистичности в древнерусской литературе // Русская литература. — № 2. — С. 59–69.
1965	М.		Принцип историзма в изучении единства содержания и формы литературного произведения // Русская литература. — № 1. — С. 16–32.
1967	Л.		Возвышение Москвы (вторая четверть XIII — середина XV в.) // Культура Древней Руси: пособие для учителей / сост. Э. С. Смирнова. — С. 85–96.
1967	Л.		Киевская Русь (X — начало XIII в.) // Культура Древней Руси: пособие для учителей / сост. Э. С. Смирнова. — С. 9–21.
1967	Л.	Совместно с Л. А. Дмитриевым и О. В. Твороговым.	Слово о великом князе Дмитрие Ивановиче и о брате его, князе Владимире Андреевиче, как победили супостата своего царя Мамаю: пер. с древнерус. // Слово о полку Игореве. — (Б-ка поэта: Большая сер. — 2-е изд.). — С. 378–388.
1967	Л.	Совместно с Л. А. Дмитриевым и О. В. Твороговым	Слово о гибели Русской земли: пер. с древнерус. // Слово о полку Игореве. — (Б-ка поэта: Большая сер. — 2-е изд.). — С. 360–362.
1967	М.		«Слово о полку Игореве» / [вступ. заметка] // Слово о полку Игореве.— С. 5–20. — (Нар. б-ка)
1968	Munchen		Nach dem Formalismus. Aufsätze zur

			russischen Literaturtheorie. — 116 s. — (Reihe Hanser; 4).
1969	М.	Совместно с Б. А. Романовым	Повесть временных лет: пер. с древнерус. // Хрестоматия по древнерусской литературе / сост. М. Е. Федорова и Т. А. Сумникова. — С. 6–27.
1969	М.		Повесть временных лет: подгот. текста, пер. с древнерус., примеч. // «Изборник»: сб. произв. лит. Древней Руси / сост. Д. С. Лихачев, Л. А. Дмитриев. — С. 28–91, 700–707.
1969	М.		Слово Даниила Заточника: подгот. текста, пер., примеч. // «Изборник»: сб. произв. лит. Древней Руси / сост. Д. С. Лихачев, Л. А. Дмитриев. — С. 224–235, 728–730. — (Б-ка всемир. лит. Сер. 1; Т. 15).
1969	М.		Слово о полку Игореве: подгот. текста, пер., примеч. // «Изборник»: сб. произв. лит. Древней Руси / сост. Д. С. Лихачев, Л. А. Дмитриев. — С. 196–213, 715–726. — (Б-ка всемир. лит. Сер. 1; Т. 15).
1971	Budapest		Oroszozrag kulturaja a reneszansz hajnalán. — 1, 200 s.
1971	Л.		Б. А. Романов и его «гид» Даниил Заточник // Исследования по социально-политической истории России: сб. ст. памяти Бориса Александровича Романова. — С. 39–43. — (Труды Ленингр. отд-ния Ин-та истории АН СССР; Вып. 12).
1971	М.	Совместно с А. В. Десницкой	Виктор Максимович Жирмунский (2 авг. 1891 года — 31 янв. 1971 года): некролог // Русская литература. — 1971. — № 1. — С. 233–237.
1971	М.		Вступительное слово (на совещании, посвященном памяти акад. А. А. Шахматова, проходившем 7–8 октября 1970 г. в Ленинграде) // Археографический ежегодник за 1970 год. — С. 390–394.
1971	М.		Историческая реальность и изучение закономерностей в развитии стилей // Русская литература. — № 3. — С. 58–61.

1971	Л.	Совместно с В. Д. Лихачевой	Пути к новой русской литературе // Художественное наследие Древней Руси и современность. — С. 71–112.
1972	М.		Курбский и Грозный — были ли они писателями? // Русская литература. — № 4. — С. 202–209.
1973	М.		Возрождение в средневековье: ответ В. В. Кожинуву // Русская литература. — № 4. — С. 114–118.
1974	Тарту		Бунт крошечного «мира» // Семиотика: материалы Всесоюз. симпоз. по вторичным моделирующим системам.— Т. 1 (5). — С. 116–118.
1974	М.		Русское предвозрождение в истории мировой культуры // Историко-филологические исследования: сб. ст. памяти акад. Н. И. Конрада. — С. 17–26.
1974	Куйбышев		Слово о полку Игореве: вступ. ст. // «Слово о походе Игоревом». — С. 5–33. — (Школьная б-ка).
1975	Dresden		Der Mensch in der altrussischen Literatur. — 262 s., 41 Pl.: Pl. — (Fundus-Bucher 36/37).
1975	Praha		K pramenu ruskeho realismu. — 296 s.
1975	Praha		Poetika staroruske literatury. — 352 s.
1975	Bucuresti		Prerenasterea rusa: Cultura Rusiei in vremea lui Rubliov si a lui Epifanie Preainteleptul. (Stirsitul sec. al XIV-lea — inceputul sec. al XV-lea). — 299 p.: il. — (B-ca de arta; 136).
1975	М.	Совместно с Л. А. Дмитриевым и О. В. Твороговым.	Слово о походе Игоревом, Игоря, сына Святославова, внука Олегова: пер. с древнерус. // «Слово о полку Игореве» в переводах А. Мусина-Пушкина, В. Жуковского, А. Майкова, И. Новикова [и др.]. — 277 с. <sup>145</sup>
1976	Л.		К вопросу о судьбе рукописи Изборника 1073 г. в XIV в. // Русско-болгарские фольклорные и литературные связи: в 2 т. — Т. 1. — С. 42–44.
1976	М.		Кирилл и Мефодий // Смена. — № 10. — С. 24–25.

<sup>145</sup> Список печатных трудов Академика Д.С. Лихачева за 1966-1975 гг./Сост. М.А. Салмина //Культурное наследие Древней Руси. М., 1976. С-432-453.



1976	М.		Слово о полку Игореве и эстетические представления его времени // Русская литература. — № 2. — С. 24–37.
1976	М.		Слово о полку Игореве: ист.-лит. очерк. —175 с.
1977	Warszawa		Artystyczna spuszczona Dawnej Rusi a wspolczesnosc.. — 140 s., 8 il. — Wspolnie z W. Lichaczowoj.
1977	Berlin		Russische Literatur und europaische Kultur des 10. — 17. Jahr-hunderts. — 246 s. — (Slavistische Studien und Texte).
1977	М.		Типологическое изучение древнерусской литературы: о работах в этой области А. Н. Робинсона. — Т. 36, № 4. — С. 338–344.
1978	М.		Была ли эпоха Петровских реформ перерывом в развитии русской культуры? // Славянские культуры в эпоху формирования и развития славянских наций, XVIII–XIX вв.: материалы Междунар. конф. ЮНЕСКО. — С. 170–174.
1978	М.		Величие древней литературы // Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы. XI — начало XII века / сост. Л. А. Дмитриев и Д. С. Лихачев. — С. 5–20.
1978	М.		Героический пролог русской литературы: «Слово о полку Игореве» // Вершины: кн. о выдающихся произведениях рус. лит. — С. 9–38.
1978	Л.		К вопросу о политической позиции Владимира Мономаха // Из истории феодальной России: ст. и очерки к 70-летию со дня рождения проф. В. В. Мавродина. — С. 34–37.
1978	М.		Монументально-исторический стиль в древнеславянских литературах и его мировые связи: докл. на симпоз. «Три дня древнерусской литературы в Тбилисском государственном университете», посвященном 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Тбилиси, 26–28 сентября

			1977 г.: крат. излож. // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. — Т. 37, вып. 2. — С. 189.
1978	М.		Монументально-исторический стиль древнеславянских литератур // Славянские литературы: VIII Междунар. съезд славистов. Загреб — Любляна, сентябрь 1978 г. — С. 119–150.
1978	М.		Повесть временных лет: пер. с древнерус. // Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы. XI — начало XII века / сост. Л. А. Дмитриев и Д. С. Лихачев. — С. 23–277.
1978	М.		Поучение Владимира Мономаха: пер. с древнерус., коммент. // Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы. XI — начало XII века / сост. Л. А. Дмитриев и Д. С. Лихачев. — С. 393–413, 459–463.
1978	Л.		Слово о полку Игореве и культура его времени. — 359 с.
1978	М.		«Задонщина» и «Повесть о разорении Рязани Батыем» // Древняя Русь и славяне. — С. 366–370.
1979	М.		Былины. Русские народные сказки. Древнерусские повести / вступ. ст., сост. и коммент. В. П. Аникина, Д. С. Лихачева, Т. Н. Михельсон. — 638 с. — (Б-ка мировой лит. для детей; Т. 1).
1979	М.		Из «Моления Даниила Заточника»: пер. с древнерус. и коммент. // Былины. Русские народные сказки. Древнерусские повести / вступ. ст., сост. и коммент. В. П. Аникина, Д. С. Лихачева, Т. Н. Михельсон. — С. 412–416, 578–581. — (Б-ка мировой лит. для детей; Т. 1).
1979	М.		Из «Поучения» Владимира Мономаха: пер. с древнерус. и коммент. // Былины. Русские народные сказки. Древнерусские повести / вступ. ст., сост. и коммент. В. П. Аникина, Д. С. Лихачева, Т. Н. Михельсон. — С. 387–390, 560–563. — (Б-ка мировой лит. для детей; Т. 1).

1979	М.		Куликовская битва в истории русской культуры // Памятники Отечества. — Кн. 4. — С. 244–256.
1979	М.	Совместно с Т. Н. Михельсон	Первые века русской литературы // Былины. Русские народные сказки. Древнерусские повести / вступ. ст., сост. и коммент. В. П. Аникина, Д. С. Лихачева, Т. Н. Михельсон. — С. 19–40. — (Б-ка мировой лит. для детей; Т. 1).
1979	Минск		Повесть о Горе-злочастии // Древняя русская литература в исследованиях: хрестоматия / сост. Л. Н. Гусева, Л. Л. Короткая. — С. 214–227.
1979	М.		Повесть о разорении Рязани Батыем: пер. с древнерус. и коммент. // Былины. Русские народные сказки. Древнерусские повести / вступ. ст., сост. и коммент. В. П. Аникина, Д. С. Лихачева, Т. Н. Михельсон. — С. 419–425, 583–584. — (Б-ка мировой лит. для детей; Т. 1).
1979	Минск		Повесть о Тверском Отроче монастыре // Древняя русская литература в исследованиях: хрестоматия / сост. Л. Н. Гусева, Л. Л. Короткая. — С. 203–214.
1979	Минск		Проблема характера в исторических произведениях начала XVII в. // Древняя русская литература в исследованиях: хрестоматия / сост. Л. Н. Гусева, Л. Л. Короткая. — С. 190–203.
1979	Минск		Слово о полку Игореве и эстетические представления его времени // Древняя русская литература в исследованиях: хрестоматия / сост. Л. Н. Гусева, Л. Л. Короткая. — С. 110–130.
1979	М.		Слово о полку Игореве: подгот. текста, пер. с древнерус. и коммент. // Былины. Русские народные сказки. Древнерусские повести. — С. 397–411, 568–578. — (Б-ка мировой лит. для детей; Т. 1).
979	Минск		Сочинения царя Ивана Васильевича Грозного // Древняя русская литература в исследованиях: хрестоматия / сост. Л. Н. Гусева, Л. Л. Короткая. — С. 167–187.
1979	М.		Стиль произведений Грозного и стиль

			произведений Курбского. (Царь и «государев изменник») // Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / текст подгот. Я. С. Лурье и Ю. Д. Рыков; отв. ред. Д. С. Лихачев. — С. 183–213. — (Лит. Памятники).
1979	М.	Совместно с Л. А. Дмитриевым и О. В. Твороговым	Тысячелетие русской литературы // Русская литература. — 1979. — № 1. — С. 3–13.
1980	М.		Куликовская битва в истории русской культуры // Поле Куликово: сказания о битве на Дону. — С. 7–15. — (Воинам рус. рати, 1380–1980).
1980	Л.		Куликовская битва в миниатюрах XVI века // Повесть о Куликовской битве: из Лицевого летопис. свода XVI в. = The tale of the battle on the Kulikovo field / сост. Л. А. Дмитриев; пер. с древнерус. О. П. Лихачевой. — С. 171–177. — На рус. и англ. яз.
1980	М.		Литература эпохи «Слова о полку Игореве» // Памятники литературы Древней Руси: XII век / сост., общ. ред. Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачева. — С. 5–22. — (Памятники лит. Древней Руси).
1980	М.		Моление Даниила Заточника: подгот. текста, пер., коммент. // Памятники литературы Древней Руси: XII век / сост., общ. ред. Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачева. — С. 388–399, 688–690.
1980	М.		На священное дело: к 600-летию Куликовской битвы // Дружба. — № 5. — С. 66–69.
1980	М.		Озаренная «Словом» («Задонщина») // Великое наследие. Меж Непрядвой и Доном: к 600-летию Куликовской битвы. — С. 102–108.
1980	М.		Победа на Куликовом поле: к 600-летию Куликовской битвы // Русская речь. — № 4. — С. 52–55.
1980	М.		Повесть о Николе Заразском: пер. с древнерус. // На поле Куликовом:

			рассказы рус. летописей и воин. повести XIII–XV вв. / худ. и сост. А. Шмаринов. — С. 43–52.
1980	М.		Повесть о разорении Рязани Батыем: пер. с древнерус. // На поле Куликовом: рассказы рус. летописей и воин. повести XIII–XV вв. / худ. и сост. А. Шмаринов. — С. 53–70.
1980	М.		Соловки в истории русской культуры // Архитектурно-художественные памятники Соловецких островов. — С. 9–41.
1981	Warszawa		Poetyka literatury staroruskiej. — 381 s.
1981	М.		The great heritage: the classical literature of Old Rus.— 350 p. — Bibliogr. 9 ref
1981	М.		Багратион русского искусства: о Д. И. Арсенишвили // Партийное слово. — № 10. — С. 13–14.
1981	М.		Восстановление литературных текстов Древней Руси // Восстановление памятников культуры: проблемы реставрации. — С. 219–227.
1981	М.		Литература времени национального подъема // Памятники литературы Древней Руси. XIV — середина XV века / сост. Д. С. Лихачев и Л. А. Дмитриев. — С. 5–26.
1981	М.		Литература трагического века в истории России // Памятники литературы Древней Руси. XIII век / сост. Д. С. Лихачев и Л. А. Дмитриев. — С. 5–26.
1981	М.		Наставление тверского епископа Семена: подгот. текста, пер. с древнерус., коммент. // Памятники литературы Древней Руси. XIII век / сост. Д. С. Лихачев и Л. А. Дмитриев. — С. 464–465, 612.
1981	Л.		Несколько замечаний о составлении Свода русского фольклора // Русский фольклор. — Т. 21. — С. 115–116.
1981	М.		Повесть временных лет: пер. с древнерус. // За землю Русскую! Памятники литературы Древней Руси XI–XV веков / сост., вступ. ст., коммент.

			и подбор миниатюр Ю. К. Бегунова.. — С. 27–77.: ил.
1981	М.		Повесть о Николе Заразском: подгот. текста, пер., коммент. // Памятники литературы Древней Руси. XIII век / сост. Д. С. Лихачев и Л. А. Дмитриев. — С. 176–183, 553–554.
1981	М.		Повесть о разорении Рязани Батыем: пер. с древнерус. // За землю Русскую! Памятники литературы Древней Руси XI–XV веков / сост., вступ. ст., коммент. и подбор миниатюр Ю. К. Бегунова. — С. 159–181.
1981	М.		Повесть о разорении Рязани Батыем: подгот. текста, пер. с древнерус., коммент. // Памятники литературы Древней Руси. XIII век / сост. Д. С. Лихачев и Л. А. Дмитриев. — С. 184–199, 554–559.
1981	М.		Поучение князя Владимира Мономаха. Лаврентьевская летопись: пер. с древнерус. // За землю Русскую! Памятники литературы Древней Руси XI–XV веков / сост., вступ. ст., коммент. и подбор миниатюр Ю. К. Бегунова. — С. 87–97.
1981	М.		Похвала роду рязанских князей: подгот. текста, пер., коммент. // Памятники литературы Древней Руси. XIII век / сост. Д. С. Лихачев и Л. А. Дмитриев. — С. 200–203, 559–560.
1981	М.		Рассказ о преступлении рязанских князей: подгот. текста, пер., коммент. // Памятники литературы Древней Руси. XIII век / сост. Д. С. Лихачев и Л. А. Дмитриев. — С. 128–129, 543.
1981	М.		Слово о полку Игореве: вступ. ст. // Слово о походе Игоревом / сост. А. Е. Тархов. — С. 8–14. — (Школьная б-ка).
1981	М.		Слово о полку Игореве: пер. с древнерус. // За землю Русскую! Памятники литературы Древней Руси XI–XV веков / сост., вступ. ст., коммент. и подбор миниатюр Ю. К. Бегунова. — С. 102–125.

1982	М.		Авторы рязанского цикла «Повестей о Николле Заразском» // Россия на путях централизации: сб. ст. — С. 201–205.
1982	М.		Завещание Ярослава Мудрого: пер. с древнерус. // О, Русская земля!: сб. / сост., авт. вступ. ст. и примеч. В. И. Грихин. — С. 209. — (Б-ка рус. худож. публицистики).
1982	М.		Краткий очерк научной, педагогической и общественной деятельности (П. Н. Беркова) // Павел Наумович Берков (1896–1969) / библиогр. сост. Р. И. Кузьменко, Н. Д. Кочетковой. — С. 8–31. — (Материалы к библиогр. ученых СССР. Сер. лит. и яз.; Вып. 14).
1982	М.		Летописи // Книговедение: энцикл. слов. — С. 315–316.
1982	М.		Литература эпохи исторических размышлений // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV века / сост. Л. А. Дмитриев и Д. С. Лихачев. — С. 5–20.
1982	Л.		Мировое значение Куликовской победы // Сказания и повести о Куликовской битве.— С. 255–261. — (Лит. памятники).
1982	Л.		Мозаики и живопись Древнего Киева: альбом / автор вступ. ст. и сост. Д. С. Лихачев. — 16 с. — (К 1500-летию Киева). — На рус. и англ. яз.
1982	Л.		Об одном из малоизученных аспектов художественной культуры // Художественное творчество. — 1982. — С. 246–251.
1982	М.		Первое произведение по истории Древней Руси // Рассказы Начальной русской летописи / сост. Д. С. Лихачев; пер. с древнерус. и пояснения Т. Н. Михельсон; худож. И. Архипов.— С. 110–121. — (Переизд.: М., 1987).
1982	М.		Повесть об ослеплении Василька Теробовльского: пер. с древнерус. // О, Русская земля!: сб. / сост., авт. вступ. ст. и примеч. В. И. Грихин. — С. 210–217.

			— (Б-ка рус. худож. публицистики).
1982	М.		Подлинный глава советской исторической науки: о Б. Д. Грекове // Исследования по истории и историографии феодализма: к 100-летию со дня рождения Б. Д. Грекова. — С. 98.
1982	Харьков		Полтава А. С. Пушкина: предисловие // Пушкин А. С. Полтава: Поэма. 1828–1829. — С. 8–15. — На рус. и укр. яз.
1982	М.		Поучение Владимира Мономаха: пер. с древнерус. // О, Русская земля!: сб. / сост., авт. вступ. ст. и примеч. В. И. Грихин. — С. 236–247. — (Б-ка рус. худож. публицистики).
1982	М.		Слово Даниила Заточника, написанное им своему князю Ярославу Владимировичу: пер. с древнерус. // О, Русская земля!: сб. / сост., авт. вступ. ст. и примеч. В. И. Грихин. — С. 257–262. — (Б-ка рус. худож. публицистики).
1982	М.		Слово о Киеве: докл., прочит. в Киеве 3 декабря 1981 г. на пленар. заседании конф. «Исторические традиции духовной культуры народов СССР и современная идеологическая борьба» в связи с 1500-летием Киева: излож. // Русская литература. — № 2. — С. 3–11.
1982	М.		Слово о походе Игоревом, Игоря, сына Святославова, внука Олегова: пер. с древнерус. // О, Русская земля!: сб. / сост., авт. вступ. ст. и примеч. В. И. Грихин. — С. 248–256. — (Б-ка рус. худож. публицистики).
1983	Л.		Моление Даниила Заточника: подгот. текста, пер. с древнерус., примеч. // Повести Древней Руси XI–XII веков / сост. Н. В. Поньрко. — С. 414–425, 565–567.
1983	Л.		Начало русской литературы // Повести Древней Руси XI–XII веков / сост. Н. В. Поньрко. — С. 3–21. — (Б-ка «Страницы истории Отечества»).
1983	Л.		Повесть временных лет: пер. с древнерус. // Повести Древней Руси XI–



			XII веков / сост. Н. В. Поньрко. - 1983. — С. 124–227.
1983	Л.		Слово о плъку Игоревъ, Игоря, сына Святъславля, внука Ольгова: подгот. текста, пер. с древнерус. // Повести Древней Руси XI–XII веков / сост. Н. В. Поньрко. — С. 378–394.
1983	М.		Слово о полку Игореве: сб.: вступ. ст. («Золотое слово русской литературы», с. 3–20), подгот. текста, пер. с древнерус., объяснит. пер. / худ. В. А. Фаворский. — («Классики и современники». Поэтич. б-ка). — (Переизд.: 1985, 1987).
1984	М.		Археографическое открытие Сибири // Покровский Н. Н. Путешествие за редкими книгами. — С. 3–7. — (2-е изд., доп. — М., 1988).
1984	Л.		Куликовская битва в миниатюрах XVI века // Повесть о Куликовской битве. Текст и миниатюры лицевого свода XVI века. — С. 317–328, 370–381. — На рус. и англ. яз.
1984	Л.		Об актуальности проблемы общения в современном искусствознании // Искусство и общение: сб. науч. тр. — С. 5–14.
1984	Л.		Об интеллигентности // Преимственность: [сб.]. — С. 139–141. — (Публицистика ленингр. писателей).
1984	М.		Очередные задачи серии «Литературные памятники» // Литературные памятники: справ. / сост. Д. В. Ознобишин.— С. 5–21.
1984	Л.		Предисловие // Древнерусская литература: источниковедение: сб. науч. тр. — С. 3–4. — Без подписи.
1984	М.		Предположение о диалогическом строении «Слова о полку Игореве» // Русская литература.— № 3. — С. 130–144.
1984	М.		Слово о полку Игореве: древнерус. текст / сост., [вступ. ст. «Героический пролог русской литературы», с. 3–33], пер. с древнерус., объяснит. пер., примеч. —

			206 с. — (Школьная б-ка).
1984	Новосибирск		Слово о полку Игореве: миниатюрное изд: [пер. с древнерус.]. — 127 с. — Совм. с Л. А. Дмитриевым, О. В. Твороговым.
1984	Новосибирск		Слово о полку Игореве: [отрывок / пер. с древнерус.] // За землю русскую!: стихи о подвигах, доблести и славе / сост. Г. Ф. Карпуни.— С. 9–16.
1984	М.		Соловки в истории русской культуры // Беломорье / сост. Д. Ушаков. — С. 27–41.
1984	М.		Таинственный посол добра: [послесл.] // Самвелян Н. Московии таинственный посол: роман. — 2-е изд., перераб. и доп. — С. 249–254.
1985	М.		800 лет Игоревой песне: величайшая патриотическая поэма // Студенческий меридиан. — 1985. — № 6. — С. 10–11.
1985	М.		Введение к разделу «Литературы восточных славян и Литвы» // История всемирной литературы: в 9 т. — Т. 3. — С. 458–461.
1985	М.		Владимир Всеволодович Мономах // Труды Отдела древнерусской литературы. — Т. 40. — С. 57–60.
1985	М.		Заметки о русском: природа, родник, родина, просто доброта // Писатель и время: сб. документ. прозы. — С. 4–43.
1985	М.	Совместно с Г. М. Прохоровым	К читателям // Антология педагогической мысли Древней Руси и Русского государства XIV–XVII вв. — С. 5–9.
1985	Л.		Княжеские певцы по свидетельству «Слова о полку Игореве» // Взаимодействие древнерусской литературы и изобразительного искусства. — С. 503–505.
1985	М.		Литература «государственного устройства» (середина XVI в.) // Памятники литературы Древней Руси. Середина XVI века / сост. Д. С. Лихачев, Л. А. Дмитриев. — С. 5–16.
1985	Л.		Повесть о разорении Рязани Батыем:

			подгот., пер. с древнерус. и примеч. // Воинские повести Древней Руси / вступ. ст. Л. А. Дмитриева; сост. Н. В. Поньрко. — С. 96–115, 473. — (Б-ка «Страницы истории Отечества»).
1985	Л.		Походы Святослава. Из «Повести временных лет»: пер. с древнерус. // Воинские повести Древней Руси / вступ. ст. Л. А. Дмитриева; сост. Н. В. Поньрко. — С. 22–26. — (Б-ка «Страницы истории Отечества»).
1985	М.		Слово о «Слове»: к проблеме изучения и пропаганды культуры Древней Руси // Культурно-историческое наследие Руси и героико-патриотическое воспитание: к 800-летию «Слова о полку Игореве». — С. 45–65. — (Сб. науч. тр. НИИ культуры; № 143).
1986	М.		Гениальное произведение литературы Древней Руси: вступ. ст. // Слово о полку Игореве: 1185–1985. Древнерус. текст. — С. 7–24.
1986	М.		Дело Константина-Кирилла Философа и его брата Мефодия // Жития Кирилла и Мефодия. — Факсимильное изд. — С. 6–17. — На рус. и англ. яз. — Совместно с П. Н. Динековым.
1986	Л.		Исследования по древнерусской литературе / отв. ред. О. В. Творогов. — 406 с.
1986	М.		Моление Даниила Заточника: пер. с древнерус. // Изборник: повести Древней Руси / сост. и примеч. Л. Дмитриева, Н. Поньрко. — С. 99–105. — («Классики и современники». Рус. классич. лит.). — (Переизд.: М., 1987).
1986	М.		Наставление тверского епископа Семена: пер. // Изборник: повести Древней Руси / сост. и примеч. Л. Дмитриева и Н. Поньрко. — («Классики и современники». Рус. классич. лит.). — С. 182.
1986	М.		Повесть временных лет: пер. с древнерус. // Изборник: повести Древней

			Руси / сост. и примеч. Л. Дмитриева и Н. Поньрко. — С. 24–58. — («Классики и современники». Рус. классич. лит.). — (Переизд.: М., 1987).
1986	Л.		Предположение о диалогическом строении «Слова о полку Игореве» // Исследования «Слова о полку Игореве»: сб. — С. 9–28.
1986	М.		Слово о полку Игореве, Игоря, сына Святославова, внука Олегова: подгот. текста и пер. / ил. Н. А. Воробьева. — 157 с.: ил.
1986	М.		Слово о походе Игоревом, Игоря, сына Святославова, внука Олегова: подгот. текста, пер. с древнерус., объяснит. пер., коммент. // Злато слово: сб. / сост., предисл. и вступ. ст. Н. С. Борисова. — С. 29–79, 396–445. — (История Отечества в романах, повестях, документах: Век XII).
1987	Moscova		Ce ne va aduce secolul de miine.— 64 p. — In colaborare N. Samvelean.
1987	Moskva		Co nam chysta vek buduci. — 64 s. — Spolu s N. Samvelian.
1987	Moskau		Das 21. Jahrhundert — Jahrhundert des Humanismus. — 31 s.: 11., Portr., Taf. — (Meinung eines Prominenten; 4).
1987	Moscou		Le XXI-e siecle doit etre le siecle de l'humanisme. — 32 p.: il., portr. — (Un avis competent; 4).
1987	Л.		Академик А. С. Бушмин — исследователь русской литературы и организатор литературной науки // Бушмин А. С. Художественный мир Салтыкова-Щедрина. — С. 5–20. — Совместно с В. Н. Баскаковым.
1987	Л.		Владимир Всеволодович Мономах // Словарь книжников и книжности Древней Руси. — Вып. 1: XI — первая половина XIV в. — С. 98–102.
1987	Л.		Даниил Заточник // Словарь книжников и книжности Древней Руси. — Вып. 1: XI — первая половина XIV в. — С. 112–113.
1987	Л.		Избранные работы: в 3 т. — Т. 1–3.

1987	Киев		Киев — мать городов русских // Исторические традиции духовной культуры народов СССР и современность: сб. науч. тр.— С. 6–14.
1987	Л.		Повести о Николе Заразском // Словарь книжников и книжности Древней Руси. — Вып. 1: XI — первая половина XIV в. — С. 332–337.
1987	М.		Подступы к решительным переменам в строении литературы // Памятники литературы Древней Руси. Конец XVI — начало XVII века / сост. Л. А. Дмитриев и Д. С. Лихачев. — С. 5–22.
1988	Lausanne		Poetique historique de la litterature russe (X–XX-e siecle) / Traduction, preface et notes de F. Lesourd.— P. 9–254, 313–321, 329–331: portr.
1988	Cambridge University Press		Religion: Russian Orthodoxy / trans. and adapted by N. Rzhevsky with the help of R. Sohoney // The Cambridge Companion to Modern Russian Culture / ed. by N. Rzhevsky.— P. 38–56.
1988	Detroit		Textology. A Short Essay / translated from the Russian by Marcella M. Atkinson. — 13 p.
1988	М.		Повесть временных лет (Отрывки): древнерус. текст и пер. // Русская литература XI–XVIII вв. / сост., вступ. ст., примеч. Л. А. Дмитриева, Н. Д. Кочетковой. — С. 18–49.
1988	М.		Повесть временных лет (фрагменты): подгот. древнерус. текстов // Древняя русская литература: хрестоматия: учеб. пособие для студентов пед. ин-тов / сост. Н. И. Прокофьев. — 2-е изд., доп. — С. 6–30.
1988	М.		Повесть о Горе-злочастии: подгот. древнерус. текстов // Древняя русская литература: хрестоматия: учеб. пособие для студентов пед. ин-тов / сост. Н. И. Прокофьев. — 2-е изд., доп.— С. 442–452.
1989	Berlin		Boris Pasternak's «Doktor Shiwago» // Kunst und Literatur. — № 1. — S. 33–38.

1989	Roma		Chiesa e stato sovrani, ciascuno nel proprio campo (Intervista della Novosti) // Rassegna sovietica. — № 1. — P. 189–200.
1989	М.		Слово о законе и благодати Илариона // Альманах библиофила: тысячелетие русской письменной культуры (988–1988) / сост. П. Г. Горелов и В. В. Кожин; гл. ред. Е. И. Осетров. — Вып. 26. — С. 45–55.
1990	М.		Из «Повести временных лет»: пер. с древнерус. // Сказания о чудесах. — Т. 1. — С. 9–15. — (Б-ка рус. фантастики: в 20 т.).
1990	М.		Последнее средство / Т. Фирсова // Новое время. — № 6. — С. 47.
1990	М.		Поучение Владимира Мономаха: пер. с древнерус. // Литература Древней Руси: хрестоматия / сост. Л. А. Дмитриев. — С. 112–121.
1991	Milano		Le radici dell' arte Russia dal Medioevo alle Avanguardie / volume a curi di E. Kostjiukovic; traduzione A. Bourtsev, S. Cecchi, M. Di Salvo, M. Ghiglioni, A. Pedetti, G. Scandiani, A. Silvestri, L. Tonini. — 407 p.
1991	Wroclaw		Poezja ogrodow. O semantyce stylow ogrodowo-parkowych. — 361 s.
1991	М.		Заметки к интеллектуальной топографии Петербурга первой четверти двадцатого века (по воспоминаниям) // Круг чтения: календарь. — С. 174–175.
1991	Киев		Краеведение как наука и как деятельность // Историческое краеведение в СССР: вопросы теории и практики: сб. науч. ст. / АН Украины, Ин-т истории Украины, Науч. совет АН Украины по исторической демографии и исторической картографии, Укр. совет профессиональных союзов, Укр. о-во охраны памятников. — С. 3–4.
1991	Пермь		Моление Даниила Заточника: пер. с древнерус. // Древнерусские повести / ред.-сост. И. Остапенко; худож. О. Коровин.— С. 107–113.

1991	М.		Я вспоминаю / предисл. Н. Г. Самвеляна.
1992	М.		Культурные ценности должны сохраняться в местах их пребывания: два интервью с академиком Дмитрием Лихачевым // Панорама культурной жизни. — Вып. 2. — С. 18–19.
1992	М.		Святая Русь // Жизнеописания достопамятных людей земли Русской. X–XX вв. / сост. С. С. Бычков. — С. 6–7. — (Клуб любителей истории Отечества).
1993	М.		Послесловие. О национальном характере русских // Из истории русской гуманистической мысли: хрестоматия для учащихся старших классов / сост. А. Ф. Малышевский [и др.]; общ. ред. А. Ф. Малышевского; науч. ред. А. И. Ракитова. — С. 278–280.
1993	М.		Поучение Владимира Мономаха: пер. с древнерус. // Из истории русской гуманистической мысли: хрестоматия для учащихся старших классов / сост. А. Ф. Малышевский [и др.]; общ. ред. А. Ф. Малышевского; науч. ред. А. И. Ракитова. — С. 9–13.
1994	Pieksamaki		Johdatus nauriin: reunamerkintoja venalaisyydesta / Suomentanut E. Peuranen. — 285 s.
1994	М.		Сказание и страдание и похвала святым мученикам Борису и Глебу: пер. с древнерус. // Сказание о Борисе и Глебе / сост. протоиерей В. Брегеда. — С. 3–14.
1994	СПб		Соловки 1928–1931 гг. // Фольклор и культурная среда ГУЛАГа / Фонд «За развитие и выживание человечества»; сост. В. С. Бахтин и Б. Н. Путилов, ред. В. Ф. Лурье. — С. 165–174.
1995	СПб		Воспоминания о Л. А. Дмитриеве // Лев Александрович Дмитриев: Библиография. Творческий путь. Воспоминания. Дневники. Письма / РАН, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). — С. 42–44.
1995	СПб		Воспоминания. — 519 с.
1995	Новгород		Древний Новгород как столица —

			предшественник Петербурга // Новгород в культуре Древней Руси: материалы чтений по древнерус. лит. Новгород, 16–19 мая 1995 г. / Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом), Новгород. гос. ун-т; сост. В. А. Кошелев. — С. 4–5.
1996	Torino		La Poesia dei Giardini. — 1996.
1996	СПб		К читателям // Ленинградский мартиролог. 1937–1938: [книга памяти жертв политических репрессий] / редкол.: А. Я. Разумов (отв. ред.). — Т. 2: Окт. 1937 г. — С. 6–7.
1996	М.		Комнина А. Алексиада: пер. с греч. / редкол. С. С. Аверинцев, Д. С. Лихачев, Г. Л. Курбатов [и др.]. — С. 704. — (Византийская б-ка; Источники).
1996	СПб		Повесть временных лет / РАН; подгот. текста, пер. статьи и коммент. Д. С. Лихачева; под ред. В. П. Адриановой-Перетц. — 2-е изд., испр. и доп. / подгот. М. Б. Свердлов. — 668 с. — (Лит. памятники).
1996	СПб		Слово о П. А. Флоренском // П. А. Флоренский: pro et contra: личность и творчество Павла Флоренского в оценке русских мыслителей и исследователей: антол. / отв. ред. тома Д. К. Бурлака. — С. 561–562.
1997	СПб		Библиотека литературы Древней Руси: в 20 т. / РАН, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом); под ред. Д. С. Лихачева [и др.].
1997	СПб		Великое наследие. Классические произведения литературы Древней Руси. Заметки о русском: избранное / ред. Т. Шмакова. — 560 с.: ил., портр.
1997	СПб		Избранное. Воспоминания / ред. Т. Шмакова. — 2-е изд., перераб. — 605 с.: ил., портр.
1997	СПб		Историческая поэтика русской литературы. Смех как мировоззрение и другие работы.. — 582 с.
1998	СПб		Антропология религиозности: сб. ст. / РАН, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). — 495 с. — (Канун: альм. / под



			общ. ред. Д. С. Лихачева; Вып. 4).
1998	СПб		Пастернак Б. Л. Избранные произведения: в 2 т. — Т. 2: Доктор Живаго: роман / вступ. ст. Д. С. Лихачева. — 557 с. — (Б-ка мировой литературы).
1998	СПб		Соловки // Распяты: писатели — жертвы политических репрессий / Ист.-мемор. комис. Союза писателей Санкт-Петербурга; авт.-сост. З. Дичаров. — Вып. 4: От имени живых... — С. 129–137.
1999	Torino		La mia Russia / trad. di Claudia Zonghetti.— 389 p.
1999	СПб		Заключительное слово Д. С. Лихачева // Судьба российской интеллигенции: сб. / СПбГУП; сост. и отв. ред. В. Е. Триодин.— [Ч. 2: Судьба российской интеллигенции]. — С. 98–99.
1999	СПб		Литература времени национального подъема // Библиотека литературы Древней Руси: в 20 т. / РАН, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом); под ред. Д. С. Лихачева [и др.].. — Т. 6: XIV — середина XV века. — С. 5–28.
1999	СПб		Переводная литература в развитии литературы домонгольской Руси // Библиотека литературы Древней Руси: в 20 т. / РАН, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом); под ред. Д. С. Лихачева [и др.]. — Т. 2: XI–XII века. — С. 5–19.

Письма из книги Ю.Н. Шмелева, касающиеся определения  
возраста г. Белгорода<sup>146</sup>

Первому секретарю Белгородского  
городского комитета КПСС

г. Путивцеву В.И.

(Письмо Института археологии АН  
СССР от 22.02.83 г. № 14102/4123а)

На ваше письмо от 10 февраля 1983 г. за № 40 Институт археологии АН СССР сообщает, что во время археологических раскопок (1951 г.) в Белгороде обнаружены материалы роменской культуры, свидетельствующие о существовании на Меловой горе, на месте Белгородского городища славянского роменского поселения IX—X вв. (А.В. Никитин. *Белгородская крепость XVI—XVII вв.* «Советская археология», 1962, № 3, сс. 266, 274). В разрядной книге сохранилась запись о строительстве на Северском Донце в месте Белгородье по повелению царя Федора Ивановича в 1596 г. крепости («Разрядная книга 1475—1598 гг.» М.: Наука, 1966, с. 500). Наименование места («словет Белгородье») свидетельствует о возведении нового Бел Города на древнем городище. Поскольку в XIV—XV вв. никаких укреплений здесь не строилось, речь идет об остатках поселения времени до нашествия на Русь орд Батая.

Кроме этого, Белгород стоит на Северском Донце близ устья реки Везелицы, прямо у впадения в нее реки Гостенки, именем которой названа улица в городе — Гостенская; в названии реки «Гостенка» сохранилась память о путевом стане (городища Белгородье) на древнем пути («гостинце») из Киева в Булгар на Волге, известном с IX в.

Следовательно, Белгородское городище, на котором стоит современный город Белгород, возникло в X веке.

Директор Института,  
академик

Б.А. Рыбаков

<sup>146</sup> Шмелев Ю.Н. Тайны Белгородского треугольника или страницы жизни из трех тысячелетий истории руссов. М.: Белгородское областное историко-родословное общество, 1995. — 304 с.

Заместителю главы администрации  
Белгородской области

Смаленскому Н.В.

(Письмо от 02.06.92 г. № 84)

«Историческая справка о Белгороде» краеведа-историка Ю.Н. Шмелева составлена не совсем профессионально. Справка требует доработки.

Тем не менее, не представляет сомнений ссылка на Ипатьевскую летопись: «В лето 6500 Володимерь заложи градъ Бель...»

Соображения академика Б.А. Рыбакова также справедливы.

Считать датой основания Белгорода 993 год есть все основания.

Председатель Российского  
Международного фонда культуры,  
академик

Д.С. Лихачев

Заместителю министра культуры  
Российской Федерации

Никитиной Т.Х.

(Письмо от 01.02.93 г.  
№ 14100-1255-18)

На Ваш запрос сообщаем, что изложенные в исторической справке краеведа Ю.Н. Шмелева сведения о дате основания г. Белгорода (993 г.) князем Владимиром — результат многолетней исследовательской работы, проведенной краеведом и представляющей определенный научный интерес.

Учтя замечания академика Д.С. Лихачева по первому варианту исторической справки, краевед Ю.Н. Шмелев в новом, основательно доработанном тексте («Историческая справка о Белгороде») провел анализ соответствующей научной литературы и источников, что доказало утверждение о дате основания города — по летописным документам сообщается, что «в лето 6500 (993 г.) Володимерь заложи градъ Бель...» («Летопись по Ипатьевскому списку». СПб.: 1871, с. 83).

Отделение истории РАН поддерживает выводы председателя Российского международного фонда культуры академика Д.С. Лихачева и ныне почетного директора Института археологии РАН академика Б.А. Рыбакова относительно даты основания города Белгорода — 993 год.

Заместитель академика-секретаря  
отделения истории РАН,  
член-корреспондент РАН

В.А. Куманев

Администрации Белгородской области

Постановление правительства Российской Федерации  
от 14 марта 1995 г. № 246  
«О праздновании 1000-летия основания города Белгорода»

В связи с 1000-летием основания города Белгорода правительство Российской Федерации постановляет:

1. Принять предложение администрации Белгородской области, согласованное с Министерством культуры Российской Федерации, Министерством финансов Российской Федерации, Министерством экономики Российской Федерации, Министерством иностранных дел Российской Федерации, Министерством обороны Российской Федерации, Министерством путей сообщения Российской Федерации и Министерством транспорта Российской Федерации, о праздновании в 1995 году 1000-летия основания города Белгорода.

2. Администрации Белгородской области и Министерству культуры Российской Федерации по согласованию с другими заинтересованными федеральными органами исполнительной власти образовать организационный комитет по подготовке празднования 1000-летия основания города Белгорода (далее именуется — организационный комитет) и утвердить план основных мероприятий, приуроченных к юбилею...

3. Принять к сведению, что финансирование мероприятий по празднованию 1000-летия основания города Белгорода осуществляется за счет средств бюджета Белгородской области.

4. Министерству путей сообщения Российской Федерации, Министерству транспорта Российской Федерации совместно с администрацией Белгородской области обеспечить по заявкам организационного комитета транспортное обслуживание участников и гостей праздника.

5. Министерству иностранных дел Российской Федерации по согласованию с организационным комитетом оказывать в пределах своей ком-

6. Федеральной службе России по телевидению и радиовещанию предусмотреть освещение мероприятий, посвященных 1000-летию основания Белгорода.

Председатель правительства  
Российской Федерации

В. Черномырдин



лена тиражом 30.000 штук и предназначена для продажи на территории России и за рубежом по коллекционной стоимости (РИА «Новости», 25 мая 1995 г.)

Заместителю председателя  
правительства  
Российской Федерации

Ярову Ю.Ф.

Помощнику президента  
Российской Федерации

Корабельщикову А.И.

Главе администрации  
Белгородской области

Савченко Е.С.

(Письмо от 29.06.94 г. № 01.29/596)

Сообщаем, что в рамках программы празднования 1000-летия Белгородского Банком России в I полугодии 1995 года выпустит в обращение памятную монету из серебра 900 пробы достоинством 3 рубля.

Председатель Центрального  
Банка Российской Федерации

В.В. Герасенко

### «Серебряное тысячелетие»

Центробанк РФ выпустил в обращение памятную серебряную монету достоинством 3 руб., посвященную 1000-летию основания Белгорода. На лицевой стороне монеты изображен герб России, на оборотной

### Глубокая признательность

Докапываясь до исторической истины, мне пришлось основательно поработать в различных архивах, музейных фондах и книгохранилищах Москвы: Российском центральном государственном архиве древних актов, Российской государственной библиотеке, Музее книги, Исторической библиотеке, библиотеке Издательского отдела Московской Патриархии; Санкт-Петербурга: Российском государственном историческом архиве, Синодальном архиве, Государственном Эрмитаже, Геральдической службе Российской Федерации, Государственной публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина, а также в городах: Курске, Воронеже, Орле, Киеве, Харькове, Белгороде, межбиблиотечном абонементе Областной научной библиотеки Управления культуры администрации Белгородской области.

Идею исследовать историю Белгородской епархии со дня ее учреждения в X веке князем Владимиром мне подал преосвященный Питирим, митрополит Волоколамский и Юрьевский, в беседе, имевшей место в августе 1987 года в Издательском отделе Московской Патриархии.

Выражаю глубокую признательность за советы и практическую помощь:

высокопреосвященнейшему Питириму, митрополиту Волоколамскому и Юрьевскому; первому заместителю главы администрации Белгородской области Н. И. Мелентьеву, заместителю главы администрации области А. М. Гридчину, бывшему заместителю главы администрации области Н. В. Смоленскому;

академиком В. П. Алексееву, Д. С. Лихачеву, Б. А. Рыбакову, В. Л. Янину, членам-корреспондентам Российской академии наук В. А. Куманеву, А. П. Новосельцеву, докторам исторических наук В. П. Касаткину, С. А. Плетневой, доктору филологических наук М. В. Федоровой, доктору технических наук А. И. Ильину, кандидатам исторических наук А. В. Куза, М. П. Лукичеву, В. В. Овчинникову, И. Г. Пархоменко;

председателю правления Белгородского историко-родословного общества В. М. Пальвалло, коллективу научной библиотеки Управления культуры администрации Белгородской области, Благоучинному по Белгородской области протоиерею Олегу Кобец; краснедам: А. Г. Бобову, А. Д. Жучкову, сотрудникам администрации Белгородской области М. Н. Бухалиной, С. И. Ворсину, С. Н. Глаголеву, Т. П. Красниковой, Г. В. Шеховцову, сотруднице аппарата представителя президента Российской Федерации в Белгородской области Л. А. Гогенко, начальнику отдела института «Белгородгазпромпроект-1» З. М. Пилиней и сотруднице отдела В. А. Павляевой;

журналистам Н. Д. Лазаренко, В. А. Проценко, поэту-фронтовику В. Г. Агееву, искусствоведу М. Б. Баранову, фотохудожнику В. А. Собрывину, фотожурналистам Ю. В. Коренько, Н. Ф. Литвинову, скульптору А. А. Шишкову, художнику Н. И. Белевцеву;

предпринимателям: А. Э. Багрицкому, Л. Я. Дятченко, М. В. Лаготенко, В. В. Масленникову, А. С. Садовнику;

администрациям Белгородской области и города Белгорода; Белгородскому отделению пенсионного фонда России; банкам: «Белгородпромстройбанк» и «Северинвестбанк».

Май 1995 года

Автор

Статут Ордена Андрея Первозванного<sup>147</sup>

Статут ордена Святого апостола Андрея Первозванного

1. Орденом Святого апостола Андрея Первозванного награждаются видные государственные и общественные деятели, выдающиеся представители науки, культуры, искусства и различных отраслей экономики за исключительные заслуги, способствующие процветанию, величию и славе России.
2. Орденом Святого апостола Андрея Первозванного могут быть награждены за выдающиеся заслуги перед Российской Федерацией главы (руководители) зарубежных государств.
3. Знак ордена Святого апостола Андрея Первозванного носится на орденской цепи или на плечевой ленте. При ношении знака ордена Святого апостола Андрея Первозванного на плечевой ленте она проходит через правое плечо.
4. Ношение знака ордена Святого апостола Андрея Первозванного на орденской цепи осуществляется, как правило, в особо торжественных случаях или при наличии у награжденного ордена Святого Георгия I степени.

Звезда ордена Святого апостола Андрея Первозванного носится на левой стороне груди и располагается ниже орденов, носящихся на колодках.

5. Награжденным за отличия в боевых действиях вручаются знак и звезда ордена Святого апостола Андрея Первозванного с мечами.
6. При ношении ленты ордена Святого апостола Андрея Первозванного на планке она располагается выше других орденских лент.
7. При ношении ленты ордена Святого апостола Андрея Первозванного в виде розетки она располагается на левой стороне груди выше других орденских лент в виде розеток.
8. После вручения награжденному ордена Святого апостола Андрея Первозванного Управление делами Президента Российской Федерации обеспечивает изготовление портрета награжденного орденом.

Портрет награжденного орденом Святого апостола Андрея Первозванного выставляется в Государственном центральном музее современной истории России.

---

<sup>147</sup> Балязин В.Н., Кузнецов А.А., Соболева Н.А. Символы и награды Российской державы / В.Н. Балязин, А.А. Кузнецов, Н.А. Соболева, - М., 2006. – 529 с.